

Дорис Лессинг
Бен среди людей

Примечание автора

О «Клетках» со всеми неприятными подробностями мне рассказал десять лет назад человек, который видел их в исследовательском институте в Лондоне. По требованию сюжета я перенесла их в Бразилию, но уверена, что в Бразилии нет такого неприятного явления.

Местные власти очистили центральные улицы Рио от преступных детских банд. Им больше не разрешается беспокоить туристов.

Благодарности

Как всегда, выражаю огромную благодарность моему агенту Джонатану Клоусу, особенно за его вклад в создание романа о Бене Ловатте, «Пятом ребенке».

Я также благодарна Сюзетте Мачедо за рассказы о жизни в Бразилии; а также Мартину Копертари, который предоставил мне информацию о северо-западной Аргентине, этой восхитительно красивой части мира.

— Сколько вам лет?

— Восемнадцать.

Бен ответил не сразу, потому что ему было страшно, он знал, что случится дальше: молодой человек, скрывающийся от посетителей за стеклом, опустит ручку на бумагу и станет пристально рассматривать своего клиента. Бену было слишком хорошо знакомо это выражение лица: в нем читались удивление и нетерпимость, но без насмешки. Перед ним стоял невысокий, полный, или, по крайней мере, крепко сложенный мужчина, одетый в куртку огромного размера, ему должно быть не меньше сорока. И такое лицо! Широкое, с резкими чертами, рот растянут в ухмылке — что, черт возьми, его так развеселило? — огромный нос, раздувающиеся ноздри, глаза с зеленцой, рыжеватые ресницы, над ними щетинистые брови того же цвета. Короткая аккуратная бородка клином смотрелась на этом лице нелепо. Как и ухмылка, его длинные желтоватые волосы поражали и раздражали — они круто спадали на лоб, а по бокам завивались жесткими локонами, словно пародия на модную стрижку. В довершение портрета — шикарное произношение; он что, издевается? Служащий пристально

рассматривал клиента — присутствие Бена было ему неприятно и вызывало злобу. Он раздраженно произнес:

— Не может вам быть восемнадцати. Сколько на самом деле?

Бен молчал. Он был настороже, поскольку ощущал опасность. Он жалел, что пришел сюда: стены могли сомкнуться вокруг него. Прислушивался к звукам снаружи — в надежде, что они придадут ему уверенности в собственной нормальности. На платане и тротуаре ворковали голуби, и Бен чувствовал, что он с ними, представлял, как они цепляются за ветки своими розовыми лапками, и будто ощущал, как они обхватывают его собственный палец; их согревало солнце, и они были довольны. Внутри же слышались звуки, которых Бен не мог понять, пока не отделял один от другого. А молодой человек напротив ждал, играя шариковой ручкой. Рядом зазвонил телефон. С обеих сторон от служащего сидели еще несколько молодых мужчин и девушек, а перед ними это стекло. Некоторые пользовались щелкающими и дребезжащими приборами, некоторые таращились на экраны, где появлялись и исчезали слова. Бен знал наверняка: все эти шумные устройства настроены к нему враждебно. Он немного подвинулся в сторону, чтобы не замечать действующих на нервы отражений в стекле и не видеть разозлившегося на него человека.

— Да. Мне восемнадцать, — сказал он.

Бен знал, что это так. Когда он отправился искать свою мать, три зимы назад — там он не остался, потому что приехал его ненавистный брат Пол, — она написала большими буквами на куске картона:

Тебя зовут Бен Ловатт.

Твою мать зовут Гарриет Ловатт.

Твоего отца зовут Дэвид Ловатт.

У тебя четверо братьев и сестер: Люк, Хелен, Джейн и Пол. Они старше тебя.

Тебе пятнадцать лет.

С другой стороны карточки было написано:

Ты родился в...

Твой домашний адрес...

Эта карточка повергла Бена в яростное отчаяние, и он, выхватив ее у матери, убежал из дома. Сначала он замалевал «Пола». Потом имена остальных братьев и сестер. Карточка упала на пол, он поднял ее и повернул обратной стороной, замалевал все слова черной ручкой, оставляя лишь безумную пачкотню.

Это число, пятнадцать, часто всплывало в вопросах, которые, как Бену казалось, вечно ему задавали. «Сколько тебе лет?» Бен знал, что это важно, и потому запомнил, а когда на Рождество сменялся год — такое не пропустишь, — он прибавлял год и себе. Теперь мне шестнадцать. Теперь семнадцать. Теперь, поскольку кончилась третья зима, мне восемнадцать.

— Ладно, тогда скажите, когда вы родились?

После того как он яростно измалевал заднюю сторону карточки черной ручкой, Бен с каждым днем все лучше и лучше понимал, какую ошибку совершил. Когда его ярость достигла вершины, он уничтожил карточку, поскольку теперь от нее не было никакого толку. Бен знал свое имя. Он знал «Гарриет» и «Дэвид», а до братьев и сестер ему не было дела — он бы предпочел, чтобы они все умерли.

Бен не помнил, когда родился.

Вслушиваясь в каждый звук, он заметил, что шум в офисе неожиданно стал громче, потому что в одной из очередей какая-то женщина заорала на служащего, задававшего ей вопросы, из-за этой вспышки гнева люди во всех очередях начали переходить и меняться местами, некоторые забубнили, а потом стали произносить, словно лая, короткие злые слова, вроде «ублюдки» и «дерьмо» — а эти слова Бен знал очень хорошо и боялся их. Он почувствовал, что от заливки вниз по позвоночнику пополз холодок страха.

Мужчина, стоявший за ним, в нетерпении сказал:

— Может, у вас времени полно, а я спешу.

— Когда вы родились? Какого числа?

— Я не знаю, — ответил Бен.

Тогда служащий решил покончить с этим, отложив решение проблемы:

— Найдите свое свидетельство о рождении. Пойдите в Архив. И дело с концом. Вы не можете сказать, где в последний раз работали. У вас нет адреса. Вы не знаете дату своего рождения.

С этими словами он отвел взгляд от Бена и кивком велел следующему мужчине занять его место. Бен стремительно вышел из офиса, волосы на теле и голове от страха встали дыбом, как у загнанного зверя. Снаружи по тротуару ходили люди, по узкой улице ехали машины, под деревом, где сустились и самодовольно ворковали голуби, стояла скамейка. Он сел на край, подальше от молодой женщины, та окинула его взглядом, потом еще раз, поморщилась и ушла, оборачиваясь. Бен уже знал *такое* выражение лица и ожидал его. Женщина еще не испугалась, но до этого недалеко.

По движениям было видно, что она спешила и волновалась, будто убегала. Оглядываясь, женщина зашла в магазин.

Бен хотел есть. Денег не было. На земле валялись сухие крошки, брошенные голубям. Он поспешно собрал их, озираясь: его как-то за это уже отругали. Потом на лавочку сел старик, долго и пристально смотрел на Бена, но решил не обращать внимания на свои инстинкты. Он закрыл глаза. Солнце слегка отсвечивало на потном старом лице. Бен поднялся, подумал, что надо бы вернуться к старухе, но она будет им недовольна. Это она велела ему сходить в офис и подать заявление на пособие по безработице. При мысли о ней Бен улыбнулся — по-другому, не той ухмылкой, которая рассердила клерка. Он сидел и улыбался, в бороде блеснули зубы, Бен посмотрел на старика, тот очнулся, вытер с лица пот и, глядя на ладони, сказал:

— Что? Что такое? — как будто он ему о чем-то напомнил. Потом, словно защищаясь, резко сказал Бену: — Над чем это ты смеешься?

Бен встал со скамейки, вышел из тени дерева, оставив общество голубей, и пошел по улицам, зная, что, двигаясь в правильном направлении, ему идти мили две. Вот он приближается к кварталу больших многоквартирных домов. Бен уверенно подошел к одному, вошел, увидел, что лифт, шипя и стуча, едет вниз, попытался вынудить себя зайти в него, но страх заставил пойти по лестнице. Один, два, три... одиннадцать холодных серых лестничных пролетов, слышно, как за стеной ворчит и трещит лифт. На площадке — четыре двери. Бен направился к той, из которой доносился сочный запах мяса, у него потекли слюнки. Он повернул ручку, подергал ее, отошел и в ожидании уставился на дверь. Она открылась. За дверью, улыбаясь, стояла старуха.

— О, Бен, это ты, — сказала она, обняла его и провела в комнату.

Войдя, он встал, слегка ссутулившись, бросая взгляды из стороны в сторону, в первую очередь — на большую полосатую кошку, сидевшую на подлокотнике кресла. Шерсть у кошки встала дыбом. Старушка подошла к ней и сказала:

— Ну, ну, киска, все хорошо. — Ее руки успокоили животное, прогнали страх, и кошка снова стала гладкой и аккуратной. Потом старушка подошла к Бену и сказала ему те же слова: — Ну вот, Бен, все хорошо, проходи и садись. — Бен перестал непрерывно смотреть на кошку, но не потерял бдительности и то и дело поглядывал в ее сторону.

Старушка жила в этой комнате. На плите стояла кастрюля, в которой тушилось мясо — это его Бен унюхал на лестничной площадке.

— Все хорошо, Бен, — снова сказала женщина и наполнила две чашки мясом, рядом с одной положила несколько кусков хлеба — для Бена, свою чашку поставила напротив, отложила немного в блюдце для кошки и поставила его на пол рядом с креслом. Но кошка не стала рисковать — она сидела тихо и не сводила глаз с Бена.

Бен сел и уже собрался было залезть в чашку руками, но старушка покачала головой. Он взял ложку и начал есть, контролируя каждое движение, осторожно, аккуратно, хотя было видно, что он сильно голоден. Старушка почти не ела — она все время смотрела на Бена и, когда он доел, положила ему в тарелку все, что оставалось в кастрюле.

— Я не ожидала, что ты придешь, — сказала она: это означало, что она приготовила бы больше. — Наедайся хлебом.

Бен доел мясо, а потом хлеб. Больше ничего не осталось, только кусочек пирога; старуха пододвинула его к Бену, но тот отказался.

Теперь ничто не занимало его внимания, и женщина спросила, медленно, словно говорила с ребенком:

— Бен, ты ходил в офис? — Она рассказывала ему, как туда добраться.

— Да.

— Что там случилось?

— Они сказали: «Сколько вам лет?»

Старушка вздохнула, закрыла лицо руками, потерла его, словно пытаясь стряхнуть тяжелые мысли. Она знала, что Бену восемнадцать: он постоянно твердил об этом. Она ему верила. Это единственное, что он всегда повторял. Но она знала, что перед ней не восемнадцатилетнее существо, и решила перестать думать о том, что это значит. *Не мое это дело — кто он там на самом деле, — вот ее мысли. — Опасно! Трудно! Не вмешивайся!*

Он сидел, как пес, ожидающий наказания, зубы сверкали уже в другой ухмылке, старушка ее знала и понимала, что растянутые губы и этот оскал выражают страх.

— Бен, ты должен вернуться к матери и попросить свидетельство о рождении. Наверняка оно у нее. Это избавит тебя от многих сложностей и вопросов. Ты помнишь дорогу?

— Да, я знаю.

— Думаю, стоит пойти поскорее. Может, завтра?

Бен не сводил с нее взгляда, замечая каждое малейшее движение глаз, губ, видел ее улыбку и настойчивость. Старушка уже не первый

раз советует ему сходить домой и разыскать мать. А он не хочет. Но если говорит, что он должен... Но вот что странно: старушка дружелюбна, тепла и добра к нему, но в то же время настаивает, чтобы он сделал то, что больно, сложно и страшно. Бен не сводил глаз с улыбающегося лица, которое в этот момент выражало для него все, что он не понимал в этом мире.

— Видишь ли, Бен, я живу на пенсию. Это все мои средства. Я хочу тебе помочь. Но если бы у тебя были деньги — а в той конторе тебе дали бы денег, — мне стало бы легче. Понимаешь, Бен? — Да, он понимал. Он был знаком с деньгами. Усвоил этот нелегкий урок. Нет денег — нет еды.

И она сказала, будто просила его не о чем-то важном, а о какой-то мелочи:

— Ладно, договорились.

Старуха встала.

— Послушай, я кое-что достала, думаю, тебе подойдет.

На кресле висела свернутая куртка, купленная в благотворительном магазине подержанных вещей, долго пришлось искать модель подходящего размера. Куртка Бена была грязной и изорванной.

Он снял ее. Куртка, которую нашла старуха, обхватывала плечи и грудную клетку, а в талии была широка.

— Смотри, можно затянуть. — Она подогнала пояс. Были еще и штаны. — А теперь, Бен, тебе надо искупаться.

Он покорно снял новую куртку и свои штаны, не сводя глаз со старухи.

— Бен, эти штаны я выброшу. — Она так и сделала. — Еще я купила белье и рубашки.

Он стоял голый и наблюдал, а она пошла в маленькую ванную. Бен втягивал запах воды, раздувая ноздри. Пока ждал, изучил все запахи в комнате: слабеющий аромат чудесного мяса — теплый и приятный запах; хлеб, пахнувший как человек; еще резкий животный запах — запах кошки, та все еще следила за ним; запах кровати, в которой спали, а подушки, накрытые одеялами, пахли по-другому. А еще Бен прислушивался. Лифт за стенами молчал. В небе слышалось урчание, но он знал, что это самолеты, и не боялся их. Движения машин на улице он совсем не замечал — не придавал ему значения.

Старушка вернулась и сказала:

— Идем, Бен. — Он последовал за ней, залез в воду, скрючился. — Садись, — велела женщина.

Бену не хотелось погружаться, было опасно скользко, но горячая вода уже доходила ему до талии. Он закрыл глаза, показывая зубы на этот раз в покорной улыбке, и позволил ей вымыть его. Он знал, что купаться необходимо, время от времени. От него этого ожидали. Честно говоря, вода начинала ему нравиться.

Теперь, когда Бен перестал пристально смотреть на старуху, она уже не скрывала своего любопытства, которое нельзя удовлетворить — да и проявлять нельзя.

Она дотрагивалась до сильной широкой спины, по обеим сторонам позвоночника тянулись полосы темных волос, на плечах — густой влажный мех: такое ощущение, будто моешь собаку. На руках тоже были волосы, но не много, не больше, чем бывает у обычного мужчины. Волосы росли и на груди, но не похожие на мех, нормальная мужская грудь. Она дала Бену мыло, но оно выскользнуло в воду, и он начал рьяно его ловить. Она нашла мыло и энергично намылила Бена, а потом тонкой струей из душа смыла всю пену. Бен выскочил из ванны, старушка заставила его залезть обратно, вымыла ему ноги, зад, а потом и половые органы. Он этого не стеснялся, она тоже. Потом, наконец, можно было вылезти, и Бен смеялся и стряхивал воду на полотенце, которое держала старуха. Ей нравилось, как он смеется: похоже на лай. Давным-давно у нее была собака, которая так лаяла.

Она вытерла его насухо, потом голого отвела назад в комнату, заставила надеть новые трусы, рубашку из благотворительного магазина, брюки. Затем положила ему на плечи полотенце, Бен недовольно задержался, но она сказала:

— Бен, это обязательно.

Сначала она подровняла бороду. Та была жесткой и колючей, но старушка с ней справилась. Потом волосы, а это уже другое дело — они у Бена грубые и густые. Проблема в двойной макушке: если постричь слишком коротко, на черепе будут видны щетинистые завитки. Приходилось оставлять волосы сверху и по бокам достаточно длинными. Она говорила, что с какой-нибудь хорошей модной стрижкой он будет выглядеть как кинозвезда, но так как Бен это не воспринимал, она подобрала другие слова:

— Тебя могли бы сделать таким красавцем, Бен, ты бы сам себя не узнал.

Но и сейчас он неплохо выглядел и пах чистотой. Наступил вечер, и старушка занялась тем, что стала бы делать и без Бена: принесла из

холодильника пару банок пива, налила себе в стакан, а потом налила и ему. Они собирались провести вечер за его любимым занятием — перед телевизором. Но сначала старуха нашла клочок бумаги и написала:

Миссис Эллен Биггс

Мимоза-Хаус, 11

Хэлли-стрит, Лондон ЮВ6.

Она сказала:

— Попроси у матери свое свидетельство о рождении. Если придется его заказывать, скажи ей, что она может писать тебе на мое имя — вот адрес.

Бен не ответил, нахмурился.

— Бен, ты понял?

— Да.

Она не знала, понял ли он на самом деле, но решила, что понял.

Бен смотрел на телевизор. Она встала, включила его и вернулась к кошке.

— Ну, киска, все в порядке.

Но кошка ни на секунду не сводила глаз с Бена.

Теперь все стало легко и приятно. Похоже, Бену было все равно, что смотреть. Иногда старуха думала, что ему скучно, и переключала на другой канал. Ему очень нравились программы про диких животных, но в тот вечер ничего такого не показывали. На самом деле, это к лучшему, потому что он иногда слишком возбуждался: старуха знала, что просыпались его животные инстинкты. С самого начала она поняла, что он сдерживал порывы, о которых она могла лишь догадываться. Бедняжка Бен — она знала, что он такой, но не знала почему.

Когда пришло время ложиться спать, старуха расстелила на полу матрас для Бена, рядом на всякий случай положила одеяла: он обычно не накрывался. Кошка, увидев, что враг на полу, запрыгнула на кровать и легла поближе к женщине. Оттуда она не могла наблюдать за Беном, но тут было не страшно, она чувствовала себя в безопасности. Когда выключили свет, в комнате не стало темно, так как ночь была лунная.

Старуха прислушивалась к дыханию Бена, пока оно не изменилось на «ночное дыхание», как она его называла. Она думала: это все равно, что слушать рассказ о разных событиях или приключениях,

который кошка, наверное, понимала. Во сне Бен убегал от врагов, охотился, сражался. Старушка знала, что он не человек, «не такой, как мы», как она говорила. Может быть, что-то вроде йети. Когда она впервые его увидела в супермаркете, он рыскал — по-другому не назовешь: потянулся и схватил несколько буханок хлеба. Она так и не забыла того, что увидела, бросив первый мимолетный взгляд на этого дикого человека. Он воплощал контролируемый взрыв яростных стремлений и неудовлетворенных потребностей, и она это знала, даже когда сказала контролеру: «Все в порядке, он со мной».

Старуха дала ему пирожок, который купила себе на обед, и Бен съел его, пока она выводила его из магазина. Привела его к себе домой и накормила. Вымыла, хотя в первый раз он сопротивлялся. Она заметила, как он иногда реагирует на сырое мясо, это ее сильно тревожило, но она все равно покупала для Бена больше мяса. Вот из-за чего он менялся: из-за мяса, просто не мог им насытиться. Старуха ела совсем немного, просто перекусывала чем-нибудь — яблоком, кусочком сыра, пирожным, бутербродом. Бену повезло, что она в тот день тушила мясо: сама она такие блюда ела очень редко.

Однажды, когда все трое уже уснули, старуха проснулась от того, что ей что-то давило на ноги. Бен забрался на кровать и улегся, положив голову у ее ног, согнув колени. Кошка забеспокоилась и разбудила ее. Бен спал. Так ложатся собаки, рядом, за компанию; у старушки защемило сердце — она понимала, насколько Бен одинок. Проснувшись утром, он смутился. Подумал, что поступил плохо, но старушка сказала:

— Все нормально, Бен, места всем хватит.

Кровать была большая, она спала на ней, когда была еще замужем.

Она считала, что Бен, как умная собака, всегда старается предугадать ее желания и команды. А на кошку совсем не похож: совершенно другое восприятие. И на обезьяну не похож — его движения слишком неторопливы и тяжелы. Не похож ни на что ей известное. Просто Бен, такой, какой он есть — кем бы он ни был. Ее обрадовало то, что он собирался найти своих родных. Бен был не особо разговорчив, но она выяснила, что он из богатой семьи. И говорил он не так, как можно бы предположить, судя по его внешнему виду. Похоже, мать он любил. Как думала Эллен Биггс, если она сама добра к Бену, то и его родные могли так же к нему относиться. Но если ничего не получится и он вернется снова, она сходит с ним в Государственный архив и выяснит, сколько ему лет. Этот вопрос настолько ее смущал, что она перестала даже пытаться его решить. Бен твердил, что ему восемнадцать, и ей оставалось только верить. Во многом он вел себя как ребенок, но когда ей удавалось

всмотреться в его лицо, он даже казался человеком средних лет, из-за морщин вокруг глаз. Мелкие морщинки, но все равно: у восемнадцатилетних таких не бывает. Она даже размышляла о его сородичах, кем бы они ни были, ее интересовало, вырастут ли они быстрее, тогда бы они умирали по нашим меркам рано. Средний возраст — двадцать лет, стареют к сорока, тогда как ей, Эллен Биггс, исполнилось восемьдесят, и она только начинала ощущать свой возраст и надеялась, что ей не придется совершать это утомительное путешествие до Архива, стоять там в очереди; от одной этой мысли она устала и рассердилась. Старушка заснула, прислушиваясь к сновидению Бена, а когда проснулась, он уже ушел. Исчезла и записка с адресом, а также десятифунтовая бумажка, которую она ему оставила. Хотя она и ожидала этого, все равно села, прижимая руку к взволнованному сердцу. С тех пор, как несколько недель назад Бен вошел в ее жизнь, появилось и предчувствие беды. Когда он куда-то уходил, она сидела в одиночестве и думала: где Бен? Чем он занят? Его снова обманывают? Слишком часто она слышала от него: «Они забрали мои деньги», «Они все украли». Проблема в том, что рассказывал он все очень путано.

— Когда это случилось, Бен?

— Летом.

— Нет, я хочу знать, в каком году?

— Я не знаю. Это было после фермы.

— А это когда?

— Я прожил там две зимы.

Она знала, что ему было около четырнадцати, когда он ушел из семьи. Так чем же он занимался эти четыре года?

Мать Бена ошибалась, думая, что он сразу ушел далеко. Они с бандой школьников-хулиганов устроили лагерь в пустом доме на окраине города, оттуда и совершали свои набеги, грабили магазины, вламываясь туда по ночам, а по выходным ездили в соседние городишки, где ошивались на улицах с местными подростками, в надежде подраться и развлечься. Бен считался лидером, потому что был очень силен и защищал их. То есть, это они так думали, но подлинная причина заключалась в том, что он уже созрел внутренне, повзрослел, скорее он был родителем, а они — все еще детьми. Их ловили, одного за другим, и отправляли в борстал^[1] или назад к родителям и в школу. Однажды вечером он стоял с краю своры дерущихся подростков — сам Бен не дрался, так как боялся своей силы, своей ярости — и понял, что одинок, что у него нет товарищей. Какое-то время он входил в банду ребят постарше, но над ними у него

власти не было, как над младшими. Его заставляли красть, прикалывались над ним, высмеивали его правильную речь. Бен ушел от них и перебрался на запад, где попал в банду мотоциклистов, которая вела войну с бандой соперников. Ему ужасно хотелось водить мотоцикл, но он никак не мог этому научиться. Хотя Бену было достаточно просто находиться рядом с ними, с этими машинами, так сильно он их любил. Ребята заставляли его охранять мотоциклы, когда шли в какую-нибудь забегаловку или паб. Ему давали еду и иногда немного денег. Однажды ночью соперники заметили Бена, когда он охранял с полдюжины мотоциклов, избили его, двенадцать на одного, и бросили, всего в крови. Когда вернулись ребята из его банды и недосчитались пары мотоциклов, они уже были готовы тоже избить его, но увидели, что этот урод, который обычно казался тупым и медлительным, словно взбесился — он кидался, вопил, нападал. Чуть не убил одного из них. Набросившись все вместе, они взяли над ним верх, не сломав ни одной кости, но Бен снова истекал кровью и ему было погано. Какая-то девица, работавшая в пабе, завела его внутрь. Вымыла и усадила в углу, дала ему поест и говорила с ним, пока он снова не пришел в себя. Наконец Бен успокоился и, похоже, оцепенел.

К нему подошел какой-то человек, подсел и спросил, не ищет ли он работу. Так Бен оказался на ферме. Он пошел с Мэтью Гриндли, поскольку знал, что если сейчас его заметит парень из любой банды, то позовет остальных, и его снова избьют.

Ферма располагалась очень далеко от какого-либо шоссе, к ней вела лишь узкая грязная заросшая дорога. За фермой не следили, как и за большим домом: комнаты, в которых крыша протекала слишком сильно, закрыли. Двадцать лет назад эту ферму завещал Мэри Гриндли, Мэтью Гриндли и Теду Гриндли их отец. Одну ферму, без денег. Они жили достаточно независимо, за счет своих животных, фруктового сада и огорода. Все поля, какие были, одно за другим продали соседям — там рос лишь корм для скота. Раз в месяц Мэри и Мэтью — а теперь Мэри и Бен — ходили за три мили в деревню купить продуктов и выпивки для Теда. Ходили они пешком, потому что их машина ржавела во дворе.

Когда требовались деньги на еду, электричество, налоги, Мэри говорила Мэтью:

— Отведи эту скотину на рынок, возьми за нее сколько дадут. — Но счета лежали месяцами, иногда их вообще не оплачивали.

Все старались забыть этот позорный дом: местные отчасти стыдились, отчасти жалели Гриндли. Все знали, что «мальчишки» — но теперь-то они старели — были слегка придурковаты. Еще и неграмотные. Мэри собиралась замуж, но из этого ничего не вышло. Это она управляла фермой. Говорила братьям, что делать: почините

забор... вычистите коровник... отведите овцу на стрижку... посадите овощи. Она ругалась на них весь день и спуску им не давала, приходилось. Всю работу выполнял Мэтью: Тед потихоньку спивался у себя в комнате. Он никому не мешал, но работать не мог. У Мэтью начинался артрит, проблемы с дыханием, и вскоре он тоже уже не мог выполнять тяжелую работу. Он кормил цыплят и следил за огородом, но не больше.

Бену выделили комнату, мебели там почти не было — совсем не похоже на те красивые комнаты, в которых он рос. Есть разрешали сколько угодно. Работал он каждый день от заката до рассвета. Бен понимал, что выполняет большую часть работы, но не знал, что без него ферме конец. Скоро станет невозможно держать эту ферму, или подобную, когда Европейская комиссия издаст указы и разошлет шпионов, которые будут непрестанно высматривать. Это был позор, расточительство хорошей земли. Пешком по дороге приходили люди, шли через ферму, в надежде купить ее — телефон был отключен за неуплату, — и их встречала сердитая старуха Мэри, велела им убираться и хлопала дверью у них перед носом.

Когда про Гриндли спрашивали на соседних фермах, люди увиливали, становясь на их сторону против бюрократов и любопытствующих. Что будет с этими несчастными изгоями — Тедом и Мэтью, — если они лишатся фермы? Они окажутся в Приюте, вот что. А Мэри? Нет, пусть бедняги доживают свое. А еще с ними живет этот парень, взялся откуда-то, никто не знает, откуда, похож на какого-то йети, но работает весьма неплохо.

Однажды, когда Бен пошел с Мэри в деревню, чтобы помочь донести продукты, его остановил какой-то человек и сказал:

— Говорят, ты живешь с Гриндли. Они с тобой хорошо обращаются?

— Чего вам надо? — спросил Бен.

— Сколько они тебе платят? Насколько я знаю Гриндли, немного. Если пойдешь ко мне, не пожалеешь. Я Том Уэндсворт... — он повторил свое имя, затем еще раз. — Любой из местных скажет, как добраться до моей фермы. Подумай об этом.

— Чего он хотел? — поинтересовалась Мэри, и Бен ей все рассказал.

Бену не дали расчетной книжки, условия труда тоже не обсуждались. Мэри давала ему пару фунтов, когда они шли в деревню, чтобы он мог купить зубную пасту и всякое такое. Ее удивляло, что Бен заботится о личной гигиене и опрятно одевается.

Тогда она сказала:

— Я храню твой заработок, Бен. Ты же знаешь.

Откуда он мог знать? Он впервые об этом слышал. Мэри считала, что Бен бестолковый, как и ее братья, но теперь поняла, что намечаются трудности.

— Бен, я не хочу, чтобы ты уходил от нас, — сказал она, — у других ты больше не получишь. Я отложила для тебя уже порядочно денег. Можешь забрать их, когда захочешь.

Она указала на верхний ящик у себя в комнате. Потом притащила стул, заставила Бена встать на него, а сама крепко держала спинку. В ящике лежали пачки банкнот. Бену казалось, что денег больше, чем он мог бы себе представить.

— Это мое? — спросил он.

— Половина твоя, — ответила Мэри.

Когда Бен вышел из комнаты, она перепрятала деньги.

Он не хотел расставаться с Мэри — хотя очень любил корову и обожал дурачества поросят. Он думал, что Мэри хорошо к нему относится. Она чинила ему одежду, купила на зиму новый толстый свитер, давала ему есть много мяса. И никогда не сердилась на него, как на братьев.

Он вел еще одну жизнь, о которой другие и не догадывались. Спать все ложились рано, так как не знали, чем заняться, — не было даже телевизора: Тед часам к девяти-десяти обычно напивался и начинал храпеть, а Мэри слушала новости по радио, после чего шла к себе в комнату. Когда дом затихал, Бен вылезал наружу через окно в своей комнате и гулял по полям и лесам, одинокий и свободный, сам по себе. Он ловил и ел мелких зверьков или птиц. Прятался часами на четвереньках за кустом, наблюдая за игрой лисят. Сидел, оперевшись спиной о дерево, и слушал сов. Или стоял рядом с коровой, обняв ее за шею, уткнувшись в нее носом; когда корова поворачивала голову, чтобы обнюхать Бена, от нее исходило тепло, горячие сладкие потоки дыхания согревали его руки и ноги, и Бен чувствовал себя под защитой доброты. Или прислонялся к столбу забора, вглядываясь в ночное небо; если ночь была ясная, Бен мычал свои песенки звездам или танцевал на месте, поднимая ноги и притопывая. Однажды старухе Мэри послышался шум, который требовал внимания; она подошла к окну, заметила Бена и вышла украдкой, в темноте, посмотреть и послушать. Она похолодела, а волосы на голове встали дыбом. Но какое ей дело до того, как Бен развлекается? Без него животные останутся некормленными, коровы недоенными, свиньям придется жить в грязи. Бен интересовал Мэри Гриндли, но не настолько. В ее собственной жизни доставало проблем, чтобы еще

беспокоиться о других. Появление Бена на ферме она считала господней милостью.

Однажды Тед напился, упал с лестницы и умер. Судя по всему, Мэтью, хромой кашляющий старик, должен был стать следующим, но умерла Мэри — от сердечного приступа. Различные власти начали проявлять любопытство, и один из них — тот, который требовал показать счета, — задавал Бену личные вопросы. Бен собирался сказать что-нибудь о том, что ему положены деньги, но инстинкты громко кричали: «*Берегись!*» — и он сбежал.

Сначала он собирал яблоки на ферме, где производили сидр, потом малину. Остальные сборщики были из Польши, в основном — студенты, приехавшие работать по контракту, веселые молодые люди, они намеревались хорошо провести время, несмотря на то что работа отнимала много времени. Бен был молчалив и осмотрителен, постоянно настороже. Спали в специальных фургонах, но он терпеть не мог такого скопления народу и спертых воздуха, и после ужина, пока все пели, шутили и смеялись, Бен брал спальный мешок и уходил в лес.

Когда сбор был закончен, ему дали немало денег, и он радовался, поскольку знал, что без них он беспомощен. Но кто-то из тех шутников украл деньги из куртки, когда она висела на кусте, под которым он спал. Бен заставил себя вернуться на ферму, думая о тех деньгах, что он видел в ящике: половина принадлежит ему, — но дом был закрыт, животных не осталось, а вокруг уже разрослась крапива. До Мэтью Бену не было дела, за все время тот не сказал ему ни слова — только злобные замечания, например, когда подохла старая собака, он вымолвил:

— Другая собака нам не нужна, у нас есть Бен.

Бен отправился домой — хотел найти мать, но та снова переехала. Пришлось напрячь мозги, чтобы выяснить, куда. Постройка ничуть не походила на ту, которую Бен считал своим домом. Бен не смог заставить себя войти, потому что увидел там Пола, и Бена чуть не охватила ярость — его злейший враг.

Поэтому он по старой дороге вернулся в Лондон, богатый Лондон, где наверняка есть что-нибудь и для него. Он нашел там работу, и его снова обманули, Бен уже совсем отчаялся и изголодался, когда Эллен Биггс нашла его в супермаркете.

Казалось, на темном тротуаре возле Мимоза-Хаус никого не было, но Бен знал, что ночью любая тень может стать длиннее и превратиться во врага, и когда заворачивал за угол, он чуть не

врезался в пьяного, который шел, пошатываясь, ругаясь и бормоча. Бен обошел его, перебежал через пустую улицу, не обращая внимания на светофор. Только добравшись до Ричмонда, он начал переходить дорогу по пешеходным переходам, говоря себе «иди» на зеленый, «стой» на красный. Уже появились люди, много людей. Он все шел, прислушиваясь к своим инстинктам, которые отлично работали, если их не запутывать картами и указаниями; когда Бен добрался до центральной улицы, он уже проголодался. Зашел в кафе, на котором было написано «завтрак круглосуточно», и, как всегда в незнакомом месте, стал выискивать людей с тем удивленным взглядом, который грозил опасностью. Но было слишком рано, и люди ни на что не обращали внимания. Он старался есть медленно и внимательно и ушел из кафе довольный собой. Двинулся дальше и к полудню уже шел через поля, а солнце согревало все вокруг. Потом Бен оказался в лесу. В прошлогодних листьях шуршал дрозд. Бен его с легкостью поймал, ободрал перья, и съел в два счета. Появилась самка дрозда — узнать, что творится. Две птички и их горячая кровь утолили желание, которое Бен испытывал постоянно, и он пошел дальше, но не бегом, ибо знал, что за ним могут погнаться люди. На заправке купил бутылку воды, а когда вышел из магазина, увидел мотоцикл, с ревом подъезжавший к стоянке. Бен подошел поближе — его влекла любовь к этой блестящей, яркой, мощной машине. Он стоял и скалился — эта улыбка выражала удовольствие. Парень, владелец мотоцикла, подавил все свои сомнения насчет подозрительного бородача, поскольку узнал в нем единомышленника, такого же обожателя, как и он сам, и сказал:

— Присмотри за ним минутку, — и зашел в магазин. Когда вышел, Бен гладил ручки, с таким выражением на лице, что этот парень, который обычно никому не позволял больше чем дотронуться до мотоцикла, вынужден был сказать:

— Ну, садись. — Бен запрыгнул, и они поехали.

— Тебе куда?

— Туда, — заорал Бен, перекрикивая ветер.

Огромная машина, рыча и ревя, мчалась вперед, они обгоняли всех, и Бен тоже ревел — это было похоже на песню, победный клич, и молодой водитель, слыша эти вопли восторга за спиной, смеялся и тоже кричал, а потом по-настоящему запел. Бен, хоть и не знал эту песню, все равно стал подпевать.

Доехали до маленького городка. Мотоцикл резко свернул налево, и сразу же все улицы остались позади, впереди — сельская местность, и Бен заорал:

— Дай слезть, мне не сюда!

Парень крикнул:

— Так что ж ты сразу не сказал? — и повернул назад, опасно наклоняясь, пролетая рядом с автомобилями и грузовиками; они помчались назад к центру города.

— Туда? — заорал водитель, и Бен прокричал:

— Да!

Он стоял на тротуаре в центре города, мотоцикл стремительно удалялся, а парень показывал Бену поднятые большие пальцы.

Бен повернулся — он знал, куда идти, и отправился дальше, думая о мотоцикле, в бороде сияла счастливая улыбка. Они много проехали. Бен дойдет, куда ему нужно, на много часов раньше, чем предполагал; на самом деле, он вышел на хорошо знакомую дорогу уже после обеда. Вот дом, большой прекрасный дом, окруженный садом, а там... Бен посмотрел на окна с решетками, и сразу же им овладела холодная, но сильная злоба. Решетки — для него. Когда-то он стоял там и тряс их своими сильными руками, а решетки нисколько не поддавались; только там, где они были вделаны в стены, от тряски отскочили кусочки краски, давая понять, насколько бесполезна его сила. Но злобу, которую Бен ощущал в тот момент, заглушала более сильная необходимость, она тянула его к дому. Мать, он хотел увидеть мать. Благодаря доброте старухи он вспомнил и другую доброту, и понял, что это было: она, как и старуха, не обижала его, она пришла, чтобы выволить его *оттуда*... Из парадного входа выбежали дети. Бен их не знал и подумал: «Конечно, они переехали». Теперь матери здесь нет. Отвернувшись от дома, от своего дома, Бен начал ходить туда-сюда по улицам, как собака в поисках запаха, но искал он не запах; он видел другой дом, тот, в который переехала его семья... Погоди, был же еще один, адрес мать написала на большой карточке. Бен шел к нему, но это не то, что нужно. Он ни разу не был в том доме, в котором они живут сейчас. Бен не мог его найти: у него не было в голове схемы улиц, запахов, кустов, калиток.

Что теперь? Отчаяние сдавило грудь, словно стон, а потом он подумал: «Погоди, парк, вот куда она придет». И он отправился в маленький парк, где часто играл со своими братьями и сестрами. Точнее, где он смотрел, как они играют, потому что они жаловались на его грубость. Играл он только один или с матерью.

Там была скамейка, которую Бен знал очень хорошо. Мать любила этот парк и эту скамейку — иногда она приходила после полудня и сидела здесь до вечера. Но скамейка оказалась пуста. Бен понял: если он будет ходить тут слишком долго, люди начнут обращать на

него внимание. Он походил, сколько осмелился, высматривая в лицах людей «тот взгляд», а потом сел на скамейку, с которой была видна *та* скамейка, которую считал маминой. Бен ждал. Он снова проголодался. Вышел из парка, хотел зайти в то кафе, куда ходил со своими товарищами из банды — из той банды, где он был лидером и командиром, — но кафе исчезло. Он купил в автомате сэндвич с мясом, вернулся в парк — и там увидел ее, свою мать, она сидела с книгой в руке. Ее тень на траве почти доставала до него. Он повторял про себя все, что должен у нее спросить, ее новый адрес, его точный возраст, дату рождения, есть ли у нее свидетельство о рождении? Нежное счастье заливало Бена подобно солнечному свету, и когда он подготовился задать вопросы, поздороваться с ней, он увидел, что по лужайке к ней идет... Пол; Пол, брат, которого Бен ненавидел настолько, что в детстве часами думал о том, чтобы убить его, раз и навсегда. Это был он, высокий, хиленький молодой человек с длинными руками и костлявыми кистями, а глаза — Бен знал эти глаза, смотреть было необязательно: большие, подернутые дымкой голубые глаза. Пол улыбался матери. Она похлопала по скамейке рядом с собой, Пол сел, мать взяла его за руку. Бена трясло от чудовищной ярости, у него потемнело в глазах, наверное, они налились кровью. Бен хотел столкнуть его и... Но одно он знал, и знал очень хорошо из-за всех тех неприятностей... Он иногда испытывал такие чувства, которые нельзя было испытывать. Пока эта ярость, эта ненависть, не уйдет, ему нельзя подходить к матери, к своему брату Полу. Но она становилась все сильнее, Бен еле дышал, сквозь красную пелену он увидел, что его мать и этот мучитель, обманщик, который всегда стоял между ним и матерью, встали и вместе ушли. Бен последовал за ними на приличном расстоянии. Теперь его ярость питала желание остаться незамеченным. Он не полз на четвереньках — так он делал только в лесу, — а двигался медленно и прямо, достаточно далеко от преследуемых. Они дошли до дома — он был намного больше того, в который они переехали сначала, вокруг рос сад. Бен увидел, как они открыли калитку, она захлопнулась, и они вдвоем вошли в дом.

Бен размышлял. Мать из большого дома переехала в маленький. Он вспомнил, как она сказала: «Для нас с Полом места хватит». Он понял это как «*но не хватит для вас обоих*». Раз она снова переехала в дом побольше, значит, остальные тоже там? Хотя бы некоторые. Бен знал, что они все выросли, он помнил, что если растет семья — растут дети. У него в голове всплыл образ другого дома, полного детей и людей. В этом доме много людей не поместится... Надо остыть, успокоиться, оставить желание убивать: Бен прошелся вокруг квартала, вернулся, походил еще, подошел снова, и дом показался похожим на бесцветное чужое лицо. Потом он увидел отца, быстро идущего по тротуару. Отец мог бы заметить Бена, если бы поднял глаза, но он хмурился, чем-то озабоченный, и даже не взглянул. Бен знал, что

больше тут слоняться нельзя. Люди все видят, они всегда начеку, даже когда тебе кажется, что вокруг лишь обычные стены и окна, — в них могут появиться глаза, когда ты совсем не ждешь. Он снова обошел вокруг квартала и на этот раз увидел, как в дом вошел Люк. С ним был маленький ребенок: в то, что Люк стал отцом, поверить было слишком сложно. Бен думал, что там собралась семья — его семья. Он мог бы войти и сказать: «Вот он я». И что потом? Он знал, что они разъехались из-за него, ссорились из-за него. Только мать его защищала. Она приехала *туда*, где его поливали ледяной водой из шланга, и увезла домой... Но остальные хотели, чтобы он там остался, хотели, чтобы он умер.

Темнело. Уличные фонари не включились. Пришла дружелюбная ночь. Ночью не стоит надолго задерживаться на тротуаре. Бен прошел мимо дома, огни которого нежно светили ему: «Заходи», — и снова вернулся. Он слышал звуки — это телевидение. Он мог бы зайти и сесть посмотреть с ними телевизор. Думая об этом, Бен ясно представил, как Пол завопит, что не может оставаться с ним в одной комнате, представил холодное лицо отца: казалось, тот постоянно отворачивается от него, Бена. Предположим, он бы просто вошел и сказал матери: «Пожалуйста, отдай мне свидетельство о рождении. Только отдай его, и я уйду». Но внутри у Бена вскипала ярость, потому что он видел лишь Пола, который его так ненавидел. От злости у него изгибались и скрючивались пальцы; хотелось обхватить эту тонкую шею, которая с хрустом сломалась бы...

Бен пошел прочь от своей семьи, оставил их навсегда, боль охладила его злобу. Он почувствовал, что у него намокла борода, а потом влага потекла по подбородку. Снова очень хотелось есть. Надо быть осторожным: ночью люди не такие, как днем. Лучше не рисковать, не садиться за столик... Он зашел в «Макдоналдс», купил сочный, жирный кусок мяса, выбросив салат и булочку, быстро съел его на ходу. Выйдя из города, Бен направился в Лондон, к старухе. У него осталось четыре фунта, и вряд ли ему снова так повезет с мотоциклом. Было очень тоскливо и одиноко, но в темноте Бен чувствовал себя как дома, на своем месте, ночью люди смотрят не так угрожающе, если, конечно, ты не находишься с ними в одном помещении. Он вышел на проселочную дорогу, над ним — подернутое дымкой нежное звездное небо, по которому бежали тонкие облака. Рядом небольшие заросли, не лес, но он сможет здесь укрыться. Он нашел куст, устроился там и заснул. Проснулся, услышав, что у ног пыхтит и принюхивается еж. Бен мог бы поймать его, не сходя с места. Его остановили иглы, но он боялся уколоть не ладони, а язык — он уже знал: в ежа не получается вгрызаться, как в птицу. Он проснулся с первым прохладным дуновением рассвета. Птиц не было: тут лишь несколько разрозненных деревьев, Бен видел, что рядом начинаются дома, и слышал звуки машин. Он доберется до нужной части Лондона

примерно к полудню. Предстояло идти несколько часов, внимательно и осторожно, а живот... о, живот умолял о пище. Голод вызывал боль и тревогу. Это не простое желание перекусить, пустой вкус хлеба или булки не могли бы его удовлетворить. Это была потребность в мясе, он уже чувствовал запах свежей крови, этот резкий запах, но голод грозил ему опасностью. Иногда, если Бен заходил в мясную лавку — туда его тянул запах, — тело словно наливалось желанием, руки сами по себе тянулись к мясу. Однажды хозяин лавки отвернулся, он схватил горсть отбивных, стоял и грыз их, хруст заставил мясника резко обернуться, но Бен бросился бежать, бежать, — и после уже не заходил в такие магазины. Теперь он шел и размышлял, как бы раздобыть мяса, не истратив четырех фунтов.

Ноги несли сами — и вот Бен стоит за высокими проводами, ограничивающими строительную площадку, смотрит вниз на кучу сырой земли, на машины, на рабочих в касках. Он проработал там несколько дней, его взяли из-за того, что такие плечи и руки способны выдержать балки и перекладины, которые могли поднять только два-три человека. Остальные стоя смотрели, как он толкал, взваливал на плечи и поднимал балки. Бен хотел бы войти в их компанию, шутить с ними, разговаривать, но не знал, как. Например, он никак не мог понять, почему его речь смешнее, чем у них. Смотрели на него мрачно, с подозрением. В конце недели получка. Все эти люди по той или иной причине работали незаконно, им платили меньше, чем по ставке. Но Бен заработал достаточно денег, отнес старухе, и она его похвалила. Еще две недели... на работу пришел новый человек, с самого начала он поддевал Бена, насмехался над ним, мычал и бормотал. Бен сначала не понял, зачем он издает такие звуки, не понял, зачем он толкает и пихает его, один раз получилось очень опасно, Бен стоял высоко, а улица была далеко внизу, пришлось идти широкими шагами по балкам над пустым пространством. Прораб резко вмешался, но с тех пор Бен присматривался к этому парню, насмешливому беззаботному рыжему хвосту, и старался держаться от него подальше. Еще неделя. Деньги выдавали в маленьком помещении, где рабочие иногда отдыхали или пережидали слишком сильный дождь. Они с рыжим стояли в конце очереди за получкой, в этом заключался план его врага: когда Бену в руку вложили конверт, юноша вырвал его и убежал, мыча и почесываясь, пригибаясь к земле и подскакивая, еще и еще: Бен знал, тот изображает обезьяну. Он раньше ходил в зоопарк, переходил от клетки к клетке, глядя на животных, чьими именами его называли — примат, бабуин, человек-свинья, орангутанг, йети. В зоопарке не было йети, орангутанга тоже, но Бена они интересовали — он искал кого-то, похожего на себя.

Он беспомощно смотрел на прораба — в надежде, что тот его защитит, — и видел, что он ухмыляется, и на лицах людей, стоявших

вокруг с конвертами в руках, он видел тот же взгляд, ту же ухмылку. Он знал, что помощи от них не дождется. Проработал целую неделю просто так. Его переполняли мысли об убийстве, надо было уйти от них, Бен слышал, что прораб прокричал ему вслед:

— Если придешь в понедельник, для тебя что-нибудь найдется. — Он имел в виду не деньги, а работу для его мощных плеч, которые выполняли за них, за других, так много дел. И он вернулся в понедельник, сначала посмотрел на площадку сверху, держась руками за провода, словно находился внутри, а не снаружи, словно это была клетка; а внизу ходили люди, с которыми он работал, но рыжего не было. Потому что он выхватил у Бена деньги и побоялся вернуться. На той неделе Бен работал медленно, осторожно, всматриваясь в лица, следя за глазами, всех сторонясь, или поднимал грузы, которые были легкими только для него. А в конце недели в конверте была только половина денег, которые ему причитались. Он знал, что получает лишь половину от того, что платят настоящим строителям — тем, которые работают законно; но в этот раз было еще вдвое меньше. Прораб взглядом прогнал Бена. То был другой прораб, прежний заболел, и этот человек пришел его замещать позавчера из другого места. Вокруг стояли рабочие и смотрели, лица их ничего не выражали. Они ждали, что он начнет жаловаться, поднимет шум, даже подерется; они не отрывали глаз от этих огромных рук и кулаков. Но Бен-то знал: ему же будет хуже. Он осторожно осмотрелся, переводя взгляд с одного лица на другое, увидел, что они ждут, а еще увидел, что одному человеку его жалко. И он тихо сказал что-то новому прорабу, который просто развернулся и ушел, унося в кармане деньги Бена.

Тут, на этой стройплощадке, Бену должны сорок фунтов. Да, вернулся настоящий прораб. Он стоял чуть поодаль от остальных — те разматывали огромную катушку с кабелем. Бен спустился. Он увидел, что сначала один, затем другой рабочий заметили его и остановились. Тот, который за него заступался, что-то сказал прорабу. Бен лишь хотел, чтобы ему отдали деньги, и тогда он убежит — Бен боялся этих людей. Он сбил бы с ног любого движением локтя, шлепком ладони, но они могли наброситься на него вместе, и от мысли об этом Бена пробирала легкая дрожь. На всем теле дыбом встали волосы. Прораб постоял, подумал, потом слегка повернулся, вытащил пачку денег, отсчитал двадцать фунтов, отдал Бену. Все хотели посмотреть, что Бен станет делать, но он просто ушел. Здесь он заработал деньги, и надеялся заработать еще. Но если бы он продолжал тут работать, вероятно, кто-то, или даже все подряд, отбирали бы его заработок, а прораб обманывал бы его. Бен развернулся у самого начала дорожки, чтобы уйти с площадки, заметил, что они всё еще смотрят на него, разматывая кабель. Он

пошел прочь, подальше отсюда. Пошел к Мимоза-Хаус. Лифт молчал, он сломался. Бен вприпрыжку поднялся по лестнице, его переполняло счастье оттого, что он снова увидит старушку. Но на стук никто не ответил.

В дверях напротив появилась женщина и сказала:

— Она пошла к врачу.

У этой женщины был ключ от квартиры, Бен это знал. Она дружила со старушкой и часто видела, как Бен приходит и уходит. Так что она открыла Бену со словами:

— Она скоро вернется. Сложно сказать, сколько ей осталось. Ей плохо. Я заставила ее пойти к врачу.

Внутри, в комнате, которая обычно была чистой, парил беспорядок, постель заправлена поспешно. Спавшая там кошка резко проснулась, мех встал дыбом. Заглядывать в холодильник Бен не стал: ему не нравился вкус холодной пищи, которую оттуда только что достали, к тому же он не хотел брать еду старухи. Он уселся на корточках на кровать, не обращая внимания на кошку, и стал смотреть на улицу. Ждал, когда на балкон залетит голубь. Они часто залетали. Кошка тоже повернула голову и стала смотреть. Они сидели на расстоянии ярда, не глядя друг на друга, объединенные ожиданием того, что может произойти. Дверь на балкон не была заперта. Бен раскрыл ее настежь. Она разделила крошечный балкон на две части. После этого ни Бен, ни кошка не двигались. Наконец появился голубь, но не на той половине, он оказался защищен дверью, но потом, вскоре, прилетел еще один, в нужную часть... Бен прыгнул, и птица оказалась у него в руке. Ощипывая перья, он услышал, что кошка издает тот звук, который издает всегда, когда видит птицу на улице или на перилах, — хриплое голодное урчание. Бен оторвал немного птичьего мяса и бросил на пол. Кошка подползла к балкону и съела. У обоих изо рта капала кровь. Остались лишь разлетевшиеся перья и несколько пятен крови. Кошка вернулась в комнату. Бен тоже. Мяса было мало, но лучше, чем ничего, живот успокоился. Он заметил, что кошка закрыла глаза: она стала доверять ему настолько, что могла заснуть. Бен свернулся на кровати около кошки, и когда, ближе к вечеру, пришла миссис Биггс, они оба спали бок о бок у нее на кровати.

Она все поняла: несколько перьев прилипли к пятнам на балконе, стоял затхлый запах крови, а между спинами Бена и кошки всего несколько дюймов. Она заболела. Ей было нехорошо. Болело сердце. К тому же устала: сначала долго ждала в приемной, среди ворчащего народа, потом ей дали какие-то таблетки. А что она ожидала? — ругала себя старуха, — что ее вылечат? Она поставила свертки на стол, сняла с головы шарф, выпила воды из-под крана, потом

постояла немного, глядя на свою старую огромную кровать — на кошку, на Бена. Прилегла на край и наблюдала, как на потолке появлялись тени, потом стемнело. Бен спал шумно, тревожно. Кошка лежала смирно и тихо — как... кошка. Старушка задремала, чувствуя, как в груди болезненно бьется сердце. Она очнулась от того, что Бен проснулся и начал давить на нее спиной.

— Бен, — сказала она в темноту. — Мне нехорошо. Я день-другой полежу в кровати, отдохну. — Он издал звук в знак того, что слушает. — Ты достал свидетельство? — Бен молчал и как будто даже захныкал. — Ты виделся с матерью?

— Я видел ее. В парке.

Старуха уже знала ответ, но все равно спросила:

— Ты поговорил с ней? — Бен придвинулся к ней и снова захныкал. — Бен, я не знаю, что еще предложить. Я бы сходила с тобой в то учреждение — понимаешь, я тебе говорила, — туда, где можно взять свидетельство, но я нездорова.

— У меня есть немного денег. Двадцать фунтов.

— Этого маловато, Бен. — Он знал, что старуха это скажет, и соглашался с ней.

— Я раздобуду денег.

Она не спросила, как. Старуха слышала историю о стройплощадке, как его обманули. Бедняга Бен, его постоянно будут обманывать, она это понимала. Он тоже.

Когда наступило утро, старушка не вставала с кровати, осталась лежать, и дышала медленно и осторожно. Она сказала:

— Бен, я хочу, чтобы ты сходил в ванную, разделся и помылся. От тебя плохо пахнет.

Бен сделал, как она велела. Раньше он сам так тщательно не мылся, но он помнил, как его мыла старушка, и сделал то же самое. Но теперь ему пришлось бы надевать грязную одежду.

Женщина сказала:

— Найди старую одежду. Она в шкафу. А новую отнеси в прачечную, а когда вернешься, снова сможешь ее надеть.

Он знал о прачечной.

— А как я войду, если ты в постели?

— Ключ на столе. Купи хлеба и чего-нибудь для себя. И будь осторожен, Бен.

Он знал, что это значит: «Не кради, не позволяй ярости овладеть тобой, будь внимателен».

Бен сделал все, как она хотела. Потом зашел в небольшой магазин, купил ей хлеба — от этого легкого дрожжевого запаха его всегда слегка тошнило — и немного мяса себе, а еще банку кошачьего корма. Все прошло удачно, он вернулся назад и надел чистую одежду. Было позднее утро.

Миссис Биггс сидела за столом, прижимая руку к боку.

— Бен, налей мне чашку чая.

Он налил.

— И дай чего-нибудь кошке.

Он открыл банку, купленную для кошки, и наблюдал за тем, как та нагнулась и стала есть.

— Ты молодец, Бен, — сказала старушка, на глазах у нее выступили слезы, он прогавкал что-то в ответ — этот звук означал, что он хочет сказать спасибо, выразить любовь и благодарность за такие слова, которые он не слышал ни от кого, кроме нее. Она чуть не протянула руку, чтобы погладить его, как собаку, но он ведь не собака, не из этого рода.

Она выпила чай, попросила тост, и снова легла. Уснула, и кошка с ней рядом. А Бен, одетый в чистую одежду, был полон энергии и чего-то похожего на счастье из-за этого теплого «ты молодец». Спать он не хотел, но все же лег на свой матрас и задремал, надеясь, что она проснется, но старушка проспала всю ночь, проснулась только рано утром. Снова просила его о чем-то: чай, яблоко, положить кошке еду в блюдце. Пришла соседка, увидела Бена на кухне с тарелками и чашками, и с радостью вспомнила, как защищала Бена перед другими жильцами на площадке, или перед теми, кто видел его на лестнице. Теперь можно еще говорить, что он ухаживает за миссис Биггс.

У кровати состоялся разговор. Соседка понимала нежелание старушки вставать, но кто будет о ней заботиться? Миссис Биггс попросила соседку забрать ее пенсию, она сама не в состоянии, и — хотя ей так неловко, — вычистить кошачий лоток. Обе женщины понимали, что Бен не сможет этого сделать, даже подумать об этом немислимо. Хотя кошка уже не следила за Беном так пристально, и шерсть ее больше не стояла дыбом. Когда соседка вернулась с пенсией миссис Биггс, она положила деньги на стол и сказала, глядя на Бена:

— Этого хватит только ей и кошке.

— Он покупал мне кое-что на свои деньги, — сказала старушка, но все знали, как обстоят дела.

— Тогда ладно, — ответила соседка и пошла всем рассказывать, что йети заботится о миссис Биггс как родной сын.

Так проходило время — счастливое время, лучшее в жизни Бена: он заботился о старушке, даже носил ее одежду и постельное белье в прачечную, разогревал ей замороженные блюда, но обычно доедал их сам, поскольку она ела очень мало. Но так не могло длиться вечно, потому что деньги уходили, уходили, и скоро кончились. Чтобы остаться там, с миссис Биггс и кошкой, ему надо раздобыть еще денег, а он не знал как. Соседка, принося пенсию, старалась не смотреть на Бена, и он знал, что это критика. Старушка его не критиковала, просто лежала и дремала, или сидела и дремала, почти всегда прижимая руку к сердцу, говорила:

— Бен, я уверена, чашки чая нам достаточно.

Он все время был голоден, потому что старался есть как можно меньше. Так не могло продолжаться. Он сказал старушке, что собирается поискать работу, в ответ она грустно улыбнулась.

— Будь осторожен, Бен, — сказала она. И Бен ушел: в этом мире у него не было дома.

Бен шел по улице — точнее сказать, ноги несли его мимо театров и ресторанов, по той стороне, по которой он обычно избегал ходить, перекресток за перекрестком, пока он не дошел до одной запретной улицы. В этот раз Бен не стал переходить дорогу. Остановился у театра, которого боялся, когда там было шумно илюдно, встал на пустом тротуаре и начал смотреть на дверь на другой стороне улочки. Сюда приходить запрещалось. Было утро, и машины, которые выезжали на работу из закутка в стене, который назывался «Супер Юниверсал Кэбс», еще не появились. Они приезжали после обеда. Человека, который обычно стоял у закутка и организовывал работу такси, указывая: «Отвези их в Кэмбервелл... В Швейцарский Коттедж... В Ноттинг-Хилл...», не было. Этого человека Бен боялся. Это он сказал: «Вали отсюда и не возвращайся». Его звали Джонстон, он был другом Риты.

Несколько недель назад, еще до того, как миссис Биггс встретила Бена в супермаркете, он шел по этой улице, как всегда настороже на случай неприятностей, и вдруг увидел женщину в дверном проеме — в том, что рядом с «Юниверсал Кэбс». Она ему улыбнулась. Бен последовал за улыбкой, поднялся за женщиной по узкой лестнице и оказался в комнате, которая показалась убогой и мерзкой, так сильно

она отличалась от того, что Бен помнил о собственном доме, когда у него еще был дом, с матерью. Женщина, которая на самом деле была еще девчонкой, но благодаря косметике и синякам под большими глазами выглядела старше, повернулась лицом к Бену — она держалась рукой за свой ремень и была готова расстегнуть его. Она спросила:

— Долго?

Бен не имел представления, о чем она говорит, он стоял, оскалив зубы — это было выражение испуга, а не дружелюбности, — и ничего не ответил.

— Десять фунтов за минет, сорок — как следует перепихнуться.

— У меня нет денег, — сказал Бен.

Девушка подошла поближе и запустила руки ему в карманы, в оба сразу — она сделала это, скорее потому, что разозлилась на глупость клиента, чем в ожидании что-то найти. От этого сексуальное влечение, которое Бен подавлял, как и все свои остальные недозволенные желания, стремительно возросло, он схватил девушку за плечи, развернул и, крепко держа, наклонил так, что ей пришлось опереться руками на кровать. Одной рукой он рывком задрал ей юбку, стянул трусики и взял ее сзади, быстро, резко, яростно. Зубами впился ей в шею, а когда кончил, издал рычащий стон, какого она раньше никогда не слышала. Бен отпустил девушку, она выпрямилась, убирая с лица светлые волосы, посмотрела ему в лицо, потом на его бедра, на эти волосатые бедра. Не то, чтобы ей никогда не встречались такие волосатые — она в шутку рассказывала Джонстону, что некоторые мужчины, которых приходилось обслуживать, походили на шимпанзе, — но она словно пыталась понять по этим ногам, покрытым мехом, что так отличало этого клиента от остальных. Что-то в этом осматривании, в этом исследовании, в котором не было неприятия, заставило Бена снова схватить ее, наклонить и начать все с начала. Он изголодался по сексу, хотел его уже давно, и словно предыдущего раза и не было, зубы впились в ее шею, и раздался победный рычащий стон.

— Минуту, — сказала девушка, — подожди минуту.

Она толкнула Бена так, что он повалился на кровать, а сама села на стул напротив него. Ей было нужно время. Этот опыт — изнасилование, вот как это называется — должен был ее рассердить, ее должно было переполнить презрение, которое она обычно чувствовала к клиентам, но ее заинтриговало это двойное изнасилование, огромные сильные руки, схватившие ее за плечи, зубы, впивающиеся в шею, и особенно этот стон, похожий на рев. Она

попыталась нащупать место укуса, но следов не нашла. Достав из сумочки крошечное зеркальце, вытянула шею, чтобы посмотреть — нет, кожа не повреждена, зато остался синяк, Джонстон будет интересоваться.

Бену хотелось лечь на эту узкую кровать рядом с ней и уснуть. Он напряженно думал. Когда он был лидером в шайке ребят, плохих ребят, которых все боялись, там были девчонки, и одной он нравился. Она пыталась изменить его и говорила: «Слушай, Бен, давай попробуем вот так, повернись, ты делаешь плохо, будто мы животные». И Бен честно старался, но не мог сделать того, что она хотела, потому что когда они находились лицом к лицу, его неистовое и яростное желание обладать утихало. В конце концов, они пришли к тому, что могут заниматься этим только его способом, она обиделась и даже возненавидела его за это. После нескольких попыток она отказалась с ним встречаться, и среди девчонок разошлась молва, что Бен странный, с ним что-то не в порядке.

Но что касалось этой девушки, Риты, он понял, что ей нравится и он сам, и то, что он делает.

На стене зазвонил, вернее, зажужжал звонок. Это означало, что пришел клиент, и Джонстон внизу, присматривает. Она встала, нажала на звонок и сказала Бену:

— Тебе пора уходить.

— Почему? — спросил Бен. Он ничего не понимал. Кроме того, что ей понравился.

— Потому что я так сказала, — ответила она, словно ребенку, замечая, что раньше так с клиентами не разговаривала. — Иди. — Потом добавила: — Если хочешь, можешь прийти еще — только утром, запомни, — и вытолкала его из комнаты. Бен спускался по этой мерзкой лестнице, застегивая ширинку, как здесь часто случалось.

На улице высокий грубый мужчина пронизывающе осмотрел его, потом второй раз — люди всегда смотрели на него второй раз.

Это был первый визит Бена к Рите, а на следующее утро он пошел снова. А она успела рассказать о нем Джонстону. Поздно ночью, когда поток клиентов из мини-такси закончился, они лежали у нее на кровати и курили. Он был покровителем Риты, тоже спал с ней, но не ревновал, он по-своему — легкомысленно и пренебрежительно — был к ней добр. Джонстон осмотрел синяки на шее: следы зубов были заметны. Выслушал подробный рассказ о том, как Бен ее отымел. Поговорить об этом хотелось Рите, Джонстона обычно такое не интересовало. Она сказала, что это не было похоже на секс с мужчиной, скорее, с животным.

— Ну, понимаешь, как собаки.

— Но тебе он понравился. — Джонстон произнес это так, чтобы Рита не забывала, что ему все известно. Он считал, что испытывает не ревность, а скорее любопытство.

Во второй раз все было так же, как и в первый. Но Бен сделал это лишь однажды, и Рита разочаровалась, хотя и не могла себе в этом признаться, поскольку считала, что клиенты оставляют ее равнодушной. Рычащие довольные стоны над ухом, ощущение беспомощности в этих огромных волосатых руках, жесткое проникновение — да, это ее возбуждало, но все происходило слишком быстро. Она сказала ему об этом. Ее замечание отличалось от того, что хотела от него та школьница: лежать лицом друг к другу, целоваться. Бен понял, о чем сказала Рита, по крайней мере — разумом, штаны упали на пол, и он позволил ей направлять его. Из-за того, что они начали сразу после первого раза, он смог продержаться достаточно долго, с любопытством и удивлением слушая, как она кричит. Но Бен остался доволен тем, что удовлетворил ее.

А денег у него не было. Ему буквально нечем было заплатить за гамбургер, свою любимую еду. Рита давала ему достаточно, чтобы поесть. Было лето, и на ночь Бен находил скамейку или подъезд. Рита заставляла его мыться в своей маленькой ванной. Стригла ему бороду. Так продолжалось около месяца, а потом Джонстон узнал, что она дает Бену деньги, и сказал:

— Нет, Рит, это уже слишком.

А она привязалась к Бену и его животным повадкам и не хотела, чтобы это прекратилось. Рассказала про Бена своей подружке, проститутке с соседней улицы, и отвела Бена к ней в комнату, тоже бедную и убогую, как и у Риты. Этой женщине понравилось, что делал Бен, хотя он бы предпочел остаться с Ритой, зато эта девица дала ему пять фунтов за его услуги. Но ее покровитель, или дружок, был не так любезен, как Джонстон, и когда ему стало об этом известно, он сказал ей, чтобы Бен больше не появлялся. Этот парень был знаком с Джонстоном, и они оба предупреждали Бена и угрожали ему.

Поэтому Бен перестал ходить к Рите, если оказывался на этой улице, старался держаться на другой стороне, а если видел Риту, поспешно уходил. Он боялся не того, что его побьют, поскольку был уверен, что справится с Джонстоном и с тем, другим, даже если они нападут на него вдвоем. Он боялся, что его заметят, привлечь к себе внимание — вот чего он не должен делать.

Через неделю его нашла в супермаркете миссис Биггс.

А теперь, так как это было вторым местом на всем свете, где Бена встретят с улыбкой, он заставил себя перейти эту узкую улочку, пройти мимо «Супер Универсал Кэбс» и подняться вверх по лестнице. Дверь была заперта. Он научился стучать, поскольку у нее там мог кто-то быть, но в этот раз он издал вопль, похожий на рев быка, дверь сразу же распахнулась, и Рита втащила его внутрь, захлопнув дверь и закрыв ее на замок.

Она злилась на Джонстона за то, что тот прогнал Бена. Напомнила ему: они же договаривались, что она будет развлекаться с клиентами. Деньги, которые она давала Бену, — мелочь, ничто, по сравнению с тем, сколько она зарабатывала за день. Если это повторится — пусть побережется. Джонстон знал, что это не пустая угроза. Джонстон занимался не только мини-такси, и Рита знала, в чем он замешан, по крайней мере, считала, что знала. Одно слово полицейским — и сама она отделается штрафом, да и в любом случае полицейские о ней знали. У нее были среди них клиенты. Джонстон доверял ей и рассказывал больше, чем положено. Если и не шлюха с золотым сердцем, о которых складывают поговорки, но, во всяком случае, Рита была практичной и проницательной, могла сопереживать и давала Джонстону ценные советы.

Как только Бен вошел в комнату Риты, они набросились друг на друга, настолько он изголодался. Потом, вспомнив ее требования, он сделал так, чтобы и она получила удовольствие. А потом Рита упала на кровать, увлекла его за собой и спросила:

— Где ты был, Бен?

— Он сказал, что я не должен сюда приходить.

— А я говорю, что можешь. По утрам.

И все началось сначала. Бен приходил каждое утро, Рита давала ему денег на еду, а Джонстон расспрашивал ее.

— Что ты в нем нашла, Рит? Не понимаю.

Она тоже не понимала этого, хотя думала о Бене достаточно много. Рита была необразованной молодой женщиной, — точнее, девушкой, ей даже не исполнилось восемнадцати, как Бену, — но у них не вставал вопрос о его возрасте. Она думала, что ему, вероятно, около тридцати пяти: неудивительно, что ей нравились мужчины постарше.

У них было нечто общее, хотя они об этом не знали, — тяжелое детство. Рита бросила школу и убежала в Лондон от жестоких родителей, крадя деньги, какое-то время воровала, а потом уговорила хозяина дома, в котором находилась компания по сдаче мини-такси и эта комната для проституток, пустить ее туда, когда ушла предыдущая

девушка. У нее был талант убеждать. Она умела произвести впечатление. Рита уже поняла, что обычно ей удастся добиться от людей того, чего она хочет. Ей встречались разные мужчины, но такие, как Бен, — никогда. Он выходил за рамки всего, о чем она слышала, что видела по телевизору или знала по опыту. Когда Рита впервые увидела его без одежды, она подумала: «Ого! Это не человек». Не из-за волосатости, а скорее из-за того, как он стоял, из-за огромных опущенных плеч, мощной груди, свисающих кулаков, широко расставленных ног... Она никогда не видела ничего подобного. И еще этот лай или рев, который он издавал, когда кончал, всхлипы во сне — но если он не человек, то что же? «Человек-животное, — решила она и подумала в шутку: — Разве не все мы такие?»

Джонстон больше не вмешивался, но поджидал случая, которым можно будет воспользоваться. И тот представился. Бен попросил Риту сходить с ним «туда, где дают свидетельства о рождении». Рита была знакома с подсобной работой и спросила, почему он не хочет стать «подсобным рабочим», тогда всплыла история про стройку. Сначала Рита было подумала, что, если кто-нибудь обманет Бена, Джонстон все уладит, но понимала, что этого не будет. Спросив, откуда у Бена идея получить свидетельство, она узнала о старухе, сказавшей, что это поможет Бену получить пособие по безработице.

— А что потом? — поинтересовалась Рита, ей было по-настоящему любопытно, к чему вели эти ненужные законные планы в такой неотесанной голове.

В разговоре с Джонстоном Рита упомянула о желании Бена раздобыть свидетельство о рождении, чтобы он смог устроиться на приличную работу или получать пособие по безработице. Джонстон понял, что это его шанс. Он остановил Бена, когда тот в очередной раз выходил из комнаты Риты, и сказал:

— Я хочу с тобой поговорить, — поскольку Бен сгорбился и сжал кулаки, он добавил: — Нет, не о том, чтобы ты держался подальше от Риты. Я могу помочь тебе достать бумаги.

После этого Джонстон поднялся в комнату Риты, и они впервые оказались там вдвоем, Джонстон и Рита сидели на кровати рядом, курили, а встревоженный Бен ждал на стуле, гадая, не ловушка ли это, не отвернулась ли от него Рита. Пытался понять.

— Если у тебя будет паспорт, тебе не нужно свидетельство о рождении, — сказал Джонстон.

Бен знал, что паспорт — это то, что люди берут с собой за границу. Вспомнил поездку отца и остальных детей во Францию, он тогда

остался с матерью. Ему нельзя было с ними, потому что он не мог себя вести, как все.

Бен сказал, что не хочет никуда ехать, ему нужна только бумага, которую можно взять в офис, где... Он описал место, где люди сидят за стеклом, а перед ними другие в очереди ждут денег. Он долго не мог понять Джонстона. Взамен паспорта, который Джонстон достанет у «друга, который делает паспорта», он, Бен, должен будет отправиться во Францию и отвезти кое-что, что Джонстон хотел передать еще одному своему приятелю, скорее всего — в Ницце или в Марселе.

— А потом я вернусь?

Джонстон не собирался поддерживать в Бене желание возвращаться. Он сказал:

— Можешь остаться там и немного развлечься.

Бен догадался по лицу Риты, что ей это не нравится, хотя она ничего не сказала. Мысль о том, что у него будет вещь, которую он сможет носить в кармане и показывать полицейским или прорабу на стройке, убедила Бена, и он отправился с Джонстоном к аппарату в метро, откуда вылезли пять маленьких фотографий. Джонстон забрал их с собой. Когда Бену дали паспорт, он удивился. Там говорилось, что ему тридцать пять. Он — киноактер, Бен Ловатт. Домашний адрес — где-то в Шотландии. Джонстон собирался хранить паспорт у себя, «в целях безопасности», но Бен захотел показать его старушке. Да, он сказал, что сразу же принесет его.

Стоя у двери миссис Биггс, он понял, что в квартире пусто: Бен чувствовал, что там ни души. Он не стал стучать, а постучал к соседке, и услышал кошачье мяуканье. Пришлось постучать еще раз, и вот, наконец, женщина подошла к двери и, увидев Бена, сказала:

— Миссис Биггс в больнице. Ее кошка у меня. — Бен уже развернулся, собираясь пойти вниз по лестнице, когда она произнесла: — Она хотела, чтобы ты ее навестил, Бен.

Это повергло его в ужас: больше всего он боялся больницы — в этом огромном здании, шумном, полном людей, ему опасно находиться. Он вспомнил, как с матерью ходил по врачам. У каждого из них был *такой* взгляд. Соседка поняла, что Бен боится. Они с миссис Биггс обсуждали его, понимали, как сложна для него обычная жизнь — например, они знали, что Бен будет спускаться пролет за пролетом по лестнице, потому что лифт его пугает.

Она приветливо сказала:

— Не волнуйся, Бен. Я скажу ей, что ты приходил. — Потом добавила: — Подожди... — Он остался стоять, а женщина вернулась с десятифунтовой бумажкой и вложила ее ему в нагрудный карман: — Береги себя, Бен, — сказала она, как сказала бы старушка.

Бен отправился назад к Рите. Он размышлял о доброте, о том, что некоторые люди его видят — так он это называл, — по-настоящему видят, но их это не отталкивает, как будто они вбирают его в себя, такое ощущение. А Рита? Да, она добрая, сочувствует ему. Но не Джонстон, нет. Он враг. Но все же у Бена в кармане лежит паспорт, там его имя, удостоверение. Он — Бен Ловатт, гражданин Великобритании, раньше это были просто слова, пустой звук, не по-настоящему. Теперь он чувствовал, будто его оберегают.

А в это время Рита спорила с Джонстоном. Она сказала, что ей не нравится, как тот поступает с Беном. Что с ним будет во Франции? Он не может говорить на их языке. Он тут-то еле справляется. Джонстон оборвал спор словами:

— Неужели ты не понимаешь, Рит? Он в любом случае окажется за решеткой. — Он говорил о тюрьме, но Рита слышала кое-что еще — по сути Джонстон уже упоминал об этом в разговорах о Бене: рано или поздно за Бена возьмутся ученые. Рита крикнула Джонстону, что он очень жесток. Она утверждала, что Бен хороший, просто немного не похож на других людей.

Бен вернулся в комнату Риты, прервав их ссору. У обоих в голове осталось слово «решетка», оба представляли себе клетки. Джонстону было все равно, что случится с этим уродом, но Рита плакала. Если Бена посадят в клетку, он будет рычать, орать и реветь, и его избьют или накачают наркотиками, она-то знала жизнь, знала людей, знала, чего ожидать.

Бен сел, держа паспорт в руке, — он не хотел отдавать его Джонстону, смотрел из-под высоких бровей и понимал, что они ссорились из-за него. Родственники вечно из-за него ругались. Но даже гнев беспокоил его не так, как запахи людей в комнате. Пахло ею, женщиной, против этого Бен ничего не имел, а вот запах, исходящий от Джонстона, вызывал в нем желание драться или бежать. Сильный, опасный запах мужчины — Бен всегда знал, когда Джонстон стоит внизу на тротуаре или на лестнице, подслушивает, проверяет Риту. В воздухе еще остались какие-то синтетические запахи, резко отличающиеся от человеческих, так же как вонь автомобилей от аромата мяса возле ресторана. Бену хотелось встать и уйти, но он знал, что этого делать нельзя, пока все не уладится. Рита пыталась удержать Джонстона от какого-то поступка.

Рита сказала Джонстону, что он мог бы попытаться найти Бену работу, «присмотреть за ним».

— В смысле? — поинтересовался Джонстон.

— Ты знаешь, о чем я.

— Я не могу ничего поделать, если какой-нибудь тип накинется на него темной ночью или толкнет под автобус. Он раздражает людей, Рит. Ты же знаешь.

— Может, он поработал бы у тебя водителем?

— Ну конечно, размечталась.

На этот раз паспорт Бена взяла Рита, сказала, что будет хранить его, и положила в ящик. Они спустились к машинам, припаркованным среди обычных автомобилей.

— Залезай, — велел Джонстон Бену, открывая дверцу. Бен посмотрел на Риту — все нормально? — и та кивнула. Бен уселся за руль, и сразу же на его лице появилось восхищение и ликование. Он вспомнил о великолепных, сияющих, носящихся с ревом мотоциклах, о своей единственной радости — больше ничего подобного он не знал. И вот он сидит за рулем, может положить на него руки, покрутить туда-сюда. Бен издавал звуки «бррррр, бррррр», и смеялся.

Джонстон плечом подтолкнул Риту поближе, она встала рядом с сиденьем водителя. Он хотел, чтобы она все увидела, и она увидела.

— Теперь поверни ключ, Бен, — сказал он.

Он не указал Бену на ключ, и тот повернулся за инструкциями к Рите. Она нагнулась, дотронулась до ключа.

Бен потрогал его, повернул, машина закашляла, и Бен повернул ключ назад, потом снова включил, машина завелась, зарычала, закашляла, и затихла. Это была развалюха, купленная из третьих или четвертых рук, ее водитель гулял между тюремными за угон автомобилей.

— Попробуй еще, — сказала Рита. Голос ее дрожал, потому что она думала: ох бедняга Бен, он как трехлетний ребенок, — но где-то в глубине души наивно верила, что он сможет научиться этому делу. Бен обхватил ключ волосатой ручищей, потряс его, машина ожила, и Бен начал изображать, что переключает передачи, — он знал, что так положено. Коробка была автоматической.

— Сейчас, — сказал Джонстон, наклоняясь к Бену и показывая на рычаг. — Я покажу тебе, как это делается. — И он показал несколько раз. — Надо прижать эти маленькие штучки по бокам друг к другу — видишь? Потом отпусти тормоз — действуй. И будь осторожен, смотри,

не едет ли машина. — Все это было глупо; Бен ничего не мог понять, ничего не мог сделать. Он крепко сжимал кулак, глядя на руку Джонстона, отводя руку назад и потом выдвигая ее вперед, рядом с тормозом, но ничего не делал по-настоящему, просто не мог. И Джонстон это знал.

Рита заплакала. Джонстон выпрямился у окна, открыл дверь и приказал Бену:

— Вылезай.

Бен послушно вылез, хотя ему не хотелось; он мечтал еще посидеть внутри и поиграть в водителя. Рита сказала Джонстону:

— Ты жесток. Мне это не нравится.

Она пошла в свой подъезд, не глядя ни на него, ни на Бена. Джонстон сделал вид, что ему есть чем заняться в гараже, хотя клиенты не появлялись, и Бен пошел за Ритой наверх.

Теперь там стало получше, резкий запах Джонстона растворился, оставив лишь воспоминания. Рита сказала Бену:

— Тебе не обязательно куда-то ехать, если не хочешь. — Голос звучал мрачно, обиженно — она рассердилась на себя за то, что заплакала. Ей не нравилось показывать свою слабость, особенно перед Джонстоном.

— Садись, Бен, — сказала она, и он сел на стул, а она тем временем красилась, чтобы спрятать следы слез. Потом снова подвела глаза черным и зеленым, они стали огромными. Так клиенты не замечали ее лица, оно не было красивым — бледное, точнее даже белое, она же все время чувствовала себя плохо.

— Почему там сказано, что я киноактер? — спросил Бен.

Рита лишь покачала головой — она сдалась, объяснять было бы слишком сложно. Она знала, что Бен не ходит в кино, она могла поставить себя на его место и понимала, что ему и реальности более чем достаточно, он не может позволить себе усложнять все это искусственно. Но не знала, что Бена пугает само здание: темнота, ряды сидений, на которых может оказаться кто угодно, большой светящийся экран, от которого болят глаза.

Честно говоря, ее поразило, что Джонстон с «другом» написали в паспорте «актер». Актеры работают не все время. Зачастую они сидят без дела. Среди ее клиентов встречались актеры: оказаться без работы для них не кризис, хотя некоторые начинали беспокоиться. Бен отличался нестандартной внешностью, но считается, что поп-звезды, актеры и должны выглядеть впечатляюще. Нет, план был замечательный. Среди людей, занимающихся кино или музыкальными

постановками, Бен будет не слишком заметен. Но что же задумал Джонстон? Она-то знала, что ничего хорошего.

И все-таки с Беном надо что-то делать. Сейчас позднее лето, скоро наступит осень, а за ней зима. Полицейские уже дважды сгоняли Бена с его любимой скамейки. Что он будет делать зимой? Полицейские знали его. Все бездомные и бродяги, должно быть, тоже его знают. Наверное, Джонстон прав: Рита не была во Франции, зато бывала в Испании и Греции и могла с легкостью представить его в испанском баре или таверне, а в лондонском пабе — нет. Но Джонстона благополучие Бена не интересовало, в этом Рита была уверена.

Ночью, когда ее клиенты кончились и разъехались водители минитакси, скорее, это было уже утро, а не ночь, а Бен сидел скрючившись в дверном проеме «Ковент-Гардена», она спросила у Джонстона, что он задумал сделать с Беном, и когда тот рассказал, Рита рассердилась и попыталась ударить Джонстона, но он схватил ее за руки и сказал:

— Заткнись. Все получится, вот увидишь.

Джонстон собирался заставить Бена перевезти кокаин — «Рит, это много, миллионы» — в Ниццу, не пряча, в обычных сумках.

— Разве ты не понимаешь, Рит? Бен такой странный, что легавые попытаются определить, кто он такой, на все остальное у них времени не хватит.

— А когда он доберется до места?

— Тебе-то что? Кто он тебе? Для забавы просто, и все.

— Мне его жаль. Я не хочу, чтобы его обижали.

Так в прошлый раз в разговоре появилось слово «решетка». И опять эта тема стала неизбежной.

— Ему будет сложно в самолете, сложно с багажом, и что он будет делать в стране, где не говорят по-английски?

— Я все продумал, Рит. — И он рассказал свой план в подробностях.

Рите пришлось признать, что Джонстон предусмотрел все. Ее впечатлило. Но даже если план сработает, Бен окажется один в чужой стране.

— Я не хочу, чтобы он тут ошивался. Люди обращают на него внимание. В полиции ищут повода меня прикрыть. Им не нравятся мои такси. Я все говорю: вам не нравится, зато людям нравится. Я мог бы держать вдвое больше машин, если бы было, куда их ставить. Но легавые лишь на время смирились со мной и ждут повода. А Бен —

это большая вывеска «Здесь Проблемы». Я боюсь, что он затеет очередную драку. Один из водителей жаловался, что Бен его завалил.

— Что он сказал?

— Назвал его волосатой обезьяной. Я остановил драку. Но... Рит, я хочу, чтобы ты поняла.

Рите пришлось признать, что это справедливо. Но было кое-что еще: Джонстон ревновал.

— Забавно, — сказала она, — ты никогда ни к кому не ревновал, а к нему ревнуешь.

Джонстону это не понравилось, но он все же смог изобразить кривую улыбку:

— Ну разве я могу с ним соперничать? С этой волосатой обезьяной?

— Он не просто обезьяна.

— Слушай, Рит, мне все равно. Мне он уже надоел.

Согласно своему плану, Джонстон начал водить Бена по магазинам, по хорошим магазинам, покупать ему приличную одежду. Больше никакого благотворительного хлама. Купить джинсы, брюки, трусы было несложно, но вот огромные плечи Бена, его грудь, крупные руки... в конце концов Джонстон решил обратиться к портному, заказал рубашки подходящего размера и пару пиджаков.

— Во сколько все это обойдется? — спросила Рита.

— Я же говорю, мы получим миллионы.

— Мечтай.

— Вот увидишь.

Потом Бена отвели к парикмахеру. Ему бы хотелось, чтобы на него посмотрела старушка: она говорила, что Бен будет хорошо выглядеть, и он знал, что так и вышло. Парикмахера удивила двойная макушка, но когда он сделал свое дело, ее никто бы и не заметил.

Джонстон устроил для Бена полет над Лондоном на маленьком самолете, чтобы тот привык летать. Сначала у Бена глаза на лоб вылезли, он орал от страха, когда смотрел вниз, но с ним рядом сидел Джонстон и вел себя так, словно ничего не происходит, и говорил:

— Бен, смотри! Видишь, это река, ты же знаешь, что такое река. А это, смотри, «Ковент-Гарден». А вон Черинг-Кроссруд. — И Бен поверил, а потом рассказал об этом Рите.

— Когда можно будет полетать еще? — интересовался он.

— Скоро ты снова полетишь. В большом самолете.

А сама подумала: наверное, я тебя больше не увижу... Она полюбила его, да, полюбила. Будет скучать... Рита позволила Бену, точнее, спровоцировала Бена на то, что он отымел ее еще несколько раз, как можно больше — это было ни на что не похоже. Она прекрасно понимала, что его натура не расположена к нежности в такие моменты. Эти короткие акты обладания никак не были связаны с тем, что происходило несколько секунд спустя, и уже казалось, что ничего такого и не произошло. И все же однажды, когда Рита позволила Бену остаться на ночь, во сне он тыкался в нее носом, его волосатое лицо упиралось девушке в шею, а еще лицо и шею он ей лизал. Рита верила, что он ее любит. Бен спрашивал, поедет ли она во Францию, но что он представляет, когда говорит «Франция»?

— Там так же, как здесь, — пыталась объяснить Рита, — хотя там приятное синее море. Ты знаешь, что такое море?

Да, он знал; помнил, как они ездили к морю с бандой.

— Вот и там так же. Только море совсем рядом.

Она нашла несколько открыток с видами Ниццы, побережья, и Бен задумался, глядя на них; Рита знала, что он видит не то, что видит она. И не сказала, что там другой язык, другие звуки.

Рита стояла, прислонившись к дверному косяку, одетая в черную кожу и черные колготы-сеточку, и смотрела на Джонстона. Тот взмахом руки указывал людям на мини-такси, раздавал водителям указания — как здесь бывает всегда с раннего вечера до двенадцати или часа ночи, когда люди возвращаются из ресторанов и театров. Вдруг Рита заметила человека, который ей сразу не понравился, — он подошел к Джонстону и встал прямо передним. Она поняла, что Джонстон испугался. В ее жизни все проблемы начинались так: ниоткуда появляется человек, который словно всем своим видом предупреждает: «Берегись», — а потом все и происходит. Когда этот тип, наконец, убрался, Рита заметила, что Джонстон вспотел; он наклонился к прилавку в своем закутке и начал большими глотками пить из бутылки, которая у него там хранилась. Потом заметил Риту, понял, что она беспокоится, и сказал:

— Рит, надо поговорить.

Вечером Рита проверила, что уличная дверь, ведущая к ее комнате, закрыта, и позвала Джонстона. Улеглась на кровать, опираясь на подушки, одна нога свисает — эту позу она изобрела, чтобы возбуждать клиентов; она курила и смотрела на Джонстона, который вертелся и ерзал на стуле. Он курил и часто отхлебывал из бутылки с

виски. Из-за спертого воздуха и сигаретного дыма Рита постоянно кашляла.

Она знала про Джонстона почти все. В четырнадцать он сбежал из неблагополучной семьи. Отбыл срок в борстале, потом жил впроголодь за счет воровства. Год тюрьмы. Когда вышел, пытался какое-то время жить честно, но его снова посадили за разбой. Этот срок окончился пять лет назад. Машины и махинации, сначала преступил закон на шаг, потом все глубже и глубже, закрутил множество афер, которые становились все опаснее и опаснее, ему помогали навыки, которые он приобрел в тюрьме, а также связи в криминальном мире. Дело с мини-такси шло неплохо, но это всегда было лишь прикрытием. Риту не удивило, что Джонстон попал в беду, и когда он сказал:

— Рит, я в ловушке, — она подумала, что у него небольшие долги, возможно, его шантажируют. Но когда он начал рассказ, подкрепляя силы огромными глотками виски — он уже был слегка пьян, — она села на край кровати и уставилась на него:

— О чем ты говоришь? О чем речь?

Один человек, которого Джонстон почти уважал, убедил его попытать удачу на фондовой бирже — на фьючерсных сделках. Проиграть невозможно, говорил его товарищ. Деньги будут, если не потеряешь голову. Голову-то они не потеряли, а вот деньги — да.

— Ты хочешь сказать, что должен миллион фунтов?

— Это ничто, Рит. Миллион — всего лишь малая часть.

— Да, но для тебя это немало.

— Правда, — сказал он и выпил.

— И что, ты боишься, что снова попадешь в тюрьму?

— Именно. Туда я и отправлюсь, если не достану денег.

— Давай во всем разберемся. *Ты* должен миллион, или вы оба?

— Он должен куда больше. Зашел дальше, чем я. По сути, он сделал мне одолжение, ввел в это дело, но теперь, если я не отдам ему миллион, он сдаст меня, и я пропал.

Рита снова откинулась и закашлялась.

— Чертов смог, — сказала она. — Иногда в комнату с улицы идет столько вони, что я задыхаюсь. — Ловко оправдав этим табачный дым, она зажгла очередную сигарету и бросила пачку Джонстону. — Ладно, — продолжала Рита, — но если у тебя не выгорит дело с кокаином, если тебя поймут, тебя все равно посадят. Возможно, пожизненно.

— Да, но у меня все получится.

— Так прежде чем ты начнешь сам получать деньги, тебе придется отдать миллион?

— Когда этот товар попадет в Ниццу, миллион выплачен. Остальное мое.

— А Бену ничего?

— О нем я позабочусь.

— А как же я? — полюбопытствовала она. — Разве я не рискую?

— Ты не будешь знать, что в чемоданах, Рит. Это мое дело.

— Если Бена схватят и спросят, где он это взял, он скажет, что у меня. Он знает меня лучше, чем тебя, мне он доверяет. Так что скажет, что у меня.

Молчание.

— Но он же знает, что он должен передать кое-что от меня другу во Франции.

Молчание.

— *От меня*, Рит.

— Но я ведь тоже в этом замешана, нет? Бен знает слишком мало, чтобы убедительно лгать. На него нельзя рассчитывать. Он расскажет про меня и тебя.

Вот как Джонстон разрубил этот узел:

— Скажи мне, что ты собираешься делать дальше? Тебе не по душе такая жизнь, ты ведь об этом говорила? Так будь со мной, и я помогу тебе из этого выбраться, навсегда.

— Позаботишься обо мне, как и о Бене?

Джонстон наклонился вперед, развеивая пелену табачного дыма, и сказал ей от всего сердца — это она хорошо поняла:

— Слушай, мы с тобой были вместе — сколько, Рит? Три года? Я же ни разу тебя не подвел, так?

— Да.

— Так что же?

Он все наклонялся вперед, с пьяной искренностью, отчаянием, красные глаза слезились — от дыма? Или все же слезы?

— Это большой риск, — сказала она, — ты испытываешь судьбу.

— Приходится, Рит. Если дело выгорит, дальше буду жить честно.

Она снова легла, на этот раз вытянув ноги перед собой, уставилась на Джонстона и стала размышлять о том, что не понимает, кого из них ей больше жалко — Джонстона, она ведь знала, что он кажется хуже, чем есть на самом деле, — знала, потому что и сама была такой, и Джонстон умел произвести впечатление на людей, он выглядел как Хамфри Богарт — ну, часто, хотя бы немного бывает похож, но не сейчас, когда напился и ведет себя глупо — или Бена, которого посылают в такое опасное путешествие, чтобы спасти Джонстона. Но если начинать думать — а сейчас Рита серьезно задумалась, — Джонстону она должна больше, чем Бену. Она считала, что может назвать Джонстона своим мужчиной, в конце концов, другого у нее не было. И он действительно всегда был с ней добр. И сказал он правду: ей противна такая жизнь, несколько раз ей приходила в голову мысль покончить с собой. «Лучше уж я сделаю это сама, прежде чем какой-нибудь маньяк мне в этом поможет». Рита думала, что все равно так долго не может продолжаться. Она нездорова. С кожей не все в порядке. Она красилась под блондинку, но волосы у нее были темные, жесткие, слабые, все время растрепанные: достаточно дотронуться, чтобы понять, что девушка больна. Стоило ей посмотреть на себя в зеркало без косметики и убийственного наряда, и она тут же принималась краситься.

Рита подумала: «Ладно! Предположим, Бена поймают и меня посадят, все равно хуже, чем сейчас, быть не может». И она решила помочь Джонстону. Как только сможет.

Джонстон начал объяснять Бену, что делать в аэропорту. Когда он договорил, Рита повторила все еще несколько раз.

Все будет зависеть от «друга» Джонстона.

— Я познакомился с ним в тюрьме, Рит, ему можно доверять, он пойдет вместе с Беном в аэропорт и полетит на самолете, а потом отвезет в Ниццу и будет присматривать за ним...

— А сколько ты ему платишь?

— Много. Если сложить все — одежду для Бена, багаж, самолет, паспорт, сначала это была сотня, еще Ричард, этот помощник, — все складывается и складывается. Еще отель. Но это мелочь, по сравнению с тем, что мы получим.

— Только не растрать все заранее.

— Слушай, Рит, я понимаю, ты считаешь, что я с ума сошел, но план сработает, вот увидишь.

— Надежда только на удачу, — сказала Рита. — У них натасканные собаки, которые проверяют багаж.

— Иногда проверяют. Но их не особо интересует толпа туристов, едущих в Ниццу. И французских легавых тоже. Они осматривают самолеты из Колумбии и с востока, что им безобидный лондонский самолетик.

Одного Рита не знала. Запланировано было три чемодана, один очень большой, забитый пакетами с кокаином, прикрытыми одеждой, его проверяют у регистрации; один с вещами Бена; и один возьмут в самолет. Когда Рита услышала, что Джонстон еще и его собирается заполнить пакетами с отравой, возможно, с героином, она завизжала, закричала, даже набросилась на него, так что пришлось схватить ее за руки.

— Ты же знаешь, когда проверяют чемоданы, берут наугад, они вполне могут взять тот, который понесет Бен.

Он пытался убедить и успокоить Риту, сказал, что он не сделает этого, раз она так расстроилась, но не сдержал обещания: Бену предстояло пройти на самолет с этим опасным грузом.

— Все это безумие, — повторяла Рита, — бедный Бен, я считаю, что это жестоко. Только представь, что он попадет в тюрьму.

— План сработает именно потому, что Бен такой странный.

И он действительно сработал. Какое-то время Джонстон с Ритой просто не могли поверить, насколько все изменилось; слишком велика была разница между настоящим и возможным. Джонстон был не глуп и не клал на счета слишком большие суммы, но в течение следующих месяцев эти крупные суммы находили свой непростой путь к нему. Он дал Рите столько, что этих денег хватило на ресторан в Брайтоне, дело пошло хорошо. Она могла бы выйти замуж, но не вышла. Иногда Джонстон заходил к ней, они оба ценили эти встречи, поскольку лишь они понимали, как близки были в свое время к преступлению и тюрьме.

Джонстон видел по телевизору, что легко можно купить за небольшие для него деньги титул и право на землю у обедневших (и наверняка циничных) аристократов. Так он и сделал — приобрел поместье, но вскоре занервничал и понял, что совершил ошибку. Ему не нравилось бездельничать. Тогда он стал владельцем элитной фирмы проката автомобилей, возил богатых и знаменитых, в основном по Лондону, и взял на работу человека, которого некогда считал намного выше себя. Радовался жизни, наслаждался своими «роллс-ройсами» и «мерседесами», пытался быть респектабельным. Когда у него появились дети, они учились в частных школах. Так что можно сказать, что эта часть нашей истории закончилась хорошо.

Утром, когда началась великая игра, Рита одела Бена — а Джонстон за всем этим следил — в пошитую на заказ рубашку и хороший пиджак.

Рита заплакала, когда Джонстон усадил Бена в одно из мини-такси и дал водителю подробные указания. Последнее, что сказал Бен, было:

— Когда я вернусь домой?

— Посмотрим, — ответил Джонстон, а Рита отвернулась, чтобы Бен не видел ее виноватое лицо.

Он позволил отвезти себя в Хитроу, хотя чувствовал себя плохо. Водитель припарковался недалеко от входа, взял тележку для сумок: черной, красной и синей. Отвел Бена на регистрацию клубного класса, отдал его паспорт, забрал его назад вместе с посадочным талоном и слегка подтолкнул Бена, когда того спросили, не везет ли он запрещенные предметы, и сам ли он упаковывал багаж. Рита твердила ему, что он должен сказать да, упаковывал сам. Через некоторое время он это запомнил. Девушка за стойкой регистрации посмотрела в паспорт, где написано «киноактер», и, проверяя багаж и посадочный талон, непрерывно смотрела на Бена. Этот взгляд Бена не беспокоил — он уже привык. Водитель, нигериец, которому хорошо заплатили, дошел с ним до зеленого коридора, отдал его сумку, синюю, паспорт и посадочный талон и сказал:

— Заходи сюда.

Бен помедлил, и водитель слегка подтолкнул его, сделал шаг назад и посмотрел, прошел ли Бен, чтобы потом доложить об этом.

Бен остался один, и ему стало страшно, голова кружилась от всего того, что надо было помнить. Он показал свой посадочный талон служащему, тот на него взглянул, потом уставился на Бена и продолжал таращиться, пока следующий пассажир не потребовал к себе внимания. Дальше должно быть сложнее. Рита и Джонстон много раз повторяли, что надо делать. Впереди будет нечто вроде черного ящика с отверстием, с которого что-то свисает. Надо подойти к нему и положить чемодан на полку. Чемодан заедет в отверстие, тогда надо найти металлические ворота, они рядом, и, когда скажут, зайти в них, после этого его будут обыскивать, ощупывать карманы и ноги. Бен спросил:

— Зачем?

И ему ответили:

— Чтобы убедиться, что с тобой все в порядке.

Слово «оружие» испугало бы его. За эту часть Рита боялась больше всего, поскольку знала, как непредсказуемо Бен может отреагировать на прикосновения.

Бен увидел впереди это устройство. Оно показалось страшным, и ему захотелось убежать. Но он знал, что надо идти дальше. Никто не

будет ему помогать. Он беспомощно держал в руке чемодан, пока мужчина сзади не сказал:

— Кладите его сюда, вот так.

Бен не пошевелился, тогда человек взял чемодан и положил его в это устройство. Незнакомый помощник прошел в арку раньше Бена, поскольку тот колебался, так что Бен увидел, что ему надо делать.

Тем временем его сумка проезжала сквозь рентгеновскую установку. Под верхним слоем одежды, среди пакетов с ужасным белым порошком, лежали туалетные принадлежности, ножницы, пилка для ногтей, щипчики, бритва — из такого металла, который будет виден на экране. Это был самый важный момент, когда беда может настигнуть Бена и, если его начнут расспрашивать и он забудет, что нельзя называть имена Риты и Джонстона, — их тоже.

Девушка, работающая на рентгене, делала все очень внимательно, а служащий, который должен был обыскивать Бена, почти до него не дотронулся. Он уставился на его плечи, широкую грудь, думая: «Боже мой! Что *это* такое?» Бен оскалился. От ужаса, но служащий принял это за улыбку знаменитости, привыкшей к тому, что его узнают, — он повидал много знаменитостей. Если бы служащий как следует обыскивал Бена, то понял бы, что тот дрожит, вспотел, похолодел, — но он жестом велел Бену проходить дальше. Теперь Бену надо не забыть забрать чемодан из отверстия машины. Он не знал, что этот момент был самым опасным для него: но когда ему объясняли, что делать, об опасности не говорили. Однако удача не оставляла его:

— Это ваш чемодан, сэр? — спросили не у Бена, а у следующего пассажира. Бен стоял, оскалившись, потом, когда наконец понял, что покачивающийся рядом с ним синий чемодан — его, вспомнил указания, взял чемодан и пошел к... Он был ошеломлен и ослеплен, ему было дурно и холодно. Огромное пространство со всеми этими лампами, людьми, магазинами, красками, непрерывным движением, шумом — это Бена испугало бы в любом случае, но он знал, что надо помнить, надо помнить... Он чуть не начал беспомощно хныкать, но заметил, что прямо перед ним мужчина за стойкой подзывает его и просит показать паспорт. Бен держал его в руке. Как он там оказался? Бен не мог вспомнить... Но контролер лишь мельком взглянул на паспорт, а потом снова перевел взгляд на Бена. Подумал: «Если он и кинозвезда, то я ни разу его не видел».

Теперь Бен стоял достаточно далеко от ряда столов, где проверяли паспорта, не зная, что делать дальше. Ему говорили, что его там кто-то встретит — друг Джонстона; так и случилось, к Бену спешно подошел молодой человек, не сводя с него испуганных глаз.

Вот тут-то и произошло нечто непредвиденное. Джонстон, если бы видел все это, сказал бы: «Ну вот! У меня получилось!» Если не случится какая-нибудь нелепая неудача, то вскоре он станет хозяином нескольких миллионов фунтов.

Этот юноша, помощник Бена, буквально трясся от радости, так он отреагировал. Он встал прямо перед Беном, попытался улыбнуться и быстро произнес:

— Я друг Джонстона, Ричард.

Бен сказал:

— Мне холодно. Мне нужен мой свитер. — Он поставил сумку и попытался расстегнуть ее, не сразу заметив крошечный замок. И спросил: — Где ключ? Почему она закрыта?

Ричард Гэстон (хотя у него было много имен) прибыл в Лондон за день до этого на пароме из Кале, и много времени провел с Джонстоном: ему давали инструкции, как надо себя вести в этот день, а потом в Ницце. Он доехал до Хитроу подземкой и издалека наблюдал за водителем мини-такси и Беном у регистрации, отдельно прошел паспортный и таможенный контроль в эконо-классе, дождался, пока появится Бен, воздавая себе похвалы, греясь в славе Джонстона — ведь тот так умен. У Ричарда были огромные сомнения насчет этого действия, но смотри-ка, получилось.

И вот Бен наклонился, стал дергать молнию, тянуть замок. Очевидно, этими руками можно разорвать сумку, если Бен того захочет. Ричард сразу представил, что пакеты посыплются на пол, подойдет охрана...

— Мне холодно, — повторил Бен.

Вечер теплый, а на Бене поверх рубашки уже надета короткая куртка; рубашка роскошная, заметил Ричард.

— Тебе не может быть холодно, — необдуманно резко сказал Ричард Бену. — Пойдем. Время поджигает. Уже объявили посадку. Не усложняй все.

Реакция была такова, что Ричарду пришлось отскочить от Бена, который, очевидно, собирался схватить его за руки, а потом... Бен кипел от ярости.

— Мне нужен свитер! — заорал Бен. — Я хочу надеть свитер!

Ричард перепугался, но не опешил. Он пытался собраться. Его предупреждали, что Бен странный... у него случались припадки плохого настроения... надо его ублажить... он простоват. «Но он нормальный, так что не относись к нему, как к идиоту».

Эти описания Бена, вкраплявшиеся в многочасовую беседу с Джонстоном, казались Ричарду неуместными. И это Джонстон назвал бы припадком плохого настроения, да? Ричард нервно оглядывался по сторонам. Кто-нибудь смотрит? Ну, скоро начнут, если Бен не перестанет орать.

Если молния разойдется, если замочек раскроется...

Задыхаясь, Ричард сказал:

— Бен, приятель, послушай. Мы опоздаем на самолет. В самолете тебе будет хорошо, тебе дадут одеяло.

Бен встал, сумка упала. Ричард и не догадывался, что Бена зацепило слово «одеяло». Старушка часто говорила: «Возьми одеяло, Бен, укутайся. Сегодня топят слабовато».

Ричард понял, что ситуация изменилась: Бен уже не воплощал чистое убийство. И, сам того не зная, Ричард набрал еще несколько очков:

— Джонстон не хотел бы, чтобы сейчас все пошло прахом. У тебя хорошо получилось. Так держать! Ты чудо, Бен.

Из-за слова «хорошо».

Бен поднял сумку и пошел по коридорам за Ричардом, по движущейся дорожке, туда, куда нужно. Распланировано все было неплохо: они затеряются среди людей, садящихся в самолет. У стойки Бен обнаружил, что держит в руке паспорт и посадочный талон, которые вложил туда его новый друг, похоже, он забрал их у Бена во время спора: Бен выронил документы, когда боролся с молнией и замком. Они пошли дальше, вперед, вниз, поворот, вниз, а потом дверь, рядом с ней улыбающаяся женщина, которая направила их в клубный класс. Бен беспомощно стоял в проеме, и Ричард забрал у него чемодан и засунул в багажный отсек — с таким ощущением, будто держит змею. Он говорил Джонстону, что ни в коем случае не возьмет этот чемодан в руки, чтобы на любом допросе можно было сказать, что он ничего о нем не знает, но теперь понял, насколько это глупо. Бен занял свое место, ремень накрепко пристегнут, и Ричард уже собирался попросить одеяло, а потом рассказать Бену про подъем, про полет — под ними будут облака, а потом... Но Бен уснул.

Как хорошо, подумал Ричард. Какое облегчение.

Бен спал, пока они не приземлились и люди не начали сходить. Бен был поражен и почти не узнавал Ричарда. Он забыл о драгоценном чемодане, когда пришло время вставать и доставать вещи. Ричард сделал это за него и нес чемодан до выдачи багажа. Почти сразу

показалась огромная черная сумка — опасная, — а за ней и красная, с вещами Бена.

— Когда мы пойдем на самолет? — спросил Бен. Он ждал чего-то вроде полета над Лондоном в маленьком самолете с Джонстоном.

Ричард не ответил: впереди осталось последнее препятствие, таможня, но там их не особенно побеспокоили. Через пару секунд они оказались на солнце, а потом, взяв сумки, сели в такси. Ричард откинулся на спинку сиденья, закрыл глаза — его все еще трясло от страха. Он-то знал, что их спасла лишь удача, хоть он и восхищался Джонстоном. Ужасно хотелось спать, он понял, почему Бен уснул в самолете — от напряжения. Пока они ехали, Бен молчал. Во-первых, у него болели глаза от солнечных бликов на море — он не сразу распознал эту огромную блестящую синеву, которая совсем не была похожа на побережье дома. Еще его тошнило: Бен всегда ненавидел машины. Потом они вышли на улицу, где было много людей, Ричард подвел Бена к столику, сел сам и подтолкнул стул к Бену. Тот сел осторожно, словно стул мог оказаться капканом и сомкнуть над ним челюсти. Перевалило за полдень. Они сидели под маленьким зонтиком, но крошечная тень почти не помогала, глаза у Бена все равно болели. Он прикрыл их. Подошел официант: Ричард заказал кофе, а Бен — апельсиновый сок, он терпеть не мог кофе. Подали пирожные, но Бену они тоже никогда не нравились, потому все съел Ричард. Так они сидели, почти не разговаривая, Бен через полузакрытые глаза пытался хоть что-нибудь понять во всем окружающем его блеске и гвалте. Шумная улица, переполненное кафе, и никто не обращал на них никакого внимания. Потом у столика неожиданно появился какой-то мужчина, и Ричард сказал ему: «Черный и синий». Бен смотрел, как этот человек — видение из яркого света и шума — растворился, ушел к стоянке такси, унося с собой два чемодана. На него смотрели только Бен и Ричард. Никто из прогуливавшихся по улице, сидевших за столиком в кафе или проезжавших мимо не смотрел так на два чемодана — огромный и средний, — содержание которых скоро вольется в реки отравы, текущие по всему миру. Бен был смущен. Он считал, что синий чемодан, который он засовывал в машину и показывал таможенникам, — его, но оказалось, что это не так. Ему принадлежал красный. А еще он только начал осознать, что ему сложно что-либо понять. Вокруг люди громко разговаривали, но Бен не понимал, что они говорят. Рита сказала ему, что все будут разговаривать по-французски, но ничего страшного в этом нет, так как друг Джонстона — британец, он будет говорить по-английски и присматривать за ним, только вот Бен не знал, что ему придется сидеть в чужой стране за столиком, совершенно не понимая, что происходит вокруг. Этот человек, который унес чемоданы, понял то, что Ричард сказал по-

английски, но с водителем такси он разговаривал по-французски. Бена снова сковала усталость.

— Так-то вот, — сказал Ричард; он не мог промолчать, ему хотелось подчеркнуть, что дело сделано, хотя он знал, что Бен и представления не имеет о том, что произошло. — Я отведу тебя в отель, — сказал он Бену.

Выбор отеля обсуждали долго. Рита говорила, что лучше дешевый, там люди дружелюбнее — она имела в виду, такие, как она. Но Джонстон спорил:

— Нет, лучше дорогой. Там говорят по-английски. А в дешевом только по-французски.

— Он не сможет жить в дорогом отеле, — считала Рита, но была не права. Все пошло прекрасно. Бену нужно было лишь написать свое имя у регистрационной стойки отеля, ему в это время улыбались, он же кинозвезда, провожали тоже с улыбками, когда Ричард вел его к лифту. Он помедлил из-за страха перед лифтами, но Ричард затолкнул его вовнутрь, к тому же ехать всего два этажа, не прошло и минуты. В комнате Бен сразу же расслабился — она ему напомнила детство, дом. Настолько, что он взглянул на окна, чтобы выяснить, нет ли решеток. Потом подошел, выглянул наружу: намного ниже, чем окна квартиры миссис Биггс в Мимоза-Хаус, на Хэлли-стрит. Бен походил по комнате, оскал исчез с его лица, а Ричард упал в кресло — он понял, что все пойдет хорошо. Надо только показать Бену ванну и объяснить, как работают душ и кондиционер. Потом сказал, что ему надо уйти, но он скоро вернется и поведет Бена ужинать.

Когда Ричард уходил, Бен сидел на стуле и смотрел через раскрытое окно на раскаленное голубое небо.

Ричард позвонил Джонстону и сказал лишь:

— Все хорошо, да, все нормально.

Услышав это, Джонстон сразу же побежал по лестнице к Рите, мечтая, как он проделает все еще раз: привезет Бена назад, а потом повторит свой успех. Но Рита вернула его на землю:

— Прекрати, Джонстон. На этот раз тебе все сошло с рук.

Когда Ричард вернулся, Бен плескался и покрикивал в душе — очевидно, он был счастлив, но первое, что он сказал, когда вышел вытираться и одеваться:

— Когда можно будет вернуться домой?

Ричард отвел его в хороший ресторан, скорее всего потому, что хотел сам как следует поесть: с этим у него в последнее время было

трудно. Но с тем же успехом можно было пойти в «Макдоналдс». Бен пил только фруктовый сок и, говоря, что голоден, съел огромный бифштекс, не тронув картошку фри и салат, а потом попросил еще один. После этого Ричард повел его гулять по набережной, полюбоваться морем, потом они зашли еще в одно кафе, а потом на вечернее шоу, где выступали певцы и танцоры. Ричард не мог понять, что Бен обо всем этом думает: он со всем соглашался, но было видно, что он по-настоящему доволен, только когда ест.

В отеле Ричард отсчитал немного денег и вручил их Бену со словами:

— Тебе они не понадобятся, но на всякий случай. Я приду завтра рано утром.

Ему было приказано следить за тем, чтобы Бен научился справляться с повседневными делами. Потом Ричард отнес увесистую пачку денег в сейф отеля, положил их туда на имя Бена, так как по рассеянному поведению своего подопечного понял, что, если тот будет носить деньги с собой, их сразу же украдут.

Развлекательную программу для Бена Ричард составлял скорее исходя из собственных желаний: он взял машину, чтобы покатать Бена по пригородам Ниццы, расположенным на холмах. Но Бена тошнило, и когда они доезжали до какого-нибудь милого сквера или ресторанчика, он отказывался сидеть на улице; все время искал тень и почти всегда держал глаза закрытыми. Стало ясно, что Бену нужны темные очки, так что, вернувшись в Ниццу, они перемерили несколько пар, но ничего не подошло. Ричард повел его к хорошему окулисту; после осмотра тот, похоже, смутился, засомневался и задавал множество вопросов. Он сказал, что трудно посоветовать что-то для таких глаз, — он назвал их необычными, но Бен наконец все же подобрал пару. Теперь, надев очки, он привлекал еще больше внимания, а потому суетился, волновался и все время повторял:

— Где-нибудь еще. Только не здесь. Мне здесь не нравится.

Когда они подошли поближе к своим отражениям в витрине, он остановился, наклонился, посмотрел на себя.

— Нет глаз, — сказал он, поясняя. — Нет глаз. У меня не стало глаз. — Он разволновался и снял очки.

— Бен, посмотри на меня, и у меня нет глаз. — И Ричард сдернул очки, показал Бену свои глаза, а потом надел их назад. Бен тоже медленно надел очки. Посмотрел на себя. То, что он видел сейчас,

сильно отличалось от того, как он выглядел в Лондоне: изящный льняной пиджак, прическа, а теперь еще и темные очки.

Ричарду пришлось отказаться от идеи ездить за город, на это слепящее побережье, он старался найти то, что понравится Бену. А что ему нравилось? Казалось, он был доволен во время прогулок или когда они отдыхали в кафе, где болтали и бездельничали люди. Легкость в общении, беззаботность привлекали Бена, но Ричард об этом не догадывался. Он мог думать лишь относительно собственного прошлого, его интересовало, боится ли Бен, считает ли, что его преследуют. Бену искренне нравилось гулять вдоль моря, смотреть на корабли, которые то приплывают, то уплывают. Он спросил у Ричарда:

— Куда они уходят?

— Кто?

— Эти корабли?

— А, куда угодно. По всему миру, Бен.

И увидел на лице Бена непонимание.

Ему нравилось, когда приходило время есть, бифштексы и фрукты — больше Бен ничего не ел, только бифштексы и фрукты. Он научился сидеть в кафе и заказывать то, что ему нужно, и с отелем хорошо справлялся, отсылал одежду в стирку, ходил к парикмахеру при отеле, где его брили и подравнивали волосы. Однажды вечером Ричард отвел его на шоу с обнаженными девушками, но Бен слишком увлекся, возбужденно визжал и вопил, и Ричарду пришлось его утихомиривать. На следующий вечер Бен захотел пойти туда снова, пообещал сидеть тихо, но когда появились девушки, чья нагота была прикрыта лишь пучками перьев и клочками блестящей материи, он забыл свое обещание, и пришлось удерживать его на месте. Ричард по-настоящему боялся, что Бен побежит к сцене и утащит какую-нибудь девицу.

Кто он, этот Бен? Он спал в кровати, как все, пользовался ножом и вилкой, носил чистую одежду, стриг бороду и волосы, и все же он был не как все.

За неделю жители этого старинного портового города, привыкшие к преступникам и авантюристам, дали оценку Ричарду: наверняка он принадлежит к местной мафии, этот молодой человек — хотя он был не так молод, как хотел казаться — выглядел хорошо: такой заискивающий вид, такие манеры всегда таят опасность, сколько бы он ни улыбался. Но оценить Бена они не могли. Люди выискивали предлоги для разговора. «Кто он?» Некоторые спрашивали: «Что он такое?» Ричард гордился тем, что может всех отшивать, и им

удавалось от него добиться лишь: «Он киноактер». Вскоре, когда он понял, что это проглотили, стал добавлять: «Он знаменит. Это Бен Ловатт».

В конце недели Ричард позвонил Джонстону и сказал, что Бен один не справится. За ним надо понаблюдать еще неделю. Джонстон пока не знал, насколько успешно работает его план. Первое вложение денег прошло нормально, но он собирался подождать следующего, потому что росли подозрения. Он не хотел платить Ричарду еще за одну неделю, потому что считал, что ему и так пообещали больше чем достаточно — четверть миллиона фунтов, — скоро такая сумма будет казаться Джонстону незначительной. Ричард настаивал, что, если бы его схватила полиция, когда он проводил Бена через французскую таможню, у него возникли бы серьезные проблемы, и он на долгие годы сел бы в тюрьму. Тогда Джонстон заметил, что его же не арестовали, все прошло на отлично.

— Да, — сказал на это Ричард, — но могли же. — Он хотел получить еще четверть миллиона. — Без меня ничего бы не получилось.

— Ага, но мне на грязную работу людей хватает, — ответил Джонстон, настроенный не уступать Ричарду, который, похоже, начинал его шантажировать.

Разговор не мог длиться вечно: они общались по телефону, Джонстон говорил не из своего закутка, а из офиса друга своего друга, но все равно, их могли выследить...

— Какую роль сыграет еще одна неделя? — поинтересовался Джонстон.

— Ну, если ты хочешь, чтобы за него кто-нибудь взялся, — сказал Ричард. — Он делает все, что я ему скажу, и будет вести себя так же с кем угодно, так ведь?

Вокруг Ричарда кружилось и скрежетало движение: приходилось кричать. В тишине комнаты на глухой улице Брикстона, которая называлась офисом, Джонстон терял терпение, он начал громко командовать: самое важное заключалось в том, что, если Бен будет настаивать на возвращении, пусть узнает, что не найдет ни его, Джонстона, ни Риту. После этого он согласился оплатить вторую неделю.

Ричард сообщил Бену, что они будут отдыхать еще неделю.

— А потом мы поедем домой? — просил Бен.

— Зачем тебе туда? Почему ты хочешь отсюда уехать?

Для Ричарда это побережье было воплощением благополучия. Он вырос в северном английском городке, происхождение жуткое: можно

сказать, он родился преступником. Как и Джонстон, он побывал и в борстале, и в тюрьме. Встреча с Джонстоном — самая большая удача в его жизни. Ричард боготворил Джонстона и был готов сделать для него что угодно. Джонстон послал его на это побережье вести какие-то не слишком сложные переговоры о переправке машины, «мерседеса», во Францию, без документов; у Ричарда получилось, и он остался. Такая жизнь, особенно периодические походы по кафе и ресторанам, солнце, небо на этом побережье — все тешило его обещаниями счастья. Ричард жил бедно, порой ему нечего было есть, но ради жизни здесь можно было и потерпеть. И вот, благодаря Джонстону, этот мелкий жулик получит четверть миллиона фунтов и купит себе маленький домик или квартиру — что угодно, лишь бы гарантированно остаться там, у моря, где столько света.

А Бен вечно сидит в тени и хочет одного: вернуться в Лондон — Ричард даже понятия не имеет, насколько сильно хочет.

На следующей неделе вечером Ричард оставил Бена в отеле, и тот отправился на прогулку один, бродил по улицам, поднимался по лестницам, стремясь забраться повыше, пока его не заставила остановиться девушка, которая стояла в дверном проеме и улыбалась ему.

Она определила, что он англичанин, с помощью тех нескольких слов, которые знала, назначила цену и направилась в свою комнату. У Бена не было с собой столько, сколько просила девица; цена оказалась выше, чем у Риты. Он подумал, что она такая же, как Рита, и отнесется к нему по-доброму. В комнате девушка рассмотрела Бена: она восхищалась его огромными плечами, его силой — так же, как Рита. Она отвернулась, сняла юбку и почувствовала тяжесть огромных рук у себя на плечах, вот ее наклоняют, зубы впиваются в шею. Девушка вырвалась, она кричала, обзывая его животным, свиньей, *bete*, толкнула Бена к двери и вышвырнула, велев по-французски никогда больше не появляться.

Бен пошел вниз по улице, вернулся в отель, думая о том, что надо найти кого-нибудь, вроде Риты, добрую женщину: он тосковал по женской доброте.

Ричард сказал, что у них осталось всего три дня, а потом Бен останется один. Ему было неприятно это говорить: не хотелось оставлять Бена одного, и не только потому, что подходил конец оплаченным развлечениям. Он полюбил этого... кем бы он ни был. Ричард понимал, что Бен вскоре попадет в беду: у него и представления не было о том, что для него опасно, а что нет.

И теперь Бен говорит, что собирается вернуться в Лондон. Он решил, что, если у него есть паспорт и деньги, надо лишь сказать девушке у стойки заказать билет на самолет: он видел, как это делали другие постояльцы.

Бен хотел увидеть Джонстона. Он сделал Джонстону одолжение. «Бен, сделай это для меня, вот так, ты сделаешь мне одолжение. И я буду тебе благодарен». Эти слова произвели на Бена такое же впечатление, как похвалы старушки: «Ты молодец, Бен».

Бен почувствовал теплоту к Джонстону: вообразил, что ему будут рады, — но Ричард все время говорил:

— Бен, ты не понял, Джонстона там теперь нет.

— Почему? Где он?

— Он уехал. Больше он не занимается мини-такси.

Вскоре так оно и будет, если еще не так. Джонстон сказал:

— Я не хочу, чтобы он сюда возвращался. В любом случае, я здесь надолго не задержусь. И Рита уехала. Скажи ему это. Скажи ему, что Рита уехала.

Ричард сообщил это Бену и увидел на лице выражение, которое назвал бы несчастным, — по крайней мере, Бену было тяжело.

Бена охватил ужас, ледяная боль. У него было единственное прибежище, единственный настоящий друг — Рита. Она уехала.

Потом Бен вспомнил старушку. Он мог бы вернуться к ней. У него есть кое-какие деньги, так что ему будут рады, он даже сможет дать ей денег на еду.

Он объявил Ричарду, что поедет к еще одному другу, миссис Биггс. И нашел в кошельке клочок бумаги, который она ему дала.

— Смотри, — сказал он, — она там живет.

— Если бы здесь был номер телефона, ты мог бы ей позвонить.

— У нее есть телефон, — ответил Бен. — У всех есть телефоны.

Ричард задумался. Если Бен вернется в Лондон, к этой миссис Биггс, тогда он не попадет на глаза Джонстону. Он велел Бену оставаться на месте — за столиком привычного кафе, — а сам пошел звонить в телефонную справочную. Благодаря любви к Франции, точнее, к этому побережью, он с легкостью выучил несколько нужных фраз на французском, но сложность возникла в том, чтобы убедить француженку, что миссис Биггс существует, проживает по этому адресу и у нее есть телефон. Наконец его соединили с английской справочной и там ему сообщили, что по этому адресу с таким

телефоном нет никакой миссис Биггс. Тогда он попросил соединить его с квартирой одиннадцать в Мимоза-Хаус, и ему ответила женщина, сказала, что миссис Биггс там больше не живет. Она скончалась в больнице.

Ричард рассказал Бену, что миссис Биггс умерла, Бен сидел неподвижно, молча, и с широко раскрытыми глазами. Ричард понял, что он огорчен, и попытался разговорить его, предложил позавтракать, а потом погулять по набережной.

Ричард не знал, что Бен настолько несчастен, что не хочет разговаривать, есть, он может только неподвижно сидеть, это горе его уже никогда не оставит.

Он осознал, что в Лондоне, в его родной стране больше никто не улыбнется, увидев его. Бен вспоминал комнату миссис Биггс, там он был счастлив, когда присматривал за ней, вспоминал Риту, ее доброту, потом собственный дом, но как только представил мать, увидел и ту сцену, когда она сидела на скамейке в парке и похлопывала по ней, чтобы Пол подошел и сел рядом. Пол, образ ненавистного брата разросся и заполнил все воображение Бена, вызывая помыслы об убийстве.

Думать о матери было невыносимо.

Потом Бен все же поднялся со стула и пошел гулять по набережной, потому что Ричард сказал, что надо, но ничего не замечал — лишь то, что сердце ужасно болит, он чувствовал такую тяжесть, что хотелось лечь прямо там, на тротуаре, где ходят люди, болтают и смеются.

Он сказал, что хочет лечь.

На следующий день Ричард — у него был запасной ключ от комнаты Бена — поднялся и увидел, что Бен лежит, свернувшись на кровати, глаза открыты, но он не двигается.

Бен привык подчиняться Ричарду, поэтому встал, когда Ричард сказал, что он должен это сделать, пошел поесть, немного погулял. Но ничего не сказал, ни слова.

Теперь Ричард собирался оставить Бена одного: пришло время. Он суетился, давал советы, уговаривал:

— Бен, ты не забыл, как это делать? Просто води себя как тогда, когда мы были вместе, и все будет в порядке.

Бен не отвечал.

Утром Ричард, наконец, уехал — поговорив с девушкой у стойки и сказав ей, что деньги Бену лучше выдавать понемногу.

— В некотором смысле он как ребенок, — объяснил Ричард. — У него небогатый жизненный опыт.

Когда он прощался с Беном в его комнате, Бен лежал на кровати, свернувшись, и этот грубый и весьма жестокий человек чувствовал, что готов заплакать. О чем думал Джонстон, оставляя этого парня, этого простака, одного в таком мире?

Вот так Ричард ушел из жизни Бена, отправился искать свое местечко, где проживет свободно, где его больше не будут преследовать, как было всю жизнь, где он не будет ждать, что руки закона опустятся ему на плечи. Наверное, при расставании он был так близок к слезам из-за того, что они оказались почти в одинаковом положении. Из плана Ричарда ничего не вышло. Можно купить хороший домик за четверть миллиона, но надо еще как-то жить, платить за него, питаться. И он был вынужден вернуться к преступной жизни. У этой истории — несчастливый конец.

Бен сидел на кровати в темных очках и смотрел на голубой квадрат в стене. Ричард уехал, а ведь они были вместе все время, с самого приезда. Старушки не стало, и Риты, и Джонстона. В той жизни, когда он спал на скамейках в парке, в подъездах и на вокзалах, к тебе прижимался какой-то человек, так что можно было почувствовать согревающее тепло, а утром он уходил, и ты больше никогда его не видел. Бен чувствовал себя таким брошенным, невесомым, ничейным, что мог провалиться сквозь пол или взлететь к потолку. Но все же здесь ему есть где жить: комната оплачена на две недели вперед. Можно прятаться в ней; можно ходить по улицам, по которым он гулял с Ричардом. Еще Бену хотелось есть. Ричард сказал, что можно воспользоваться обслуживанием в отеле, если покажется, что в кафе слишком сложно, но Бен расценивал все, чего он раньше никогда не делал, как ловушку, в которой он мог запутаться и погибнуть. В фойе он ответил на улыбки женщины из-за стойки портье, а потом отправился в кафе. В то, которое знал лучше всего. Официант принес Бену его постоянный заказ: бифштекс и фрукты. Ричард учил его оплачивать счет, и Бен выложил столько, сколько официант сказал ему по-английски, но понял, что сумма больше, чем бывало раньше. Потом пошел на рынок. Теперь, без Ричарда, защищающего его от этого шумного яркого мира, французская речь причиняла ему боль, она была наполнена неизвестным смыслом и угрозами. Они вдвоем покупали фрукты на рынке, и Бен указал на виноград, персики, он не понял, что сказала продавщица, и протянул ладонь с деньгами — все они исчезли. По тому, как довольна ухмыльнулась женщина, отворачиваясь, по тому, как она засунула его деньги себе в карман, Бен понял, что его обманули. Он ощущал, что на него смотрят;

понимал, что люди что-то говорят; потом, как если бы Ричард был с ним, он сел за столик в кафе, чтобы понаблюдать за событиями и людьми — Бен знал, что придется, как обычно, заказать сок, заплатить за него — встал и, спотыкаясь, пошел назад в отель. Он запаниковал. Это было самое ужасное мгновение. Осознание одиночества стучало в голову: *Ты остался один, Ты остался один*. Бен ощущал опасность со всех сторон, и это было правильно. Раньше Ричард его защищал, а теперь нет.

Бен вернулся к себе в комнату. А ночью пошел в бедные кварталы, в поисках девушки, но никого не нашел. Он собирался попробовать еще раз на следующую ночь. Бен думал о Рите, вспоминая лишь доброту, но прежде чем он смог бродить вдоль побережья, следовать за улыбками шлюх, подвергаясь риску, случилось кое-что еще.

У стойки портье кинорежиссер из Нью-Йорка беседовал с двумя молоденькими женщинами, которые должны были заказать ему обратный билет в Нью-Йорк. Алекс был человеком средних лет, но выглядел по-американски моложаво — худой, здоровый, в молодежной одежде, дорогой и яркой. Возвращение домой означает поражение. Три года назад, после продолжительных тревог и кризисов Алекс снял фильм — не тот, который хотел, на него не получилось раздобыть денег. Фильм рассказывал о том, как в южноамериканских городах молодые ребята становятся преступниками и наркодилерами, фильм оказался популярен, и Алекс был уверен, что люди ждут его следующую работу. В этот раз он будет бороться за то, чтобы снимать тот фильм, который он хочет, а если на это потребуется время... Время действительно требовалось, а деньги кончались. Весь год Алекс был одержим, как безумец, единственной мыслью: какой фильм, какой сюжет? В голове у него кружились идеи, даже во сне он мечтал то об одном городе, то о другом, но вскоре идеи уходили — они были недостаточно хороши; потом им овладевала новая фантазия. Дошло до того, что все, что он видел — каждая улица, бар, вокзал или аэропорт, — рождало сценарий. Весь мир стал фантаσμαгорией киносюжетов, и Алекс понимал, что понемногу сходит с ума. С полгода он думал, что будет снимать фильм про былые славные дни какого-нибудь средиземноморского порта, поэтому и приехал сюда. Но эта идея так ни во что и не оформилась, пора было уезжать. Однако Алексу не хотелось покидать этот берег, мечты о нем... Открылся лифт, и в фойе появился Бен, Алекс принялся следить за ним взглядом. Бен вышел через вращающиеся двери на улицу, остановился, вошел назад и плюхнулся в кресло. Он ухмылялся, — возможно, от приятной мысли о чем-то личном. Алекс давно уже не мог смотреть ни на что и ни на кого просто так, его воображение

обязательно наполнялось яркими пленительными сценами. Он увидел мрачный горный склон, низкое хмурое небо, нагромождение черных вздымающихся камней, старые мощные деревья; услышал плеск воды; и вот из-за маленького водопада выходит приземистое волосатое существо с широкими плечами и мощной грудью, поднимает враждебные сияющие глаза, смотрит на чужака, Алекса, рычит, и на угот звук из-за камней и деревьев выходят ему подобные, бегут вверх по склону в пещеру — большое отверстие в склоне, — собираются там и настороженно ждут, гадая, какую угрозу может таить неизвестный. Внизу были кроны старых деревьев — Алекс мог бы поклясться, что никогда таких не видел, — и острые камни повсюду. Племя — карликов? Йети? Ни в кино, ни по фотографиям Алекс не помнил никого похожего на существ, которые стояли там и смотрели на него. Самые высокие — пять футов и три-четыре дюйма, остальные ниже — может, женщины? Из-за того, что они такие волосатые, сложно разобрать, кто какого пола. Жесткие светлые волосы на плечах, бороды, зеленые глаза. В руках появились дубинки, камни, некоторые — острые, как ножи... Видение потускнело и исчезло, и Алекс уставился на прилично одетого Бена, а тот смотрел на вращающиеся двери и думал, что он вернется в Лондон и будет искать Риту, в конце концов, в сейфе у него лежат деньги. Но Джонстон... Из-за мысли о Джонстоне на его лице снова появился испуганный оскал. Бен понял, что Джонстон его обманул, одурачил и бросил тут беспомощного, среди людей, издающих непонятные звуки.

Алекс снова повернулся к женщине у стойки, которая уже ждала, что он спросит про Бена: они привыкли к таким вопросам. У них родились собственные представления о Бене. Одна говорила, что он лежал в больнице для душевнобольных, что он богат, и его отправили сюда с надзирателем. Другая говорила, что он, без сомнения, борец-тяжеловес. Третья утверждала, что в лаборатории поставили неудачный эксперимент и что у нее от этого типа бегут мурашки по коже. Все покровительствовали Бену, давали советы на английском, уделяли ему время, заходили в его комнату, чтобы проверить, есть ли у него ваза для фруктов, или помогали найти что-нибудь — один раз это был паспорт, Бен все утро испуганно думал, что потерял его. Бену казалось, что этот документ — единственное, благодаря чему он не становится пустым местом, без паспорта кто поверит, что он Бен Ловатт, шотландец, киноактер тридцати пяти лет?

Сейчас за улыбающимися участливыми лицами служащих скрывалось намерение защитить Бена от этого режиссера. Они-то знали, что Бен беспомощен, и беспокоились, что его могут

использовать в сомнительных или даже жестоких целях. Когда Алекс спросил:

— Кто это? — одна сказала:

— Он из Лондона.

Другая:

— Отдыхает тут.

Но была и третья, которая не верила, что Бен актер, и которой не понравился Алекс. Она сказала:

— Он снимается в кино.

Алекс приказал:

— Забудьте про билет на самолет. Я останусь еще ненадолго. — Он подошел к Бену, сел рядом и представился.

Бен продолжал скалиться, метал туда-сюда испуганные взгляды, но потом дружелюбные глаза Алекса напомнили ему о Ричарде и даже о старушке, и ужас сменился улыбкой. Алекс отвел Бена пообедать, потом в кафе, так прошел день, за ним еще один, неделя, и все это время Алекс мысленно вынашивал этот образ, или видение, с карликами, или кем там они были, думал о том, что снимет Бена в кино. Но у него не было сценария и, более того, денег тоже. Идеи для сценария появлялись и исчезали, каждая на какое-то время завладевала его воображением. Алекс был одержим этими существами — — это не животные, потому что Бен вел обычную жизнь, пользовался ножом и вилок, каждый день подравнивал бороду и подстригал волосы, менял одежду — она уже немного изнашивалась. Алекс слышал, что Джонстон заказывал Бену рубашки и пиджаки. Кто такой Джонстон? Бен сказал, что у него были машины и водители, и он отправлял в них людей по всему Лондону, но потом уехал. Бен обо всем говорил расплывчато. Границы его восприятия были достаточно узки, а из-за всех его симпатий и антипатий образы получались еще более странные. Он рассказывал о старушке, а о кошке — нет, говорил о Джонстоне, а о Рите — нет, потому что ему было очень грустно о них думать. Рассказал, что у него есть семья, что отец его ненавидит, зато никогда не упоминал Пола или мать. Алекс Бейл понял из всего этого лишь одно: Бен ни к чему не привязан. Его можно использовать, и никто не потребует объяснений или — чего? Он не будет эксплуатировать Бена! Даже заплатит ему. Присмотрит за ним. Бену снова сшили рубашки и два пиджака, один

теплый, другой легкий, и несколько шелковых рубашек с высоким горлом, чтобы волосы на груди и шее были незаметны.

Бен понял, что новый друг, который собирается о нем заботиться, хочет снять его в фильме: он настоящий актер. Бену не нравилось кино, от него слепило глаза и становилось плохо. Алекс отвел его в кинотеатр, тщательно подобрав фильм, словно для ребенка: хороший крепкий сюжет, волнение, опасность. Но Бен сидел с закрытыми глазами, иногда ненадолго открывая их, в надежде что-нибудь разглядеть, но ничего не видел, потому что не мог переносить яркие вспышки света.

Алекс повел Бена к окулисту, чтобы ему выписали очки, поскольку был уверен, что темные не подходят. Бен предпочитал сумерки дневному свету, никогда не сидел на солнце, часто прикрывал глаза, щурился. Этот окулист тоже обеспокоился. Когда он вышел из лаборатории, чтобы поговорить с Алексом, поскольку пообщаться с Беном не получилось, то сказал, что у Бена необычные глаза. Плохо адаптируются к изменению света. Представление врача о Бене походило на мнение той девушки, которая считала его неудавшимся лабораторным экспериментом, но ему не хотелось об этом говорить, чтобы не впутаться в неприятности. Он сказал, что темные очки подходят Бену так же, как и любые другие, но предположил, что очки светлого оттенка лучше, чем очень темные. У Бена сильно слезились глаза; он скалился — от смущения, подумал окулист, но Алекс уже уяснил, что означал этот широкий оскал.

Когда Алекс узнал, что комната Бена оплачена еще на неделю, узнал про деньги в сейфе, ему стало легче. Каждая мелочь была полезна. Надо раздобыть где-нибудь денег на проект. Он часами разговаривал по телефону с Лос-Анджелесом, Нью-Йорком, другими городами, где рождалось кино, и, наконец, убедил продюсера, финансировавшего его предыдущий проект, дать ему необходимую сумму. У него не было единого сюжета: он придумал несколько. Когда Алекс описывал Бена, его голос был достаточно загадочным, удивленным и возбужденным, чтобы добиться финансирования проекта.

Теперь Алексу надо придумать сюжет. Проблема в том, что ему не приходило в голову ничего столь же привлекательного и своеобразного, как то видение с существами, которые собрались у входа в пещеру и смотрели сквозь пропасть времени — возможно, сквозь миллионы лет — в лицо Алексу, как он считал, их потомку. Если он им являлся. У него в теле где-то спят их гены? У него с Беном есть общие гены? Иногда Алексу казалось, что, конечно, есть, но в некоторые моменты понимал, насколько Бен ему чужд. Алекс тихонько повторял про себя, что Бен не человек, даже если большую часть

времени ведет себя по-человечески. Но он и не животное. Он — какой-то атавизм. Если племя древних людей скорее похоже на животных, как Бену удавалось жить по-человечески — по крайней мере, большую часть времени?

Алекса беспокоило, что когда он снимет фильм и все это закончится, Бен останется, и за ним надо будет приглядывать. Пока все шло нормально. Бен проводил время с Алексом днем и иногда вечером. У Алекса были друзья на побережье и в городишках, расположенных на холмах, он пытался брать Бена с собой в гости, но эти встречи проходили тяжело, с напряжением, так что он прекратил попытки. А что делал Бен вечерами, когда Алекс уезжал? Осторожно ходил по городу, будто охотясь или преследуя кого-то, и искал женщину. Нашел, но его снова называли *bete* или *cochon*, и Бен понял, что его отвергают.

Но вдруг у Алекса появилась идея. Вернуться в Южную Америку и снимать там. На этот раз — в Бразилии. У него там были связи, Алекс даже снял там короткометражный фильм и поставил пьесу. Он поместит сюжет не в Северной Европе, которая больше ассоциируется с карликами, гномами, троллями, домовыми и более хрупкими существами — феями и эльфами, — Алекс избавится от этого груза, он поедет на юг, в леса, где... Но Алекс не разработал сюжет, в голове не зародилась никакая фабула. Он отправится в Рио и отвезет Бена в те леса, где летают бабочки размером с дрозда, где история такая же древняя и дикая, как и в Европе, — и тогда пусть к нему приходят видения.

Он описал Бену Южную Америку, Бразилию и Рио. Как всегда, ему было неизвестно, что Бен понял. Он привык следить за появлением ухмылки, которая так много говорила. Бен спросил, полетят ли они на самолете, и рассказал, что летал на аэроплане, на маленьком. Описал, как рассматривал Лондон сверху. Видел район, где живет старуха, и улицу, на которой работал Джонстон — раньше работал, а потом уехал. О самолете из Лондона до юга Франции Бен не упомянул, потому что его так и не убедили, что он в нем летел. Бен спросил, далеко ли Бразилия? Далеко откуда? — хотел бы знать Алекс, но спрашивать не стал. Его мучила совесть за то, что он делает. Тогда он пообещал себе, что проследит за тем, чтобы Бен вернулся либо сюда, либо в Лондон, где о нем позаботятся друзья.

Итак, Бен забрал оставшуюся пачку денег, и они вдвоем полетели в Рио-де-Жанейро.

Но все оказалось не так просто. Во-первых, пришлось лететь во Франкфурт, а там пересаживаться на самолет в Рио. Бен стоял в очереди, Алекс перед ним, держа в одной руке паспорт, в другой сумку.

На улице средиземноморское слепящее солнце отражалось от оконных стекол, машин, листьев, облаков. Бен держал глаза полузакрытыми, даже несмотря на то что был в темных очках, и все время скалился. Может, я еду домой? — думал он, ожидая у стойки регистрации, Алекс стоял рядом с ним, он сказал, что Бену нужно место у окна. В этот раз, когда они зашли на самолет, Бен осознал, что он в самолете, и у иллюминатора, рядом с Алексом он сумел сопоставить то, что видел сейчас, с тем, что было видно с самолетки, на котором он летал над Лондоном. Потом самолет обволокло облако, пришлось смотреть на белое, оно светилось, и от него было больно. Бен закрыл глаза, откинулся на спинку, и Алекс сказал ему:

— Лететь всего один час, Бен. — Он имел в виду до Франкфурта, а там все повторилось снова: толпа, эскалаторы, яркий свет, ходьба по коридорам, потом ожидание у выхода с посадочным талоном в руке. Бен жался к Алексу, скалился.

Алекс смотрел на своего измученного товарища с сомнением и опасением. Он бы похлопал его по плечу — «все нормально, Бен, вот увидишь», — но вчера, когда Алекс по-дружески шлепнул Бена, то заметил, что его зеленые глаза сузились, закипела ярость, и кулаки... Алекс даже не знал, как близко был к тому, чтобы эти громадные руки раздавили его, а зубы впились в шею. Хотя он понял, что ситуация опасна.

От ярости у Бена перед глазами все побагровело, а кулаки налились убийством — он еле подавил ощущение опасности, еле сдержался. Бен знал, что ни в коем случае нельзя проявлять свою ярость, но Алекс-то его ударил... горе, которое затаилось в нем с тех пор, как не стало старушки и Джонстона с Ритой тоже, сопровождала ярость. Бену сложно было понять, чего ему хочется: вопить и выть от боли или крушить все вокруг и убивать.

Длинные идущие вниз коридоры с поворотами вели к двери в салон самолета: Бен никак не мог поверить, что это самолет: такой он большой. Бен даже не мог понять, насколько он огромен. До Бена дошло, что он летит не домой, а куда-то еще, в голове мысли постоянно боролись за то, чтобы сохранить контроль, и теперь Бен говорил себе, что его обещали отправить домой, но предали, и Алекс в этом предательстве участвует. Бразилия. Что такое Бразилия? Почему он летит туда? Почему он должен сниматься в кино?

В этот раз он не стал смотреть в окно, так как знал, что увидит лишь белые облака и болезненный блеск. Лететь одиннадцать часов — что Бену делать все это долгое время в скованном состоянии? Они летели эконом-классом: Алекс не мог позволить себе расточительства.

Принесли напитки. Алекс велел Бену выпить воды, и он выпил. Может, дать Бену снотворного? Но, возможно, его организм не воспринимает лекарств: все равно, что кошке дать человеческое болеутоляющее или снотворное, ему может стать плохо, он может даже умереть. Но проблема решилась сама собой, Бен снова заснул, вцепившись в ремень безопасности, который терпеть не мог. Нагрузка на организм была слишком велика, Бену трудно было ее переносить, иногда во время полета он просыпался, осматривался и снова засыпал.

В Рио было утро, солнце светило невыносимо ярко, это разбудило Бена. Он вцепился в свою промежность и попытался подняться. Алекс вовремя довел его до туалета. Он думал, что это все равно, что с ребенком — у Алекса был ребенок, сын от брака, который закончился разводом.

С отелем проблем не возникло. Бен знал, что это такое, и уверенно предстал перед регистрационной стойкой. Но — поняв, что происходит, Алекс разозлился на себя — там говорили на другом языке, португальском, а Бен привык только к звучанию французской речи.

— Что такое? — спросил Бен — грубо, печально, зло. — Что они говорят?

Алекс объяснил. Он много рассказывал Бену о Бразилии, о Рио, о том, как там чудесно; о лесах, пляжах, море, но ему и в голову не пришло упомянуть о том, что люди говорят на португальском.

Алекс хотел бы жить отдельно, но боялся оставлять Бена одного в этом неизведанном отеле, так что они вдвоем поселились в одной комнате. На одну ночь: в Рио несложно снять квартиру, и на следующий день они переедут.

Алекс ужасно хотел спать, он ведь бодрствовал на самолете, присматривал за Беном, но он понимал, что надо держаться, потому что Бен выспался и был полон сил, ходил по комнате, словно животное, изучающее новое пространство, осматривал ванную — душ, туалет, — открывал и закрывал шкафчики и ящички. Они поселились высоко, Бен выглядывал из окна и смотрел вниз — похоже, это его не расстроило, хотя он и не любил лифт. Он лег на кровать и снова встал, а Алекс наблюдал за ним, утомленный сменой часовых поясов.

— Я голоден, — сказал Бен.

В номер подали бифштекс, Бен съел еще и порцию Алекса. В этой стране росли чудесные фрукты, и Алекс кое-что заказал. Бен ел ананас, мыча от удовольствия, но весь облился соком. Алекса поразило, что он сам, без указания, пошел в душ и провел там

достаточно много времени. Алекс прислушался к звукам — что это? Пение? Какой-то грубый мычащий напев. Повсюду расплескалась вода, Алексу пришлось вытирать.

Был всего лишь полдень.

Алекс начал звонить друзьям. В городе у него было много друзей. Некоторые работали вместе с ним над пьесой, некоторые — в фильме, который снимали в Колумбии и Чили. Знакомые знакомых. Надо не заснуть. Он знал, что если уснет, то не проснется до завтра. Заказали ранний обед. Пока его будут готовить, Алекс с Беном отправятся осматривать город. Было жарко, от моря отражались солнечные зайчики, Бен шел, спотыкаясь, вцепившись в Алекса, почти полностью закрыв глаза. Алекс отвел его назад в отель, выяснив, что в Ницце они гуляли по вечерам и один раз днем, когда было облачно. Они расположились за столиком у отеля, пили фруктовые соки, Бен, съевшись, сидел на стуле, не скалился — Алексу было приятно это видеть, — но был так напряжен, отворачивал голову, чтобы больше попадать в тень от зонтика, оценивал новых людей, пытался понять новые звуки. Как и всюду, где побывал Бен, люди, которые приходили и уходили, которые сидели за соседними столиками, пытались постичь, что они видят. Первый случайный взгляд оценивает сцену в общем — но в голове остается что-то недопонятое, какой-то вопрос. Второй взгляд дольше первого: ну, это просто крупный мужчина, всего-то — вырасти таким большим и объемным не криминально, — но каковы плечи, говорите что хотите, какие плечи... после того, как отвернулись — третий взгляд, тайком, украдкой. Да, только и всего, просто мужчина крупного телосложения, но не красавец. И, наконец, последний, неприкрытый длительный взгляд, как будто странная внешность Бена — повод так невежливо таращиться. Да, но *что* это? Просто: *что* я вижу? Жаркий день подошел к вечеру, Алексу мучительно хотелось спать. Когда желание стало невыносимо, он заставил Бена вернуться в комнату. Бену идти не хотелось, ему нравилось на улице — смотреть, слушать, к тому же, некоторые женщины ему улыбались.

Войдя в комнату, Алекс упал на кровать и уснул. Даже не снял туфли.

Бен подошел к своей кровати, но не лег. Он сидел на краю и пристально смотрел на Алекса. После старушки Бен ни с кем не жил в одной комнате, но старушку не надо было рассматривать, разглядывать; а в ту ночь, когда Рита разрешила Бену остаться, он был слишком благодарен, чтобы желать чего-нибудь еще. Но сейчас перед ним находился мужчина, который привез Бена сюда, в это место, а Бен этого совсем не просил. Алекс ему не нравился, хотя казался добрым: Бен чувствовал, что Алекс его дурачит.

Он беззащитно лежал, раскинув руки и ноги, лицом к Бену, глаза прикрыты, казалось, что он смотрит на Бена. Бен мог убить его, пока он там лежит, Алекс бы и не пикнул. Бен ощущал, что от ярости, подпитываемой горем, его плечи, руки, кулаки становятся сильнее. Он мог бы наклониться и крепко укусить Алекса в шею, она словно звала... но Бен знал, что не должен так поступать, он должен контролировать себя. Даже когда от ярости темнело в глазах, какой-то голос говорил: «Остановись. Нельзя. Это опасно. Тебя могут за это убить».

И Бен продолжал сидеть; его скорбная ярость постепенно схлынула, и кулаки разжались.

Он думал о Ричарде: теперь ему казалось, что Ричард был настоящим другом и любил его.

Бен долго сидел, расставив ноги, положив кулаки на колени, наклонившись вперед, наблюдая. Один раз вытянул руку: у него мощная рука, огромный кулак, Бен поднес ее к расслабленной руке Алекса, лежащей на диване, совсем близко. Ноги Алекса были скрыты под джинсами, но Бен знал, что его собственные ноги по сравнению с этими были словно стволы деревьев в штанинах. Лицо: если сравнивать с его лицом, оно такое маленькое и аккуратное; на груди, едва прикрытой рубашкой, волос почти нет. Он и Алекс так похожи, и все же такие разные... Например, Бен мог бы раздавить Алекса своими руками, а тот не смог бы даже пошевелинуться.

Бен встал у окна. В блестящую бездну неба смотреть было больно, так что он опустил взгляд. Они находились на пятом этаже. Не так высоко, как квартира старушки. Внизу ходили люди, они говорили на новом языке, непонятная вязкая речь, как будто у них сахар во рту.

Зазвонил телефон. Алекс и не пошевелился. Телефон продолжал звонить. Бен поднял трубку и сказал по-английски:

— Алекс спит. — Голос принадлежал женщине — она сказала, что узнала о том, что Алекс в городе, и скоро зайдет. Проснулся Алекс. Бен сообщил, что придет женщина по имени Тереза. Хотя глубокая усталость еще не прошла, Алекс вскочил со словами:

— О, Тереза, чудесно, просто здорово. — Принял душ и переоделся. Было около шести. Алекс повел Бена в фойе, люди все приходили и приходили; когда собралось одиннадцать человек, все пошли в ресторан; Алекс сказал, что Бену понравится, потому что там подают в основном мясо.

Все они пытались разговаривать с Беном. Откуда ты? Ты работаешь с Алексом? Ты работал над фильмом или в театре? — такие вопросы. Ответы Бена были не в тему, и все замолкали. Например, когда его

спросили, откуда он, Бен ответил, что из отеля «Эксельсьор» в Ницце, а когда милый дружелюбный человек попытался добиться другого ответа, Бен сказал, что он не из Шотландии, но названия города, где он родился, не знает. Так что все стали относиться к Бену с осторожностью, хотя и по-доброму, но старались особо не смотреть на него. А Бен понял, что Тереза добра по-настоящему: он это чувствовал.

В Рио бывают такие рестораны, где на столах уже расставлены тарелки с помидорами, соленьями, соусами, но люди идут туда, чтобы поесть мяса; на блюдах и шампурах красуются бедра и ноги разных животных, в основном — говядина. Бен никогда не видел столько всякого мяса, он был доволен, но горе его было слишком сильно, чтобы получить настоящее удовольствие. Бен чувствовал себя неуютно: болтовня, объятия, на португальском разговор совсем не понятен, а их английский ломаный и неразборчивый. Вскоре все закончилось, Бен, Алекс и некоторые другие сели в машину. Они неслись вдоль побережья, по волнам скользил лунный свет, из высоких зданий лился другой. В отеле Бен услышал, что они строят планы на несколько дней вперед: все были рады, что Алекс приехал, и словно ждали праздника.

В номере Бен разделся, не забыв повесить одежду на вешалки, и, как обычно, нагишом забрался в постель. Он наблюдал за тем, как Алекс надевает пижаму: одежду, в которой спят. Как родители. Бен тоже так делал, когда был совсем маленьким, но ему не нравилось. Он уснул.

Теперь Алекс занялся тем же, что Бен проделывал раньше. Сел на край кровати и наклонился вперед, стал рассматривать. Даже протянул руку, как и Бен, поднял штанину пижамы, чтобы сравнить с ногой Бена, которая торчала из-под одеяла, так как было очень жарко. Среднюю часть тела Бена прикрывала простыня. Алекс подумал: значит, он инстинктивно прячет гениталии — животные так не делают. Бен — не животное. Но если не животное, то... Этот монолог мог повторяться в сознании Алекса снова и снова, часто так и было — как и у большинства людей.

Алекс спал. Бен спал. Утром они позавтракали в отеле: фрукты и снова фрукты; потом собрали вещи и отправились в квартиру, которую неподалеку от набережной снял Алекс. В лифте Алекс объяснил, что их квартира находится на третьем — не слишком высоко: Бен все еще не любил лифты. Две просторные комнаты, спальни, между которыми самая большая комната — гостиная. Не слишком большая кухня, ванная с душем и туалетом. У Бена будет своя комната. Алекс думал, что это может оказаться опасным, но он хотел жить один: во-первых, у него была девушка, Тереза. У Бена впервые появилась собственная

комната с тех пор, как он жил дома с семьей, и он, следуя инстинкту, проверил, нет ли решеток на окнах: никаких решеток. Но Бен чувствовал себя затворником: он продолжал проверять двери — да, можно выходить и заходить, у него есть ключ. Это не ловушка... Но эта комната с кроватью и большими окнами очень похожа на комнату, в которой он жил в детстве. Полдень. Алекс сказал, что устал после перелета, а Бен подумал, что это значит — Алекс заболел: Бен не помнил, чтобы он сам болел. Алекс ушел в свою комнату, сказав, что позже придет много народу, и когда он проснется, они с Беном сходят за едой и будут готовить на кухне. Бену было беспокойно в комнате... он посмотрел вниз на улицу, с которой доносились звуки этого слащавого языка... посмотрел на окна напротив, увидел там людей, они двигались, но Бен не понял, что они делают. Пошел в гостиную. Там лежали разные журналы, но люди на фотографиях не были ему друзьями, и он понимал, что они никогда не могли бы ими стать. Я хочу домой, повторял он про себя. Домой, домой.

Чтобы проверить, заключенный ли он, Бен вышел — ему удалось сохранить спокойствие в старом шумном лифте, — дошел до конца улицы и вернулся. На этой стороне улицы немного народу. Все смотрели на Бена, и кто-то пошел за ним — мальчишка с резким, злым лицом. Бен не побежал — он был осмотрителен, но быстро вернулся в здание, где находилась его комната и безопасность, он ждал у лифта, зная, что мальчишка прокрался за ним, не спуская с него глаз, пригибаясь к земле: эту позу Бен понимал очень хорошо. *Он не должен разворачиваться и хватать мальчишку за плечи...* Лифт со стуком приехал вниз, а мальчишка уже почти добрался до него — что ему надо? — и вот Бен в лифте, потом вставляет в дверь ключ, она открывается, там стоит Алекс.

— А, вот ты где... Я думал... — Алекс улыбался, но Бен понял, что ему не понравилось, когда Бен ушел. Затем Алекс спросил, хочет ли он пойти назад к отелю, где стоят столики, и Бен сказал, что да, хочет. Они сидели, ели сэндвичи, пили сок, смотрели на гуляющих людей с разным цветом кожи: черных, коричневых, светло-коричневых и белых. Много девушек, некоторые почти совсем без одежды. Они сидели и за столиками, иногда по две или по одной.

Бен не мог не смотреть на них с вождением. Он вспоминал Риту, как он ей нравился. Алекс велел ему быть осторожным, потому что у девушек обычно есть мужчины-защитники.

— Как Джонстон, — сказал Бен, добавляя Алексу очередную порцию информации о Джонстоне.

— Он брал у нее деньги? — поинтересовался Алекс.

— Она никогда не просила денег у меня, — ответил Бен. — Я ей нравился.

— Думаю, ты выяснишь, что эти девушки просят очень много.

Все шло хорошо, они сидели под зонтами, наблюдали за людьми, Алекс иногда здоровался с друзьями, потом он купил продуктов, и Бен помог отнести все это в их квартиру. Алекс начал готовить, Бен сказал, что может помочь, но он не умел — он думал о тостах и каше, всяких мелочах, которые делал для старушки, но вскоре понял, что здесь более сложные блюда. Бен сидел в гостиной, наслаждаясь ароматом специй и горячего мяса, а потом пришло много гостей, он смотрел, как все они целуются и обнимаются, прикасаются друг к другу; разговаривают, болтают, ярко сверкая зубами. Снаружи выключили свет. Эта ночь отличалась от ночей в Ницце: она была медленной, тягучей, иногда сильно пахло морем. Некоторых людей он уже видел вчера вечером, но каждому незнакомцу Алекс объяснял:

— Это Бен, мы вместе будем работать над фильмом.

А они говорили: «*como vai?*»,^[2] «здравствуй», «привет», все смотрели удивленно и с любопытством — Бен знал этот взгляд, — а потом старались не смотреть, или Бен чувствовал, что его пристально разглядывают, надеясь, что он не заметит. Принесли еду на блюдах, много еды, налили вино во все стаканы, и повсюду стояли бутылки вина. Было так шумно, гомон голосов, а Бен почти не понимал, о чем речь, даже когда общались на английском. Строили планы, и рассчитывали на него. Говорили, ели и пили допоздна.

В этой комнате, напоминавшей о старом доме, Бен спал некрепко и проснулся рано. Он не стал выходить на улицу, потому что боялся очередного мальчишки-убийцы, который может снова преследовать его. Поев фруктов, Бен встал у окна и стал смотреть наружу. Алекс проснулся поздно и в гостиную вышел вместе с Терезой: Бен и не заметил, что эта женщина вчера вечером пошла в спальню с Алексом.

Но она была дружелюбна, помогала, приготовила ему еду, дала соку, а когда он, молчаливый и печальный, уселся, она старалась найти с ним контакт на своем беглом, но плохо понятном английском.

— Что ты об этом думаешь, Бен?.. Ты этого хочешь, Бен?.. Что тебе принести? — Она ему очень нравилась, но Бен знал, что она принадлежит Алексу.

Так проходили дни, медленно, Бен много спал, от скуки. Вечерами приходило много людей, они шумели, смеялись, разговаривали между собой по-португальски, а с Алексом и Беном на малопонятном английском. Иногда они приносили еду, но не всегда. Бен сидел отдельно и наблюдал. Он пытался понять, почему же если все они

такие разные, им легко вместе, словно они не знают, насколько непохожи. У многих была гладкая смуглая кожа, темные глаза, они сильно отличались от бледного, худого Алекса, у которого были тонкие кости, светлые волосы, светло-голубая или белая одежда, брюки и рубашки. Над глазами щеточки светлых волос, но по лицу было понятно, что Алекс не так молод, как хочет казаться: под глазами у него были морщинки. Ему сорок, на пять лет больше, чем Бену по паспорту. К ним не приходили настоящие ровесники Бена, восемнадцатилетние. Хотя, это сложный вопрос: Бен знал, что не похож на *их* восемнадцатилетних: у него не такое молодое лицо. Но всегда, когда он размышлял о своем настоящем возрасте, он вспоминал слова старушки: «Ты молодец, Бен».

Тереза была молодой высокой женщиной, с большими грудью и задом, но тонкой талией, которую она подчеркивала, затягиваясь поясом. Черные распущенные волосы до плеч. Темные глаза. Тереза постоянно улыбалась, смеялась, у нее был нежный голос, от которого Бену становилось легче. Она обнимала Алекса, гостей, и Бена тоже. «Дорогой Бен», — часто говорила она, прижимаясь к нему, отчего ему хотелось того, чего нельзя было хотеть. Но больше никто до него не дотрагивался. Только Тереза перешагивала ту границу, которую все устанавливали между собой и Беном. Только Тереза брала его за руку, раскачивала ее, отпускала; сжимала его большие плечи со словами: «Вот это плечи, Бен, ну и плечи», или обнимала его за талию, пока разговаривала с кем-то.

Часто приходил человек по имени Пауло — он работал с Алексом раньше. Они писали сценарий к фильму про Бена, но не всегда у них в квартире. Они вдвоем могли сидеть какое-то время за столом в гостиной, разговаривать, не обращая на Бена внимания, а Тереза в это время убирала или готовила, или просто сидела на ручке кресла, болтала ногами, наблюдала за мужчинами или читала журналы; иногда она пела. Потом мужчины уходили, и Бен знал, что его присутствие мешает им работать или думать — он это чувствовал. Он знал, что сюжет постоянно меняется, так как Бразилия не похожа на север: теперь Бен знает, что он с севера. Пауло во всем отличался от Алекса — это был крупный мужчина с темной обрюзгшей плотью, большими карими глазами, темными волосами и короткими пухлыми руками с множеством колец. Бен понимал, что Пауло старается угодить Алексу: все старались. Все поворачивались к Алексу, смотрели на него; ждали, когда он выскажет свое мнение.

Иногда ужинать приходило человек пятнадцать-двадцать. Каждый день Алекс покупал много продуктов, а Тереза готовила. Бен слышал, что Тереза спорит с Алексом о том, стоит ли кормить столько людей — с некоторыми из них он даже не был знаком, они приходили, потому

что знали: будет что поесть. Алекс всегда говорил: «Конечно, заходи, садись, что будешь пить?»

— Ты говоришь как моя жена, Тереза, заткнись, — отвечал Алекс.

Когда он жил тут в прошлый раз, работая над пьесой, у него была похожая квартира, и все актеры со своими друзьями проводили свободное время с Алексом, и он всех кормил. С американцами такое случается — или, точнее, со всеми, у кого денег больше, чем у других, в основном, таких бедняков, как большинство гостей этой квартиры: актеров, танцоров, певцов, у кого-то из них есть работа, у кого-то нет. Алекс привык их кормить, часто даже искал предлоги, чтобы дать им денег — спрашивал у них совета, просил что-нибудь перевести, показать нужное место, сводить в музей.

Но денег на разработку проекта выделили не так уж много; когда Алекс жил тут в прошлый раз, работая над фильмом или пьесой, денег у него было больше. Тереза знала, сколько осталось, и что кончатся деньги быстро. А сценарий все еще не готов, хотя Пауло с Алексом трудились над ним каждый день.

Сюжет уже был, но не слишком разработанный. В красивой дикой местности в Бразилии, у подножия высоких гор проживает племя людей, похожих на Бена. Они питаются лесными фруктами и овощами, охотятся на дичь с помощью дубинок, лука и стрел, умеют пользоваться огнем — то есть в ходе фильма они увидят, как молния попадет в дерево, и загорится огонь.

Проблема в том, что кроме открытия огня почти ничего не происходило — просто показывались основы быта: пещеры, охота, спаривание, сбор растений. Бен все слышал и понимал, что это неправильно, но не знал, как и почему, его мнения и не спрашивали. Иногда Алекс и Пауло поднимали глаза, прекращая нервно изучать свои заметки, набросанные на листах бумаги: черновиков, планов, набросков скопилось уже много, и, не осознавая этого, начинали пристально смотреть на Бена, хмурясь, но его не видя.

Так, что же делать дальше? Может, в этот в целом безмятежный момент появится племя более развитых людей и... что? Две расы будут спариваться и образуют новую? Пришедшие могут истребить племя Бена, вместе с Беном, который геройски погибнет, защищая сородичей. Или будет лучше, если победит племя Бена, лишь отсрочив неизбежную гибель, потому что новые люди расселятся по всему материку. На их роли актеров подобрать не проблема. Можно использовать местных коренных индейцев. Хотя где? Надо съездить, выбрать места, переговорить с людьми из какого-нибудь дружелюбного племени, которые рады будут заработать немного денег: об этом вообще не стоит беспокоиться.

В том районе, который они выбрали по совету Пауло — холмы Мату-Гросу, — стояла ужасная погода: проливные дожди и наводнения. Ознакомительная поездка откладывалась на неделю, в это время шли разговоры о том, чтобы отвезти Бена в какой-то город на простом самолете, а дальше на небольшом чартерном. Алекс и Пауло не сомневались, что Бену надо лететь с ними. Он слышал, как эти двое разговаривают в соседней комнате, и болезненная злость, так и не отпускаявшая его, усилилась. Куда они собираются его везти? Опять придется покинуть знакомое место, сесть в самолет, потом еще раз. Другое место, а может, и другой язык.

Он спросил Терезу, когда его увезут, и она ответила, что скоро. Она пыталась убедить Алекса, что увозить Бена жестоко. Неужели он не понимает, насколько Бен несчастен?

Однажды поздним вечером, когда гости уже собирались уходить, из-за двери Бена послышалось ритмичное «бум-бум-бум». Они не заметили, что он тихо ушел, когда все обсуждали холмы и горы, куда собирались киношники. Тереза осторожно открыла дверь и увидела, что Бен сидит на корточках, опираясь на кулаки, и стучит головой в стену: «бум-бум-бум». Тереза закрыла дверь, вернулась и рассказала об увиденном.

— Дети так делают, — сказал Алекс. — Ребенок моего соседа так делал. Он стучал головой в стену, иногда по несколько часов. Доктор сказал, что это нормально, ничего плохого он себе не сделает.

Тереза проговорила:

— Он не хочет ехать. Ему страшно.

Все молча слушали: «бум-бум-бум».

— Он мозги себе повредит, — сказал кто-то.

— Нет, — ответил Алекс, — оставьте его, с ним все в порядке.

Гости ушли. Алекс с Терезой сидели, слушали. Было тревожно. Глаза Терезы наполнились слезами. У нее щемило сердце от этого звука. Стук не умолкал. Она снова пошла в комнату Бена. Тот стучал головой и хныкал, как маленький ребенок, Тереза обняла его, села рядом с ним на колени и сказала:

— Бен, милый Бен, бедный Бен, все хорошо, я с тобой.

Он громко вскрикнул от боли и злости и повернулся к ней, прижав волосатым лицом к обнаженной коже; Тереза чувствовала, будто обнимает ребенка, — по крайней мере, страдание было детское.

— Бен, все хорошо. Тебе не придется никуда ехать. Я обещаю.

Она сидела рядом с Беном на полу, обнимая его, пока он не перестал хныкать и не успокоился. Алекс, волнуясь за нее, заглянул, а потом ушел. Когда Бен утих, Тереза помогла ему встать и отвела в постель. Она вышла к Алексу, вызывающе посмотрела на него — ее глаза были полны слез — и сказала:

— Нельзя его увозить. Я ему пообещала. Нельзя этого делать.

— Ну, думаю, на самом деле он нам и не нужен.

В холмах, куда они собирались поехать, все еще шел дождь, и каждый вечер за столом собирались люди, ели, пили, спорили, смеялись, а из-за двери было слышно, как по стене, отделяющей гостиную от комнаты Бена, стучит его боль, его ярость.

Эта ярость угрожала вырваться криком, заполнить кулаки; Бен хотел бить, кусать и уничтожать — в основном Алекса. Бен не поверил Терезе, когда та сказала, что Алекс оставит его тут: он одурачит Терезу, так же как одурачил его, Бена, чтобы привезти сюда.

Этот стук был ужасен, он действовал на нервы тех, кто его слышал, его невозможно было игнорировать. Все старались, но разговор прерывался, и они начинали слушать. Алекс говорил:

— Не обращайтесь внимания, это ему не вредно. — И разговор возобновлялся, голоса становились громче, стараясь заглушить стук, но на всех лицах читалось волнение, раздражение, даже страх, и скоро все опять замолкали, держа в руках стаканы, забыв о еде. «Бум-бум-бум» по стене.

— Он повредит мозг, — пытался возразить Пауло, но Алекс повторял:

— Нет, дети так делают, это ничего не значит.

Но на самом деле этот ночной стук говорил Алексу о том, что видения, посетившего его в отеле Ниццы, недостаточно для того, чтобы сделать фильм, пройти все необходимые стадии, неизбежные трудности, кризисы, непредвиденные обстоятельства. Ему все еще надо выстроить сценарий или хотя бы детальный план, чтобы получить еще денег, которых хватит на создание фильма.

Алекс с Пауло все же решили лететь, хотя на холмах, ландшафт которых все сочли подходящим, все еще шел дождь. Они должны вылететь в понедельник, а в воскресенье после полудня в комнате для всеобщих застолий собралось много гостей. Киношники уедут по меньшей мере на неделю. В гостеприимной квартире останется Бен, и Тереза будет за ним присматривать.

Бен слышал разговоры, обсуждались приготовления, а он ходил по комнате, как по клетке. Вышел из комнаты, остановился и стал на них

смотреть. Но его не видели. Все были немного пьяны, любезничали друг с другом, шумели. Тереза обнимала Алекса, ее темные волосы спадали ему на шею. Бен направился к двери и вышел на улицу. Был ранний вечер, косо падал яркий свет, но не такой ослепительный, как в полдень. Бен не знал, что ему делать. Стал спускаться туда, где виднелось синее сверкающее море. Глаза за темными очками болели, но не сильно. Потом перед ним появился широкий белый пляж, там было много людей, они лежали или играли. В воде плескалось еще больше народу. На девушках было так мало одежды, что приходилось присматриваться: да, там, спереди, что-то есть, и еще небольшие кусочки ткани прикрывают соски. Злоба заполнила Бена энергией, залила потребностью делать больно, убивать. Он шел по верхней кромке пляжа, стараясь, чтобы солнечные блики не попадали в глаза, прислушивался к шуму волн, голосам, смеху — множество людей, умеющих быть вместе, все похожи друг на друга, хотя и разных цветов, размеров, форм, — никто не привлекал внимания своей странностью.

На этом пляже, как и на всех остальных пляжах Рио, орудовали банды воров, в основном — дети или подростки, и они нацелились на Бена, когда тот спустился по улице к морю. Они проделывали такой трюк. Парень, или даже мальчишка, подбегает к жертве и поливает его туфли каплями жира, возможно, тот или та этого даже не замечает сразу. Потом внезапно обнаруживают на ботинке или на обоих противный жирный потек. Бен издал яростный крик. Воришки, работающие в команде, бежали параллельно жертве, ждали, когда он заметит грязь, и в этот момент кто-нибудь из ребят подбегал и предлагал почистить обувь, назначая цену. У Бена не было с собой денег, но он все равно взбесился от ярости. Схватил ухмыляющегося парнишку, нагнувшегося к его ногам с тряпочкой, начал сдавливать его, при этом он — не парнишка, у того дыхание перехватило — яростно ревел и кричал. Сразу же собралась вся банда, чтобы спасти своего соратника, проходивший мимо наблюдатель — полицейский — тоже заметил происходящее и прибежал. Среди дерущихся полуголых мальчишек время от времени показывался Бен, его рука, нога, голова.

К месту происшествия, из-за которого замолкла часть пляжа, бежали Алекс с Терезой, а за ними их друзья. Тереза кричала полицейскому на португальском:

— Остановитесь, остановите их, он с нами!

Кто? Бена почти не было видно; из кучи нападавших слышались вопли и крики.

Полицейский начал бить по голове, руке, ноге — что показывалось, и вытащил одного мальчишку за волосы. Раздался вопль, извещающий о том, что здесь полицейский, и свора мальчишек сразу

же сорвалась и умчала прочь, у некоторых текла кровь, у одного, похоже, была сломана рука. Бен скрючился, защищая руками голову. С него сорвали почти всю одежду. Один из беглецов унес в руке его рубашку, измазанные туфли тоже исчезли. Тереза резко заспорила с полицейским, умоляя:

— Он с нами — с ним... — и показала на Алекса. — Мы снимаем фильм. Для телевидения. — Благодаря такой вдохновленной мольбе полицейский отошел на несколько шагов. Он уставился на Бена, на его волосатые плечи, заросшее лицо, где среди волос белел болезненный оскал.

Тереза обняла Бена; его огромная грудь вздымалась, он постанывал. Тереза знала, что это может перерасти в хныканье, которое, как она понимала, наверняка подействует на полицейского, с его лица исчезнет возмущение и удивление, появится жестокость.

— Идем, Бен, — сказала она, уводя его. Алекс шел по другую сторону Бена, но тот смотрел только на Терезу, его несчастное лицо, по которому струйкой текла кровь, умоляло ее о спасении.

Полицейский все стоял и смотрел, но позволил им уйти, и за ними тремя, Алексом, Беном и Терезой, последовали остальные.

Оставшиеся в квартире так и сидели за столом, наверняка не заметив, что Бен уходил, и некоторые пошли за ним. Они привыкли видеть Бена хорошо и аккуратно одетым, и то, что они увидели теперь, повергло их в шок.

Тереза отвела Бена в ванную и — как делала старушка — сняла, что осталось от его одежды, не смущаясь, нежно разговаривая с ним:

— Все хорошо, теперь ты в безопасности, не бойся, бедняжка Бен, постой под душем, вот так. — Тереза смыла грязь и песок, остановила кровь, текущую из царапины на лбу, положила его разорванные брюки в стиральную машину. Принесла чистую одежду, одела Бена — он позволил ей сделать все это, пассивно подчиняясь, поворачиваясь, когда она просила, поднимая руку или ногу.

Он был потрясен, еле дышал, сам бледный, взгляд мрачный и потерянный. Тереза села с Беном на кровать, укачивая его.

— Все хорошо, Бен. Я твой друг. Все хорошо, вот увидишь.

Эту ночь Тереза должна была провести в постели с Алексом, потому что он на следующий день уезжал, но она осталась с Беном, который лежал на кровати в одежде, но не спал. Тереза держала его за руку и что-то нежно говорила. Ее беспокоила его пассивность, равнодушие. За свою короткую жизнь, полную крайностей, эта молодая женщина

повидала всякое, и хорошо поняла, что у такого непонятного Бена кризис, происходят какие-то внутренние перемены.

Утром те двое уехали в аэропорт, оставив Терезу в квартире с Беном и выдав им достаточно денег на еду. Деньги Бена до сих пор были почти не тронуты.

И вот Бен вышел из комнаты и сделал то, чего раньше не делал: сел за огромный стол, а не на свой стул у стены, в стороне. Он сидел там и осматривал пустую комнату, наблюдал, как Тереза моет и убирает, и послушно съел то, что она приготовила.

Бен действительно изменился. После происшествия у моря, этой спланированной хитрости и нападения подростков, во время которого минуты на три Бен оказался беспомощен, несмотря на всю свою огромную силу — ребят было слишком много, они держали и прижимали Бена так, что тот не мог пошевелиться, — от осознания беспомощности на место ярости пришла печаль. Раньше Бен всегда знал, что в крайнем случае сможет прибегнуть к своей силе; у него была последняя защита, он не зависел полностью от чужой милости. А в этот раз оказался беспомощен против жестокости, озлобленности, намерения сделать ему больно.

Он спросил у Терезы:

— Когда я поеду домой?

Тереза знала, что Бен из Лондона и, наверное, он имел в виду это, но она осторожно сказала, что Алекс наверняка отвезет его домой.

— Я хочу домой, — ответил Бен, — я хочу домой сейчас.

Когда Тереза убрала и приготовила еду, она принесла Бену фруктовый сок и села рядом с ним, тоже держа в руке стакан. Бен надеялся, что она обнимет его за плечи, и ее темные волосы упадут на него, она так и сделала.

— Бедный Бен, — произнесла она. — Бедный Бен. Мне тебя жалко.

— Я хочу домой.

Тереза тоже хотела домой, но, как и Бен, не знала, где такое место, которое она могла бы назвать домом.

Вот ее история. Тереза родилась в бедной деревеньке на северо-востоке Бразилии, где сейчас от засухи гибнут животные, а поля заносит пылью. Она вспоминала сушь и голод, и то, как соседи уезжали на юг, в Рио, Сан-Пауло. Потом и их отец сказал, что надо ехать, что они все погибнут, если останутся: отец, мать и четверо

детей, Тереза старшая. Часть пути они проехали на автобусе, но потом встал выбор между автобусом и едой. Они много дней шли, питаясь хлебом и кукурузой, украденной с полей, которые, чем ближе к югу, становились все зеленее. Потом они оказались в полной людей фавеле около Рио, там на склоне холма один над другим строились дома, чем выше, тем лучше, потому что когда идет дождь, сточные воды текут вниз. На последние деньги они соорудили прибежище из листов пластика на палках, ниже стояли такие же лачуги или дома получше, между глубокими линиями, прорезанными эрозией. Денег не осталось. Отец, как и другие бедняки, пытался устроиться на работу, боролся за любое место и иногда находил что-то на пару дней. Они изголодались и отчаялись. Потом произошло такое, что Тереза не сразу поняла, хотя и знала, что девочки в фавелах зарабатывают своими телами. Ни отец, ни мать ничего не говорили, но на их лицах Тереза прочла, что она могла бы прокормить семью из шести человек. Тереза поговорила с девушками, которые уже зарабатывали деньги для своих семей. Они ошивались у барачников, куда по вечерам приходили солдаты, или ходили в кафе, где ужинали мелкие преступники. Большинство девушек принимали за данность то, что они низкого происхождения, отбросы общества, и ни на что надеяться не могут. Более высокое положение — это деньги на хорошее платье и туфли, а как только деньги попадали девушкам в руки, они уходили в семью. Тереза была умной и дальновидной девочкой, она не собиралась оставаться солдатской шлюхой. Сначала она пошла с одной девицей, посмотреть, как это делается, и с легкостью привлекла внимание солдата: он взял ее стоя у стены и дал ей достаточно реалов, чтобы прокормить семью пару дней. Тереза страшно боялась заразиться, боялась, что никогда из этого не выберется. Она ходила к солдатам, пока не скопила денег на платье и туфли, отдавая остальное матери. «Это все?» — спрашивала мать, забирая у дочери реалы: голос у нее был грубый, глаза стыдливые, и она все время ругалась на Терезу, хотя они дружили. Видя девиц, уходящих на закате, жители фавел отпускали едкие замечания, а когда те возвращались, их преследовали мужчины, пытаясь заставить удовлетворить их задаром.

Тереза была хорошей девочкой и ходила в церковь; священник и школьные учителя любили ее и говорили родителям, что их дочь — дар божий. Но некоторые начали кричать ей вдогонку обидные прозвища. Терезе было противно. Те недели, когда они шли с севера на юг, Тереза носила старые дырявые джинсы и майку отца. В этой одежде она по-прежнему ходила и тут, соблазняя клиентов, поэтому

не могла просить много. Вымыться было негде. Волосы запачкались. Она знала, что от нее плохо пахнет.

Пришлось заставить себя зайти в таком виде в магазин и купить платье. Она боялась, что ее просто вышвырнут. Тереза точно знала, чего хочет: она видела это платье на вешалке с улицы. Она зашла, держа в руке деньги, и сказала:

— Я хочу вот это. — Тереза знала, что примерить его нельзя, она ведь такая грязная. Продавщица взяла деньги и положила платье в пакет, холодно и недовольно глядя на Терезу. — Я хочу, чтобы оно полежало у вас — всего несколько дней, — попросила она.

Женщина не желала этого делать, но умоляющие глаза Терезы говорили достаточно красноречиво, чтобы заставить ее передумать. Она согласилась отложить пакет, но всего на неделю. Тереза понимала, что в фавелу платье брать нельзя: мать снимет его с нее и обменяет на еду. И Тереза втайне признавала, что мать была бы права. Она слишком хорошо знала, насколько больно видеть детей, которые просят поесть, а дать им нечего.

Тереза стояла у стены, в темноте и даже при свете дня, пока не накопила денег на туфли. Она забрала платье из магазина и надела его — это было красное платье с не сильно глубоким вырезом и узкой талией — и стала другим человеком. Тереза переодевалась в сквере за кустом. Надела изящные туфли на высоких каблуках: скоро она поймет, как сложно на них ходить. Теперь надо найти способ вымыться, а это требовало больше смелости, чем все, что она когда-либо делала. Тереза бесстыдно вошла в большой отель, в один из лучших, пошла дальше, словно она там живет. Сложнее всего было идти в этих туфлях так, чтобы все думали, что они ей привычны. Работники отеля в фойе обратили на нее внимание, но решили, что она идет в номер к кому-то из постояльцев. Тереза нашла туалет, больше в нем никого не было. Она подняла платье и тряпичей, которую принесла с собой, вымыла ноги и дальше до талии; потом спустила платье и вымыла подмышки и груди. Хотела украсть мыло, чтобы отдать семье, но гордость ее остановила: я не воровка, решила Тереза. Вошла женщина, едва взглянув на Терезу, прошла в кабинку, вышла, вымыла руки, стоя рядом с Терезой, которая тоже мыла руки.

Незваная гостья ушла. Грязными остались только волосы, предстоял самый большой риск. Пока Тереза мыла голову, ничего не было слышно, и ей сильно повезло, потому что едва она достала волосы из раковины и наклонилась назад, чтобы выжать воду, вошла женщина, пристально посмотрела на Терезу, но промолчала. Женщина ушла. Тереза расчесала влажные волосы. Она понимала, что теперь, чистая, в новом красном платье, в белых туфлях на

высоких каблуках, с гладкими и лоснящимися волосами, она выглядит не хуже других, вышла из отеля и села за столиком под солнцем, чтобы высохли волосы. Было позднее утро. Тереза не знала, как оценивать, что тут за люди, среди которых были в основном туристы, она узнавала только девушек, которые, как и она, тоже пришли из фавел. Девушки тоже хорошо выглядели. Если у симпатичной девушки из самых страшных трущоб есть красивое платье, туфли, и она в состоянии заплатить за напиток, она может сидеть за столиком у хорошего отеля, и никто слова не скажет. Разве что официант. Другие постояльцы могут и не догадаться, чего ждут эти девушки, но официанты все понимают.

Но когда один из них подошел, Тереза заказала апельсиновый сок и долго потом сидела в одиночестве. Она видела, как одна из девушек пошла с каким-то мужчиной в отель. В конце концов, и к ней подошел мужчина, сел за столик, надо было проявить смелость. Он был туристом и знал десять слов на португальском. Немец. Спросил сколько, Тереза назвала огромную сумму и ждала, что тот посмеется над ней: но она знала, что это роскошный отель, все постояльцы хорошо одеты, сыты. Мужчина сказал «да», согласился. Теперь сложный момент: он спросит, есть ли у нее комната? Но нет, он взял Терезу за руку, и они пошли по городу к отелю поменьше, там его никто не остановил, когда они шли к лифту. Тереза несла с собой в блестящем пакете из магазина свои старые вещи, которые неприятно пахли. Ей удалось оставить пакет в лифте, когда они выходили.

Тереза понравилась этому мужчине, и он попросил ее приходить каждый день — у него неделя. Это была большая удача, Тереза еще не осознавала, насколько большая. Возможно, дело не только в удаче. Тереза поняла, что она красива, когда посмотрела в высокое зеркало в комнате. Красива и хороша в постели. И этот мужчина не был ей неприятен. Не то что солдаты.

В конце недели, проведенной с немцем, Тереза за один раз принесла матери больше денег, чем когда-либо раньше. Но она отдала не все — девушку больше и больше беспокоила опасность того, что она носит под грудями пачки денег, привязанные лентой. Банки — не для таких, как она. У нее еще не было даже удостоверения личности, и она понимала, что, если ее схватят полицейские, начнутся серьезные проблемы. Тереза целый день простояла в очереди и получила удостоверение — кусок бумаги, на котором написано, что она Тереза Альвес. Она была разочарована: удостоверение не соответствовало ее представлению о себе. И не решало проблему с деньгами. Один лавочник хранил деньги клиентов за определенную плату, но Тереза ему не доверяла. Но все же пришлось, и она отдала ему половину своих денег.

Целую неделю Тереза не ходила к столикам у первого отеля, и прежде чем пойти, купила новое платье, зеленое, и впервые в жизни сходила к настоящему парикмахеру. Она была гораздо симпатичнее других женщин за столиками и сразу же подцепила нового клиента, грека. Около пары месяцев дела возле отеля шли хорошо. Семья была накормлена. Сбережения росли. Тереза размышляла, как бы перестать заниматься проституцией. Она меньше боялась заразиться, чем когда работала с солдатами, но все равно нервничала, хотя сходила к врачу, и тот сказал, что Тереза здорова — пока.

У шлюх много расходов. Тереза понимала, что ее траты по работе — одежда, дорогие напитки, косметика, парикмахер, плата горничной в отеле, чтобы та прятала ее хорошую одежду — выливаются в такую сумму, которую отец заработал за годы бедной фермерской жизни.

Был и еще один счастливый случай: Тереза знала, что удачлива. Один из клиентов, американец, работавший в театре, просил ее рассказывать о местных обычаях и нравах, брал ее с собой в путешествия, чтобы присмотреться к местности для съемок, просил переводить какие-то простые вещи — к этому времени Тереза выучила кое-что по-английски, не много, но достаточно, чтобы произвести впечатление, будто она знает гораздо больше. Так она стала известной в мире телевидения, кино, театра, и ей предложили работу. Тереза прекратила заниматься проституцией, хотя стала зарабатывать меньше денег, но при большем уважении. Каждые несколько дней Тереза возвращалась в фавелу; она сняла дешевую комнатку в Рио: наконец появилось место, где можно хранить деньги и одежду. Мать с горечью сказала, что скоро неблагодарная дочь уйдет, оставит их всех голодать. Но Тереза никогда бы так не сделала, и мать это знала. Они обе понимали, что мать злится потому, что ей стыдно. Тереза рассказала, что у нее хорошая работа, но родители не поверили, хотя сделали вид, чтобы спасти ее репутацию — а также свою, будто они существуют не на заработок шлюхи.

Их семья жила лучше, чем многие в фавеле. Отец построил маленький кирпичный домик с железной крышей, по которой стучал и гремел дождь. Две комнаты, в которых жили не шестеро, а трое: мать, отец и больная девочка. Двое мальчишек, один из которых родился после Терезы, ему было четырнадцать лет, и еще один, двенадцатилетний, вступили в банды пацанов, которые шатались по улицам, воровали, хватая, что попадется под руку. Если они и возвращались домой, то лишь затем, чтобы потребовать денег, а потом снова уйти. Когда Тереза видела группу уличных мальчишек, она пыталась разглядеть своих братьев, видела, как они пробегают мимо или ходят по тротуарам с пустыми глазами. Наркотики. Они их употребляли и продавали. Тереза ругалась на братьев, хотя знала,

что стоит бояться этих крутых и жестоких уличных ребят, способных убить за горсть реалов. Но она помогала их растить, еще недавно их кормила, поэтому ощущала, что у нее есть право ругаться. Она давала им деньги. Потом приходилось следить, не ошиваются ли поблизости какая-нибудь шайка, потому что потребовать денег могли не только братья.

Два года назад Алекс нанял Терезу, когда работал над пьесой, и они стали любовниками. С самого начала она была уверена, что делает ему одолжение, и не хотела, чтобы он считал это дополнением к ее трудовым обязанностям. Но Алекс особо не возражал, если вообще замечал это. Тереза ему нравилась, Алекс мог на нее положиться, он даже не догадывался о тех грязных дорогах, по которым она прошла, сначала, буквально, из далекой вырождающейся деревни, а потом, используя свое тело, как средство избежать нищеты. Он воспринимал все непосредственно, в Рио была очаровательная Тереза, и она определенно не лучше, чем он заслуживает. Алекс привык к хорошей жизни и либерально относился к деньгам.

— Я даю деньги матери, — рассказала Тереза, и он хорошо ей платил — больше, чем если бы матери не было.

Когда Тереза решалась подумать о своем положении, она впадала в панику. От нее полностью зависела мать, отец и больной ребенок. Девушка строила планы, как спасти братьев. Проблема в том, что комната в квартире неизвестной певицы, которая ее сдавала, чтобы прокормиться, была совсем крошечной, и Тереза не могла пригласить туда братьев. А если зарабатывать больше и снять что-нибудь попросторнее? — но она не была готова вернуться к проституции. Ответственность тяжелым грузом лежала на плечах. Ей было семнадцать, хотя она делала вид, что двадцать два, так же как притворялась, что знает английский лучше, чем на самом деле. Тереза часто вспоминала о своей деревне, хотя они жили бедно и трудно: по крайней мере, о ней заботились. Терезе очень хотелось, чтобы кто-нибудь защитил ее от опасностей окружающего мира. Ей были нужны сильные материнские руки, девушка это понимала.

Так вот Тереза сидела, подперев голову рукой, и размышляла о том, как она была ребенком, бегала в пыли, не имея понятия, что скоро ей придется нести этот груз, с ней рядом за столом горевал Бен:

— Хочу домой. — Иногда Тереза обнимала его:

— Бедняга Бен, — или: — Ты молодец, Бен. — Произнося эти слова, она себе напоминала, что этому бородатому мужчине по паспорту тридцать пять лет, хоть он и говорит, что восемнадцать. Люди относятся к нему так, словно он моложе, да и ведет он себя, как послушный ребенок, думала девушка. Люди ведут себя так, как к ним

относишься. Тереза изменилась по отношению к Бену — просила его, как взрослого, делать для нее всякие мелочи, бутерброд или кофе; ей казалось, что благодаря этому она заметила в нем перемену.

Бен не всегда сидел с ней. Дверь между его комнатой и гостиной обычно оставалась открытой, так что Тереза знала, чем Бен занимается. Обычно он лежал у себя на кровати или сидел, примеряя темные очки. После обеда его комнату заливало светом, и порой складывалось впечатление, что Бен находится в трепещущем водоеме. Ему казалось, что яркие лучи и иглы стараются залезть в глаза, наполнить голову блеском. Он примерял очки, пару за парой, и всегда останавливался на самых темных: Ричард купил ему еще две пары. Потом Бен пытался обходиться без очков, пока белый дневной жар полз по стене, рисуя блестящие узоры.

— Почему у меня глаза не такие? — яростно вопрошал он, адресуя вопрос чему-то, что можно назвать Судьбой, Роком. Бен вспоминал слова старушки и Терезы: «Бедняжка Бен», и в нем поднимались болезненные эмоции. Ну почему, почему, *почему* он так на них не похож?

Тем временем Алекс и Пауло находились далеко на холмах — они добрались туда на крошечном самолетике из города, до которого раз в день тоже летал самолет. Они хотели поехать на машине осмотреть холмы, но шел такой сильный дождь, что дороги размыло. Остановились в маленьком отеле или даже постоялом дворе — Пауло запомнил его с предыдущей разведки местности, когда туда ездил какой-то исследователь, антрополог или геолог. Там было четыре комнаты, темная веранда вокруг, на ней киношники работали над сценарием. Они много бродили по холмам, думая о Бене, — о Бене и его народце. Проблема в том, что Алекс все время мысленно возвращался к тому видению, которое посетило его в отеле Ниццы, пока оно было свежо в воображении, но сейчас он все чаще видел Бена таким, какой он есть — несчастное озлобленное создание, — к тому же они с Пауло подозревали, что Бен болен. Из-за Бена Алекс чувствовал себя виноватым, порой даже раскаивался в том, что привез его в Бразилию, вообще во всей задумке. Ничего не получалось. Когда все складывается, когда все идет хорошо, это происходит так: есть толчок, после которого все сходится и стыкуется, люди, события, даже случайно попавшаяся статья в журнале или книга помогают делу, и благодаря таким случайностям становится понятно, что ты в правильном потоке. Но этот проект, этот фильм скрипел и трещал по швам. Сколько раз они придумывали новый сценарий, какое-то время считали его подходящим, а потом начинали сомневаться и понимали, что это не так? Алекс к тому времени осознал, что раньше одного присутствия Бена было достаточно, чтобы дело двигалось вперед. Самого Бена. Но теперь творческое

воображение тормозилось и останавливалось, стоило лишь вспомнить это его «тук-тук, бум-бум» головой по стене. Мужчины шутили, что это похоже на стук в руднике: им были слышны звуки, доносившиеся из небольшой шахты рядом с гостиницей. С помощью шутки режиссеры пытались вернуть Бена в реальный мир, надеясь, что так они смогут что-нибудь придумать.

Они не только много бродили по холмам и небольшим горам, но еще и посетили племя индейцев, и там родилась идея — сначала подспудно, а потом она стала явной: Бена из фильма надо убрать.

На третьем, четырехместном, самолете режиссеры полетели через леса и реки, сели в тропическом лесу, люди там дружелюбием не отличались, зато заинтересовались привезенными вещами... Это Пауло посоветовал. Два маленьких радиоприемника с большим запасом батареек, упакованные в прочные пластиковые пакеты, чтобы защитить от горячего влажного воздуха, консервы, одежда, ножи. Переговоры вел Пауло: он знал несколько слов на местном языке; Алекс молчал, но все старательно разглядывал. Что за лица! Что за тела! *Какие* красивые люди, ведущие простую жизнь на берегу реки. Именно такие люди в начальной версии сценария вторглись на территорию племени Бена, а потом... но они с Пауло так и не смогли решить, что потом.

Много симпатичных девушек, одна была особенно красива — самое нежное и прекрасное создание, которое Алексу доводилось видеть. Как им сказали, ей было лет четырнадцать, и скоро она должна выйти замуж. Племя было не против принять участие в съемках, но они наложили некоторые ограничения: одно заключалось в том, что никого из подростков нельзя увозить отсюда к соблазнам города — под ним эти люди подразумевали городишко, до которого час лететь на самолете, его киношники с трудом нашли на карте.

Та девушка... Оба мужчины думали о ней; они признались, что она полностью завладела их мыслями. Они вернулись к себе на веранду гостиницы, которую содержала пожилая пара — они каждое утро спрашивали, что гости будут есть, но всегда подавали курицу с рисом и бобами, много специй, и снова курицу. Режиссеры пили пиво, которое охлаждалось в холодильнике, работающем от батареек, потому что подача электричества там была непредсказуема, его часто отключали. Они отбросили все ранние версии сценария и начали работу заново: отправной точкой стало племя и девушка. Неверно говорить, что от типажа Бена совсем отказались. Сначала девушку заставили выйти замуж за дикого человека с холмов, который нашел золото и хотел на него купить жену, в этом человеке оставалось кое-что от Бена, как его понимал Алекс — в основном грубая глупость. Потом ухажер утратил свою грубость, но у него появилось увечье —

хромота, а девушка лечила его — можно сказать, сущность Бена свелась к больной ноге. В конце должен был сниматься фильм, который получился достаточно удачным. Девушка стала телезвездой, ее каждый день показывали по телеканалам Рио. Это в своем роде счастливый конец, уж девушка точно так считала, по крайней мере, в начале своей карьеры: с возрастом она утратила эту уверенность.

Между тем Алекс позвонил Терезе — пришлось лететь в другой город, чтобы добраться до работающего телефона. Алекс сказал, что проведет на холмах еще примерно неделю. Жить там очень дешево, и они хотели бы еще раз посмотреть на выбранное племя. Не могла бы Тереза остаться в квартире, присмотреть за Беном и подготовить его к тому, что он не будет сниматься.

Тереза не скрывала своего возмущения. К Бену нельзя так относиться — подобрать и бросить. В то же время она обрадовалась, но скрыла это чувство: Тереза понимала, что Бену будет только хуже от съемок, в смысле, если бы он был способен сниматься. Она холодно обговорила время и условия. Деньги кончались. Ну, сказал Алекс, можно использовать деньги Бена, он потом вернет. А как Бен?

— Он в порядке, — сообщила Тереза, ничего не рассказывая, — она не собиралась ничего рассказывать. — В порядке.

— Отлично, — ответил Алекс.

— Сказать ему, что ты скоро отвезешь его домой?

— Да, да, я говорил ему, что отвезу. Но я подумал, Тереза. Если ему нравится в Рио, он может остаться. Что скажешь?

— Он хочет домой, — ответила Тереза со слезами в голосе.

— Ладно, ладно, хорошо. Скажи ему, что мы скоро вернемся.

Тереза рассказала Бену, что снимать в кино его не будут, потому что знала, что его это обрадует, но не сказала, что Алекс скоро вернется, так как понимала, что Бен его боится.

Прошло две недели, пошла третья. Бытовые заботы. Утром Тереза вышла купить хлеба, сварила себе кофе, налила Бену фруктового сока. Она пыталась заставить его есть побольше, но Бен потерял аппетит, похудел, плохо выглядел. Тереза любила бывать на пляже, но Бен ходить туда не мог, а надолго оставлять его одного было нельзя. Тереза гуляла с Беном, но они ходили не к тому отелю, откуда эта девушка сделала шаг из абсолютной бедности, а к другому. Бен носил темные очки, низко натягивая на глаза панаму, которую ему купила Тереза. Они сидели за столиками часа по два, пили сок, смотрели на людей. Терезе было интересно, как Бен реагирует:

иногда казалось, что он весь сжимается, а в бороде появляется белая щель оскала.

— Что случилось, Бен?

— Он плохой, — рассказывал он. — Он делает мне больно.

— Но я же с тобой, Бен.

Она старалась рассмотреть, что в этом с виду безвредном человеке пугало Бена, но ничего не замечала. Могла появиться и довольная полуулыбка, и Тереза видела другого, такого же ничем не угрожающего человека — обычно женщину.

— Бен, надо быть осторожным, когда улыбаешься девушкам.

— Она мне нравится, — иногда говорил он. А однажды: — Кажется, я ей нравлюсь?

После таких экскурсий Тереза чувствовала себя так, будто пережила множество опасностей; она рада была вернуться домой, приготовить бифштекс, чтобы порадовать Бена, и бутерброд для себя. В долгие жаркие часы после обеда они бездельничали, иногда заходили ее друзья, по одному или по двое, но по вечерам было не так, как при Пауло и Алексе; теперь люди приносили бутылочку вина, мясо для жарки или фрукты — это место больше не могло быть гостеприимным рогом изобилия, потому что у Терезы не хватало на это денег, средства же Бена она не хотела тратить больше, чем нужно. А Бен не уходил в свою спальню, он оставался, даже сидел со всеми за столом. Он не принимал участия в беседе, потому что плохо понимал ее смысл, но старался его постичь, как мог, — и это удавалось ему лучше, чем Тереза и остальные могли представить. Гости много смеялись, но зачастую он гадал, что их так забавляет: Бена это скорее пугало. Все чаще Бен вспоминал старуху, ее заботу, доброту; он даже о кошке думал, как о потерянном товарище. Бен знал, что Эллен Биггс умерла, но это не мешало ему думать о ней как о человеке, который бы обрадовался, увидев его в дверях.

Люди, приходившие к Терезе, были не такого высокого ранга, как гости Алекса. Никаких режиссеров и сценаристов, никаких известных актеров и танцоров. Мелкие сошки, имеющие смутное отношение к театру и телевидению, рабочие сцены, девушки по связям с общественностью, переводчик, с которым Тереза подружилась, чтобы получше выучить английский. Гримерша, научившая Терезу всему, что знала сама; а у певца из клуба, куда часто ходили моряки, она научилась играть на гитаре и подхватила несколько песен. Никаких девушек из фавелы, никого, кто мог бы вспомнить, кем Тереза была еще не так давно. Среди гостей была молодая женщина, которую Тереза втайне считала своей удачей. Ее звали Инес, она была из

хорошей семьи: ее отец был профессором университета, а сама девушка работала ассистентом в научной лаборатории. Тереза познакомилась с ней во время съемок короткого телефильма о генах и наследственности — о всяком таком: к отцу Инес обратились за информацией. Инес привлекал театр, как он привлекает тех, чья жизнь предопределена с самого рождения. Она считала, что обречена на предсказуемость.

Тереза восхищалась этой умной молодой женщиной, настолько образованной, что ее слова всегда удивляли Терезу возможностями, которых она и представить не могла. А Инес была очарована Терезой. В отличие от Алекса, который никак не отреагировал, когда Тереза рассказала ему, что ей пришлось пройти пешком несколько сотен миль, чтобы попасть в Рио, Инес хорошо понимала, от чего бежала Тереза. Она летала над обезвоженными регионами, где облака пыли стоят так высоко в воздухе, что сквозь них сверху почти не видно высохшей реки и домов, по самые крыши засыпанные песком. Она знала о фавелах. История Терезы вызывала в ней жалость, любопытство и нелегкие угрызения совести. В Рио бедность невозможно не заметить, она всегда рядом, преследует тебя на каждом шагу — это бездомные дети, бродяги, спящие на улицах, похожие на кучи выброшенной старой одежды, они собираются у фонтанов, словно стаи птиц, щебечут и кричат, потом пьют, словно птицы, и постоянно следят, не идут ли полицейские, боясь, что их могут посадить в тюрьму или даже убить

Когда Инес узнала, что у Терезы в фавеле семья, она спросила, можно ли туда съездить; Инес всегда хотела попасть в фавелу, но боялась, а с Терезой она будет в безопасности. Сначала Тереза отказалась, испугавшись, что умная утонченная подруга начнет ее презирать, но потом согласилась. У нее были свои причины. Тереза велела Инес надеть туфли, которые невозможно испортить, а сама надела джинсы, белую майку и туфли без каблуков. Женщины доехали на такси до места, откуда виднелась раскинувшаяся на склоне холма фавела, с трудом поднялись до самого верха по грязным дорожкам мимо лачуг и хижин. Отец спал на кровати, сооруженной из пластмассовых реек, привязанных к деревянному каркасу — все это нашли на свалке, — а мать сидела под маленьким навесом из мешков, натянутых на длинные палки, и держала на коленях больную девочку.

Когда мать увидела дочь, которая, не взглянув на нее, вручила конверт с деньгами, лицо ее не смягчилось. Она холодно поприветствовала Инес, но Тереза поняла, что та произвела на ее мать впечатление, потому что никто бы не принял эту девушку за проститутку, она казалась намного выше. Мать ничего им не

предложила, Тереза прошла мимо спящего отца к полке, где в пластиковой бутылке стояла вода, налила по стакану себе и Инес; но присесть было некуда. Тереза заметила, что Инес не хотела пить из этого стакана — конечно, она боялась заразиться. Девушки стояли, мать сидела, обмахивая спящего ребенка, тупо глядя на крыши разбросанных лачуг. Потом она все же сдалась и спросила Инес, чем она занимается; Инес ответила, что работает в лаборатории. Сердитая женщина, не желающая улыбаться, все-таки положила ребенка и вынесла две табуретки, предложила одну Инес, другую Терезе. Потом спросила, где Инес и Тереза познакомились — в слове «Тереза» слышалось горькое обвинение, — и Инес ответила, что во время работы над телефильмом. Тереза хотела, чтобы разговор вышел на это, так и случилось: ее мать заметно смягчилась, на нее это произвело впечатление, и теперь, когда она смотрела на Терезу, хотя все время старалась не замечать свое униженное дитя, словно той не существовало, ее глаза наполнились слезами. Прощаясь, она обняла Терезу, чего не делала уже года два, расплакалась, Тереза тоже, и мать продолжала лить слезы, когда эти две симпатичные аккуратные девушки неловко спускались вниз по крутой тропинке к подножию холма.

Этот визит произвел на Инес сильное впечатление. Когда они с Терезой вернулись в квартиру, она тоже расплакалась, а Бен смотрел на них. Инес сказала, что сильно восхищается Терезой, ей так невыносимо тяжело думать обо всех этих людях, что Тереза очень умная, если смогла все это пережить. Инес говорила вполне искренне, и Тереза это знала, но в то же время думала: «Мне тоже стоит тебя поблагодарить за то, чего ты никогда не поймешь». Инес ведь не знала, что Тереза когда-то была проституткой; а если бы знала, то, наверное, восхищалась бы Терезой и невзлюбила бы свою спокойную жизнь еще больше.

Следующий поворот событий не удивил бы Джонстона и Риту. Инес работала с биологом, другом родителей, который заведовал отделением лаборатории. Она рассказала ему о Бене, описав его как йети. «В любом случае нечто похожее» — но никто не мог понять, кто он на самом деле.

— Он — какой-то атавизм, — сказала она, — по крайней мере, я так думаю. Вы должны на него взглянуть.

Инес сказала Терезе, что ее боссу — так она это объяснила, тактично не сказав, что знала этого «босса» всю свою жизнь, и он дружил с ее родителями, — было бы интересно встретиться с Беном. Тереза сразу же насторожилась. Ей стало страшно. Но она отмела эту мгновенную, искреннюю и правильную реакцию из-за того трепета, который ей внушали слова «ученый» и «наука»: Тереза ничего обо

всем этом не знала, ее образование ограничивалось чтением, письмом и арифметикой, а также многочисленными религиозными лекциями. Тереза понимала, что она невежда, но не осознавала, насколько: образование Инес она воспринимала как чудо, что-то далекое и недостижимое, и восхищалась тем, что Инес считает ученых своими коллегами, подобно тому, как сама Тереза знает с девушками из баров и актрисами, которые в основном сидят без работы, и с певицами, готовыми выступить в клубах за ужин и, возможно, несколько реалов. Инес очаровала ее тем, что работала в лаборатории и знала секреты современного мира. Тереза спросила, что этот ученый будет делать с Беном, и Инес ответила:

— Просто взглянет. — Инес знала, что лукавит, но ее образование учило, что правда, научная правда, важнее всего остального: можно сказать, в ее образовании было столько же религии, сколько и в образовании Терезы. Инес достаточно хорошо понимала, что «взглядом» дело не кончится, но ощущала себя сильной и полезной, оттого что приведет это существо, очевидно представляющее собой какую-то научную загадку, человеку, который сможет ее разгадать. Этого она Терезе не сказала, и та понимала, что ее обманывают и что спокойное улыбающееся лицо Инес неожиданно превратилось в лицо врага. В этот момент умерла их дружба.

Тереза настаивала на том, что встреча должна пройти так, чтобы Бен не испугался: договорились, что в следующее воскресенье соберутся Инес, ее «босс» и несколько друзей, которых Бен знает. Ему не сказали, что придет кто-то особенный. Тем временем Терезой овладело беспокойство, хотя она убеждала себя в том, что ситуация не может выйти из-под контроля: разве она не поставила определенные условия, разве Инес не пообещала их выполнять?

В воскресный полдень Тереза и ее друзья вместе с Беном уже сидели за столом, когда пришла Инес с Луисом Мачадо: это был приятный вежливый мужчина лет сорока, он улыбался, чтобы никто не забеспокоился. Он заведовал отделением института, занимающимся тропическими растениями, одним из множества подобных отделений, а поскольку Бен не входил в его компетенцию, всплывало еще одно отделение — оно называлось «страшное место», и для его главы Бен оказался бы находкой. Хотя Луис Мачадо старался никого не пугать, было очевидно, что ему в этой компании нелегко. Он ругал Инес за то, что она дружит с Терезой, а также за поездку в фавелу: ее могли убить или похитить, говорил он; и если она хочет найти себе хорошего мужа (он-то знал, что хочет), ей стоит быть осторожной: та простая жизнь, которая так нравилась Инес, оттолкнет разборчивого поклонника.

Улыбающиеся карие глаза Луиса излучали благожелательность к собравшимся за столом, а потом он сосредоточился на Бене, долго и пристально его изучал. Казалось, когда Бен взглянул в ответ, его глаза потемнели, а взгляд начал метаться по комнате. Бен выглядел наилучшим образом: Тереза сводила его подстричь волосы и бороду, на нем была хорошая рубашка, сшитая на заказ, он улыбался той широкой испуганной улыбкой, которую люди неправильно понимали. Ученый протянул руку, чтобы поприветствовать Бена, но тот оскалился.

Луис сел рядом с Инес. Одна Тереза знала, зачем он пришел: Инес была известна всем, хотя бы по имени, как богатая девушка, которая помогает театру деньгами. Разговор возобновился, принесли еду и вино. Бен сидел молча, то рассматривал Луиса, то искал способ сбежать. А Луис, сама любезность, больше не смотрел на Бена так, как в первый раз, но часто бросал на него взгляды, и каждый раз замечал все больше. Бен не ел. Тереза боялась, что он уйдет в другую комнату, и они услышат «бум-бум-бум». Инес много улыбалась, и когда она смотрела на Терезу или говорила с ней, то всем своим видом просила прощения, хотя и не осознавала этого. Эта обычно сдержанная спокойная девушка просто воплощала муки совести, и Терезе было неудобно. Непростая встреча. Вскоре Луис сказал, что ему надо вернуться в лабораторию — да, ему надо кое-что проверить, воскресенье или нет, эксперименты не зависят от календаря. Он поднялся, и, подчиняясь его взгляду, Инес, которая собиралась остаться, тоже встала. После непродолжительных суетных прощаний и благодарностей две важные персоны ушли.

Гости расслабились, вечеринка снова стала веселой и радостной. Но Бен ушел из комнаты, сел у окна, надев темные очки: послеобеденное солнце заливало небо светом и высекало белый огонь из крыльев морских птиц.

Когда звуки вечеринки смолкли, он вернулся в гостиную и увидел, что Тереза все еще сидит за столом и плачет. Она попала в ловушку и не знала, что делать.

— Когда я смогу поехать домой? — спросил Бен. — Когда Алекс отвезет меня домой?

Тереза перестала плакать, так как Бен упомянул Алекса: обычно он этого не делал. Значит, Бен по-настоящему испугался.

Она не ответила.

— Кто этот человек?

— Это очень умный человек.

— Что он собирается со мной делать?

Такая резкость обострила дурные предчувствия Терезы. Она признала его правоту, сказав:

— Я не знаю, Бен, но он тебя не обидит.

— Он мне не нравится.

Терезе он тоже не нравился. В ее общении с Инес, несмотря на различия в образе жизни, была та природная легкость, которую женщины часто чувствуют в обществе друг друга, но с Луисом ничего подобного не было: его дружелюбность, улыбка, не сходящая с симпатичного лица, настораживали Терезу.

На следующий день позвонил Луис, и Тереза сказала ему:

— Мне это не нравится, я не хочу этого делать.

Потом с ней стала разговаривать Инес, Тереза ответила:

— Нет, Инес, я говорю, нет. — Бен был в комнате, и она сдерживалась. В конце концов Тереза согласилась на то, что один человек, Альфредо, друг Луиса и Инес, придет поговорить с ней — с ней и с Беном. Девушка положила трубку и заметила перед собой широкий оскал Бена.

— Бен, они хотят, чтобы ты кое-что сделал. Тебе это не повредит. — Бен продолжал скалиться, его взгляд блуждал. — Немного. И я буду делать то же самое.

— Что именно?

— Они хотят, чтобы ты сдал анализы. — Ей пришлось рассказать, что она знала об анализах, а это было не так много. — Они хотят взять у тебя немного крови, чтобы кое-что выяснить.

— Почему я так от всех отличаюсь?

— Да. Именно так, Бен.

— Я не хочу.

Позже, вечером того же дня, в дверь позвонили: этот Альфредо должен был приехать с исследовательской станции, которая находилась далеко в горах. Тереза заметила, что Бен дрожит, и сказала:

— Все в порядке, Бен. Не бойся.

Когда открылась дверь, выяснилось, что Альфредо — не такой уж важный человек, он больше похож на Терезу: крупный, смуглый мужчина, у него такие же темные глаза и волосы; едва увидев друг друга, они заговорили на диалекте той местности, где оба родились.

Но Альфредо совершил это опасное путешествие десять лет назад: он был старше Терезы. Он тоже приехал в фавелу, выбрался оттуда, выполнял различную работу, всегда совершенствуясь, используя свой ум и удачу, без которой никакой успех не возможен даже у смелых и изобретательных, и в результате оказался так далеко от своего первоначального места, что и представить не мог: стал ассистентом в лаборатории. Так его называли, но по сути Альфредо был обычным трудягой. Он возил туда-сюда людей, мыл оборудование, оттирал столы, помогал готовить образцы и, как и Тереза, выучил английский — но гораздо лучше, чем она.

Тереза сразу же поняла, что послать Альфредо — это отличный тактический ход: они весьма хитры. Не только она, Тереза, должна успокоиться, увидев своего человека, но еще возможно, этот дружелюбный парень понравится Бену и вызовет у него доверие. Бен сидел с ними за столом, пытаясь понять, о чем они говорят, — они очень оживленно беседовали о детстве, о превратностях судьбы, бегстве из фавелы. Он не понимал, поэтому изучал все глазами. Бен знал, что этот человек не замышляет против него зла, и поскольку он очень понравился Терезе, он понравился и Бену. Но в конце разговора Тереза сказала:

— Бен, они хотят, чтобы мы с тобой приехали и сдали анализы. Я тоже буду их сдавать — сначала я, а потом ты. Ты увидишь, что это не больно, и перестанешь волноваться.

— Я не хочу, — ответил Бен.

Пока они вели свою ностальгическую беседу, Альфредо наблюдал за Беном, а теперь сказал:

— Они хотят узнать кое-что о таких людях, как ты.

— У меня нет никого. Я не похож на свою семью — дома. Они все не такие, как я. Я никогда не видел таких, как я.

— Я видел таких людей, как ты, — сообщил Альфредо.

Бен так отреагировал, что Альфредо ничего не смог добавить, слова просто ушли. Бен наклонился вперед, глаза его переполнились благодарностью, слезы покатались в бороду, он прижимал друг к другу свои огромные кулаки: казалось, что внутри него зажегся огонь радости:

— Как я? Люди, как я?

— Да, — ответил Альфредо — он знал, что надо продолжать говорить, но не мог разрушить это счастье прямо тут, на своих глазах. Бен начал как-то прерывисто задыхаться, но сейчас слезы лились не из-за тяжести на сердце, а потому, что он не мог вынести такого

счастья; Бен встал и начал танцевать по комнате, притопывая, потягивая и вскрикивая, и оба наблюдателя понимали, что это означает: тоска длиною в жизнь начинает развеиваться.

Между тем, Тереза смотрела на Альфредо вопросительно: она знала, тому есть что добавить, но одновременно понимала, что он тоже ошеломлен тем, что увидел, и не может говорить.

— Люди, как я, — напевал Бен, — как я, люди, как Бен. — Он прервал свой танец и спросил: — Прямо как я?

— Да, прямо как ты.

— Ты меня к ним отведешь?

Настал момент, когда Альфредо должен сказать правду, которая положит конец радости Бена. Но он просто не мог этого сделать. Что касается Терезы, она размышляла о том, что и не догадывалась, насколько тяжелый груз носил Бен на сердце, хотя знала, что он несчастен, и волновалась за него. Такое ликование, такой восторг — это была реакция на что-то такое, чего она и представить не могла. Все потому, что Тереза не испытала ничего подобного. Она познала несчастье, познала страх, но что чувствовал Бен все это время?

анец Бена продолжался — так шумно, что Тереза беспокоилась о соседях снизу: но их, похоже, не было дома. Потом Бен вернулся за стол, сел и сказал Альфредо:

— Ты отведешь меня завтра?

— Это далеко, Бен, — ответил Альфредо. — Далеко отсюда. В горах, очень далеко.

— Сначала мы должны поехать и сдать анализы, ты и я, — добавила Тереза.

— Нет, не надо, — ответил Бен.

— Надо, — сказала Тереза.

— Надо, — сказал Альфредо.

И когда Бен понял, что встреча со своими все-таки зависит от того, согласится ли он сдать анализы, это стало казаться ему небольшим испытанием, которое придется пережить, прежде чем Альфредо отвезет его в горы, и Бен согласился на следующий день пойти с Альфредо и Терезой: Альфредо приедет и заберет их.

Он не спал, и Тереза лежала у себя на кровати, иногда плакала, переживала, еще думала об Альфредо, понимала, что этот человек ей подходит. И она ему понравилась. Если бы не эта проблема с Беном,

можно было бы провести эту ночь, мечтая об Альфредо. Но эти анализы ее пугали.

Тереза знала только, что будут брать кровь. Ей не нравилось, как это звучит, но она знала, что так делают постоянно. Будут делать уколы, Тереза их боялась. Современная медицина ее не коснулась — за исключением тех случаев, когда она ходила к врачу проверяться на венерические заболевания, эту пытку ей не хотелось повторять. В то же время Инес говорила об анализах и уколах так, будто ей и в голову не приходило, что кто-то может этого бояться.

А еще Тереза думала о Бене, который не мог заснуть, оттого что его переполняла радость.

Перед тем, как Альфредо ушел, Терезе удалось шепотом спросить, когда Бен находился достаточно далеко:

— Ты правда видел людей, как Бен?

— На рисунках, — признался Альфредо. — Я нашел их в горах, когда работал в шахте. Наскальные рисунки — их сделали древние люди. Понимаешь, как рисунки на скалах на родине. Только намного лучше, чем там. Не такие потрескавшиеся, неиспорченные.

Тереза понимала, почему Альфредо не смог сказать Бене правду. Она сама должна ему объяснить, но не могла. Казалось, что это его счастье заполняет комнаты, Тереза чувствовала, как оно ее окружает. Она слышала, как Бен мычит, вздыхает, порывается, когда встала и пошла на кухню налить себе воды. Его радость была настолько велика, что выходила из него с этими звуками, которые заставили Терезу улыбнуться, хоть она и нервничала насчет завтрашнего дня.

На следующее утро, когда пришел Альфредо, Бен был уже одет и причесан, он сидел за столом и смотрел на дверь. Сначала предстоит поездка на машине, но он к этому готов.

Когда ехали вдоль набережной, Бен прятал глаза от блеска волн, потом они выехали из города и поехали дальше через поля, где паслись коровы, наполовину скрытые сочной травой, к горам впереди. Бен сидел, вцепившись в край окна, — оно было опущено, чтобы Бен мог дышать, но даже несмотря на это его тошнило, и Альфредо остановил машину, и Бен смог выйти. Тереза тоже вышла. Бена вырвало, потом он встал у края дороги и смотрел на горы: он думал, как бы убежать, но вспомнил, что Альфредо пообещал... и вернулся в машину, которая вскоре уже ехала по извилистой дороге. Бен вцепился в руку Терезы, ему было очень плохо, но она сказала:

— Смотри, Бен, смотри. — Он открыл глаза и сразу же издал испуганный стон — над ними находились три человека, они летели

вниз под чем-то большим и разноцветным, похожим на квадратные крылья.

— Что это, что они делают?

Альфредо объяснил, что все нормально, это всего лишь парашюты:

— Понимаешь, Бен, они похожи на зонтики и помогают людям опускаться медленно.

Все трое вышли из машины и стоя смотрели вверх, вверх, вверх, пока люди в небе пролетали мимо, нацеливаясь на посадочную площадку, скрытую изгибом дороги. Бен смотрел, раскрыв рот.

— А мы так могли бы? — спросил он.

— Да, могли бы, — ответил Альфредо, хорошо понимая, что и Бен, и Тереза могут быть подавлены богатыми умными людьми, способными летать в воздухе под зонтами, легко и свободно, потому что их жизни всегда в безопасности. — Мы могли бы, если бы у нас были деньги.

— Деньги, — сказал Бен. — Где мои деньги?

— Они в сейфе в квартире, — ответила Тереза. Там не так-то много осталось, но она была уверена: что бы Алекс ни делал, он точно вернет все, что она потратила.

— Тебе хотелось бы попробовать? — спросил Альфредо — ему было по-настоящему любопытно, что Бен думает о людях в небе, скрывшихся за холмом, пока на них смотрели.

Бен молчал, присматривался — им было неизвестно, что он думает.

Снова сели в машину и поехали дальше по горам. Очень красивые, думала Тереза, и радовалась тому, что она их увидела, но Бен сидел, закрыв глаза. Пришлось снова остановиться, чтобы его вырвало.

Доехали до места, которое им описывали как «институт» — они представляли себе отдельное здание, но то, что они увидели, больше походило на город: множество низких строений, разбросанных вокруг, среди них были и более высокие внушительные здания, на одном из которых большими черными буквами написано: «Больница». Но по всему миру распространилась сеть больниц, аптек, лабораторий, исследовательских институтов, наблюдательных станций, функции которых достаточно перепутаны и расплывчаты. Бен и Тереза все еще искали глазами «институт», когда машина остановилась у здания, ничем не отличавшегося от десятков других. Альфредо открыл перед ними дверцы. Выглядел он нервно и испуганно. Потому что ему запретили приближаться к отдельной группе зданий, и даже говорить о них Терезе или Бену. Все, кто работал в этих зданиях, стыдились того, что там происходит, — ну, если не стыдились, то занимали

оборонительную позицию, хотя их работа относилась к совершенно различным областям. К этому времени Альфредо уже не просто интересовался Беном — должно быть, все им интересовались, — он испытывал к Бену жалость, а также чувствовал себя виноватым, потому что он, не подумав, рассказывал Бену о тех наскальных рисунках, о том, что видел похожих на него людей, и результат получился очень плохим, он даже не решался оценить, насколько. В какой-то момент придется рассказать Бену правду, и слово «разочарование» слишком слабо, чтобы описать, каково ему станет. В то же время его волновала и более неотложная проблема: что эти люди — Альфредо не очень нравились его работодатели — задумали насчет Бена? Их предупреждение о том, что Бен ничего не должен узнать о «страшном месте» — о «Клетках», как его почти все называли, — означало, что ему собирались причинить вред. Единственное, что его утешало в этой ситуации — присутствие Терезы, и когда он говорил ей, что анализы — это не так страшно, то старался подбодрить ее улыбкой, но эта улыбка говорила намного больше. Бена и Терезу провели в большую комнату, где стояла аппаратура, а Альфредо припарковал машину; он надеялся вернуться к Терезе, но ему дали другие задания.

Когда ехали вдоль набережной, Бен прятал глаза от блеска волн, потом они выехали из города и поехали дальше через поля, где паслись коровы, наполовину скрытые сочной травой, к горам впереди. Бен сидел, вцепившись в край окна, — оно было опущено, чтобы Бен мог дышать, но даже несмотря на это его тошнило, и Альфредо остановил машину, и Бен смог выйти. Тереза тоже вышла. Бена вырвало, потом он встал у края дороги и смотрел на горы: он думал, как бы убежать, но вспомнил, что Альфредо пообещал... и вернулся в машину, которая вскоре уже ехала по извилистой дороге. Бен вцепился в руку Терезы, ему было очень плохо, но она сказала:

— Смотри, Бен, смотри. — Он открыл глаза и сразу же издал испуганный стон — над ними находились три человека, они летели вниз под чем-то большим и разноцветным, похожим на квадратные крылья.

— Что это, что они делают?

Альфредо объяснил, что все нормально, это всего лишь парашюты:

— Понимаешь, Бен, они похожи на зонтики и помогают людям опускаться медленно.

Все трое вышли из машины и стоя смотрели вверх, вверх, вверх, пока люди в небе пролетали мимо, нацеливаясь на посадочную площадку, скрытую изгибом дороги. Бен смотрел, раскрыв рот.

— А мы так могли бы? — спросил он.

— Да, могли бы, — ответил Альфредо, хорошо понимая, что и Бен, и Тереза могут быть подавлены богатыми умными людьми, способными летать в воздухе под зонтами, легко и свободно, потому что их жизни всегда в безопасности. — Мы могли бы, если бы у нас были деньги.

— Деньги, — сказал Бен. — Где мои деньги?

— Они в сейфе в квартире, — ответила Тереза. Там не так-то много осталось, но она была уверена: что бы Алекс ни делал, он точно вернет все, что она потратила.

— Тебе хотелось бы попробовать? — спросил Альфредо — ему было по-настоящему любопытно, что Бен думает о людях в небе, скрывшихся за холмом, пока на них смотрели.

Бен молчал, присматривался — им было неизвестно, что он думает.

Снова сели в машину и поехали дальше по горам. Очень красивые, думала Тереза, и радовалась тому, что она их увидела, но Бен сидел, закрыв глаза. Пришлось снова остановиться, чтобы его вырвало.

Доехали до места, которое им описывали как «институт» — они представляли себе отдельное здание, но то, что они увидели, больше походило на город: множество низких строений, разбросанных вокруг, среди них были и более высокие внушительные здания, на одном из которых большими черными буквами написано: «Больница». Но по всему миру распространилась сеть больниц, аптек, лабораторий, исследовательских институтов, наблюдательных станций, функции которых достаточно перепутаны и расплывчаты. Бен и Тереза все еще искали глазами «институт», когда машина остановилась у здания, ничем не отличавшегося от десятков других. Альфредо открыл перед ними дверцы. Выглядел он нервно и испуганно. Потому что ему запретили приближаться к отдельной группе зданий, и даже говорить о них Терезе или Бену. Все, кто работал в этих зданиях, стыдились того, что там происходит, — ну, если не стыдились, то занимали оборонительную позицию, хотя их работа относилась к совершенно различным областям. К этому времени Альфредо уже не просто интересовался Беном — должно быть, все им интересовались, — он испытывал к Бену жалость, а также чувствовал себя виноватым, потому что он, не подумав, рассказывал Бену о тех наскальных рисунках, о том, что видел похожих на него людей, и результат получился очень плохим, он даже не решался оценить, насколько. В какой-то момент придется рассказать Бену правду, и слово «разочарование» слишком слабо, чтобы описать, каково ему станет. В то же время его волновала и более неотложная проблема: что эти люди — Альфредо не очень нравились его работодатели — задумали

насчет Бена? Их предупреждение о том, что Бен ничего не должен узнать о «страшном месте» — о «Клетках», как его почти все называли, — означало, что ему собирались причинить вред. Единственное, что его утешало в этой ситуации — присутствие Терезы, и когда он говорил ей, что анализы — это не так страшно, то старался подбодрить ее улыбкой, но эта улыбка говорила намного больше. Бена и Терезу провели в большую комнату, где стояла аппаратура, а Альфредо припарковал машину; он надеялся вернуться к Терезе, но ему дали другие задания.

В комнате были две девушки в белых халатах. Одна из них — Инес, ей пришлось одолжить халат: решили, что ее присутствие вселит в Бена уверенность. Ему было страшно, Терезе тоже, хотя она старалась этого не показывать.

Ассистентке дали подробные указания. Она попросила Бена «помочь» Терезе — сесть рядом и подержать ее за руку, пока та сидела на краю низкого столика, вытянув другую руку, на которую надели резиновую трубку, надули, измерили давление. Затем пришла очередь Бена. Пока измеряли давление у него, Бен скалился, ассистентка почувствовала себя увереннее, поскольку не знала, что это означает. Ему очень не понравилось, когда резинка стала сжимать руку. Потом Терезе сказали, что у нее из вены возьмут кровь. Когда шприц начал наполняться темной кровью, она закрыла глаза и отвернулась. Теперь Бен: согласится ли он?

— Давай, Бен, — сказала Тереза, — теперь ты должен сделать это, как и я.

Бен позволил себя уколоть и смотрел, как емкость наполняется кровью. Это зрелище было не ново для Бена: у него брали анализы, когда он был маленьким. По сути, он привык к этому больше, чем Тереза, чье детство определенно прошло без дорогого медицинского обслуживания. Пока все нормально. Теперь проверка зрения. Для этого откуда-то появилась еще одна женщина. Бена недавно в Ницце осматривал окулист, так что он не возражал.

Уши... Инес попросила Терезу узнать у Бена, проверяли ли у него слух, и Тереза ответила:

— А сама почему не спросишь? — Голос у нее был тихий и резкий; она поняла, что не может смотреть на Инес, которая чувствовала себя виноватой и потому защищалась.

— Бен, у тебя когда-нибудь проверяли слух? — проговорила Инес.

Бен знал, что у него слух острее, чем у кого бы то ни было, но сказал лишь:

— Да.

Он смирился с тем, что ему в уши засовывают какие-то инструменты и просвечивают лучом.

Теперь моча: Инес ожидала, что Бен будет мочиться прямо перед всеми, как животное — но он взял бутылочку и стал оглядываться в поисках места, куда можно спрятаться.

— Ширму, — распорядилась Инес. Терезе ее голос показался резким и полным презрения. Бен пописал за ширмой и вынес бутылочку.

У него отрезали немного волос, кусочки ногтей, кожи. Бен все терпел, скалясь — молча и флегматично. Потом они захотели поместить ему на голову зажимы и измерить активность мозга, но когда Бен увидел аппарат, он попятился к двери и хотел убежать; даже подбадривающие крики Терезы (ее попросила Инес) о том, что она тоже будет это делать, не убедили Бена. Инес сказала:

— Хорошо, сделаем рентген.

Тереза разрешила облучить себя рентгеном — впервые в жизни. Эта процедура занимала много времени. Руки, ноги, стопы, таз, позвоночник, плечи, шея. Голову изучать не стали, чтобы не пугать Бена. Он стоял рядом и смотрел, а когда появлялись фотографии и их отдавали им с Терезой, казалось, что ему интересно разглядывать ее кости.

— Тебе когда-нибудь делали рентген? — спросила Инес.

— Да, — ответил Бен, — однажды я сломал ногу.

Нервный вздох Инес подразумевал, что Бен мог бы и раньше сказать, но произнесла она только:

— Тогда ты не против повторить это для нас еще раз, правда?

Он вынес это спокойно, Тереза все время находилась рядом, а Инес присматривала. День уже перевалил за середину. Бен заявил:

— Я хочу есть.

В буфет его вести не хотели, чтобы не вызвать разговоров. Принесли бутерброды. Тереза тоже была голодна. Бен никогда не мог спокойно есть хлеб, он достал мясные прослойки и съел их. Тереза попросила фруктов, когда их принесли, Бен с удовольствием поел.

Потом Инес сказала, что надо подсоединить провода к голове, чтобы проверить мозг.

— Нет, — ответил он. Потом заорал: — Нет, нет, нет, нет!

Планировалось изучить работу его пищеварительной системы, кровообращения, дыхания: много чего еще, но изучение мозга считалось самым основным, а Бен орал «Нет!» и начал топтать ногами.

Инес вышла поговорить по телефону, вся ее маленькая стройная фигура выражала решимость, Тереза это почувствовала.

— Я хочу домой, — сказал Бен, имея в виду квартиру в Рио.

Вернулась Инес с яркой фальшивой улыбкой и, не глядя на Терезу, которая знала, что замышляется обман, сказала, что Альфредо отвезет их обоих домой.

Из-за резкого петляющего спуска с холмов на обратном пути Бена стало тошнить, дважды пришлось останавливаться. Наконец они доехали до набережной, по ней, а потом и до квартиры. Альфредо все же сказал, что они хотят, чтобы Бен приехал снова на следующий день — провести еще тесты. Альфредо знал, что Бен откажется; так и случилось.

Альфредо и Тереза стояли рядом, глядя друг на друга. Их взгляды были красноречивы: в них читалось, что они собираются защищать Бена и недовольны происходящим; а еще что они очень сильно нравятся друг другу. Если бы Бен не сидел там, за столом, сгорбившись, то и дело стуча кулаками, возможно, эти двое уже начали бы обниматься или, по крайней мере, что-то сказали. Это взаимопонимание, возникшее между ними, словно они всегда знали друг друга, привело к свадьбе несколько месяцев спустя. Так что хотя бы у этой истории счастливый конец — для них все обернулось хорошо.

Альфредо ушел, а Тереза с Беном сидели за столом, Тереза приготовила ему бифштекс, потом еще один — он очень хотел есть.

Девушка сильно волновалась и плохо спала, так как знала, что замышляется что-то нехорошее. Она слышала, как Бен ходит у себя в комнате, но он хотя бы не стучал головой по стене.

На следующее утро позвонили по телефону: Луис Мачадо собирался прийти поговорить о Бене. Тереза рассказала об этом Бену и теперь услышала удары в стену. Какое-то время она неподвижно сидела за столом, неглубоко и испуганно дыша, потом начала приглаживать свои длинные черные волосы, словно пытаюсь привести в порядок саму жизнь; Тереза ждала, убеждая себя, что сейчас надо быть сильной и защитить Бена — и себя. Она чувствовала, что от одной мысли об этих влиятельных людях можно потерять сознание и хочется сбежать; а ей приходилось противостоять тому, перед чем она преклонялась всю свою жизнь: миру современной науки,

образованным всезнающим людям. Кто этого требовал? Она сама. Альфредо. И несчастный Бен.

Луис Мачадо пришел не один, с ним был еще и Стивен, тоже американец, профессор Стивен Какой-то — она не разобрала имени: Гумлак или Гунлах, — высокий, худой, костлявый мужчина, с крупными лицевыми костями, большим ртом, выпирающими зубами. Глаза прятались во впадинах, и когда этот человек моргал, казалось, что глазные яблоки вот-вот вывалятся. Он приехал из какого-то известного института в Штатах: Тереза поняла это, потому что, произнося название, Стивен ожидал, что девушка его узнает, а также поняла, что ее сочли невеждой, раз она не отреагировала.

В комнату вошел Бен, и Тереза догадалась — гости надеются, что она попросит его уйти, тогда они смогут все обсудить и сказать ей, что делать. Тереза объявила Бену громко, так как боялась, что сорвется голос:

— Бен, это Луис Мачадо, его ты уже видел, а это профессор Стивен... Гумлак...

— Гомлах, — быстро поправил он, демонстрируя свое раздражение.

— Профессор Гомлах, — осторожно повторила Тереза. — Он из Америки, как и Алекс. — А им она сказала: — Алекс привез Бена, чтобы снимать его в кино, — и потом Бену: — Садись Бен, все в порядке.

Она заметила, что гости смутились. Тереза ликовала: она не выгонит Бена, как в свое время выгоняли ее, словно служанку.

После недолгого молчания профессор Стивен Гомлах чуть наклонился вперед и сказал:

— Это очень важно, по-настоящему важно. — Его губы произносили слова, вылепливая каждое по отдельности, выкатывая их, словно холодные мраморные шарики. Глаза холодные, фанатичные, одержимые. Мало кто не нравился девушке так сильно. — Вы должны это понимать, Тереза...

— Меня зовут Тереза Альвес, — отрезала она.

Это его срезало. Он сидел и моргал. Придя в себя, Стивен продолжил:

— Мисс Альвес, возможно, это самое большое открытие всей моей жизни. Вы просто должны понять. Это уникальный шанс. Этот... Бен, он уникален.

— Бен Ловатт, его зовут Бен Ловатт.

Тут профессор замолчал по-настоящему. Огромный выступающий рот раздраженно тыкался в ее сторону, Стивен, прося о помощи, смотрел на Луиса Мачадо, а тот слушал — невозмутимо, спокойно и вежливо.

А Бен слушал, оскалившись, бросая взгляды из стороны в сторону, будто в каком-нибудь углу могла появиться дорога к отступлению — может, в лес, где все повороты и пути к спасению известны только ему. Он думал: «Ведь есть же люди, как я, Альфредо сказал мне, что есть». Бен произнес бы это вслух, если бы не был так напуган. Тереза сказала спокойно:

— Если Бен согласится, хорошо. Если нет, вам не стоит его заставлять.

Ораторский рот профессора открылся — он хотел возразить, энергично наклонился вперед, поднял руку, но Луис мило улыбнулся и сказал, что никто не будет никого заставлять. Это он сказал Терезе по-португальски; а на английском, для своего коллеги, добавил:

— Надо заставить его понять, что происходит, — потом снова Терезе, на португальском: — Вы не осознаете, насколько это важно. Это область исследований профессора Гомлаха. Он мировой авторитет. Это важно для всего мира.

— Вы все время это повторяете, — ответила она на португальском. Потом произнесла громко, по-английски: — Но я в ответе за Бена. Алекс Бейл оставил Бена Ловатта под мою ответственность.

Тереза знала, что Луис наверняка слышал об Алексе от Инес; но очень боялась, как бы Луис не узнал, что Алекс уже не собирается снимать Бена. Одно дело, если Бен числится в платежной ведомости кинокомпании, пусть даже лишь в проектах, другое — если он несчастный изгой, которому некуда пойти.

Вслух она сказала:

— Бен должен решать сам.

Мужчины посмотрели друг на друга, и девушка поняла, что они молча принимают решения. Неожиданно воодушевившись, Тереза добавила:

— У Бена есть паспорт.

Удивительно, как она раньше об этом не подумала. Ученых поразило это заявление: такого они точно не ожидали.

Тереза продолжала:

— Он житель Великобритании. — Она не знала слова «гражданин». — Вы не можете заставлять его что-либо делать.

Короткое молчание: гости разговаривали без слов, они не отказались от принятых решений, услышав о правовом статусе Бена. Луис поднялся, американец тоже. Они попрощались с Терезой формально: Луис назвал ее «донья Тереза», профессор Гомлах — «мисс Альвес». И ушли, не взглянув на Бена.

Позже позвонил Альфредо — сказать, что дела плохи. Ему приказали отправиться в Рио, поговорить с Беном, и если тот откажется поехать в институт, использовать силу.

— Они не могут этого сделать! — сказала Тереза. — Как они могут?

— Я отказался, — ответил Альфредо, — я сказал им нет. И теперь остался без работы.

— Тогда приходи сюда, если тебе некуда пойти, — предложила девушка. Она пыталась понять, женат ли Альфредо, или, может, у него есть женщина, есть куда пойти, Альфредо сказал:

— К счастью, у меня жилье не от института. Я живу у друга. — Альфредо знал, что ее это интересует. — Но я зайду завтра, Тереза.

Когда он приехал на следующее утро, дверь квартиры была выломана — ни Терезы, ни Бена там не было.

Случилось вот что. После того как они с Беном позавтракали, нервничая, беспокоясь, ожидая сами не зная чего, Тереза сказала, что ей надо сходить в магазин. Она велела Бену оставаться дома, не подходить к двери, если позвонит кто-нибудь кроме Альфредо. Бен покорно уселся за стол, и когда в дверь позвонили, он прокричал:

— Это Альфредо? — Потом послышался стук, стучали долго, настойчиво и громко. Бен молчал, понимая, что не следовало вообще ничего говорить. Резкий удар в дверь, ворвались двое мужчин, схватили его с двух сторон за руки, пока он пытался вырваться, заткнули ему рот, бегом потащили его к лифту, из лифта — в машину. Закрыли окна, связали Бену руки, колени, лодыжки и, оставив его метаться на заднем сиденье, быстро покатали в горы. Один раз пришлось остановиться, потому что Бена тошнило, и из-за кляпа он мог задохнуться рвотой. Кляп вынули, ополоснули ему рот дешевым вином, — другой жидкости не было, снова заткнули рот той же тряпкой и, доехав до института, сразу же повезли Бена не туда, где он был вчера, а в «другое» место, которое Альфредо не должен был ему показывать. На такую работу людей можно найти где угодно, и в Рио это не сложнее, чем в других частях света.

Когда Тереза вернулась из магазина, она увидела, что дверь распахнута и выломана, а Бена нет. Это было словно удар под дых, она еле могла дышать. Тереза повалилась на стол, раскинув руки,

уронив на них голову. Первая мысль — Альфредо приедет и поможет. Она не знала, что он уже приезжал и помчался в институт, чтобы выяснить, что происходит. Потом Тереза подумала: может, приедет Алекс. Но он звонил два дня назад и сказал, что снова едет посмотреть на племя. Он называл их «мои индейцы».

Ей и в голову не пришло, что можно позвонить в британское посольство и сказать, что похитили гражданина Великобритании. Она не знала, что у гражданина любой страны есть права, знала лишь, что паспорт — это такой документ, который уважают власти. Девушка часто листала паспорт Алекса, там было много виз, и Тереза думала: «Возможно, когда-нибудь и у меня появится такой. Я тоже поеду в эти страны».

Какое-то время ясно мыслить не получалось, но потом Тереза вспомнила, что Альфредо не приехал, значит, он позвонит ей и объяснит, почему. Она слишком нервничала и не могла спокойно ждать, поэтому расхаживала по комнате, ничего не видя, один раз даже наткнулась на стул. Открыла пошире окно, чтобы впустить тяжелый теплый воздух. Постепенно в голове возник образ Инес. Да, Инес: Тереза позвонила и, услышав ее голос, сказала:

— Послушай, это Тереза, — а потом быстро и решительно добавила: — Не клади трубку, Инес, не делай этого. — Тереза услышала дыхание Инес и поняла, что той страшно. — Где Бен? — требовательно спросила она. — Его увезли. Где он?

Она услышала слабое:

— Я не знаю.

И ответила холодным голосом, удивившись сама себе:

— Ты знаешь. Знаешь. Там, куда нас возили раньше?

— Нет, — ответила Инес. Наступило молчание, и обе слышали чужое дыхание. Потом Тереза заявила:

— Я убью тебя. Если ты не поможешь мне, я убью тебя.

Теперь Инес поняла, что привлекало ее в этой девушке из бедной семьи, с тяжелой жизнью, почему она искала расположения Терезы. Волнующий страх, который Инес почувствовала от этих слов, пробежал по телу, от него даже заболели глаза. Она с дрожью слушала Терезу.

— Ты была моей подругой, подругой, Инес. И так поступила.

— Я не знала, — выдавила Инес. — Я не знала, что они собираются это сделать.

— Но теперь знаешь, Инес. Ты знаешь, где он.

Инес действительно знала, потому что видела, как мимо проехала машина с Беном. Все в институте знали. Люди столпились у окон и прислушивались к сдавленным криками и реву, раздающимся из машины. Некоторые уверяли, что видели, как Бен корчится и пытается вырваться. Инес знала — все знали, — куда везут Бена, и ей стало плохо. Не только ей. Лаборантка, которая брала у Бена анализы, была потрясена. То, что она рассказала остальным, распространилось по институту. Этот йети, этот урод, был вежливым созданием, почти как обычные люди: с ним нельзя так обращаться. Получилось, что беспокойство и стыд, которые многие испытывали из-за того, что происходит в «другом» здании, кристаллизовались вокруг Бена, которого, как вскоре стало известно, похитили. Инес услышала, как Тереза сказала:

— Ты должна приехать за мной. Я должна найти Бена. Я должна поехать к нему.

— Я не могу, — ответила Инес, — я не могу уйти с работы. — Но она знала, что услышит дальше:

— Инес, я тебе это серьезно говорю. Я убью тебя. Я буду считать тебя плохим человеком. — И Тереза снова приказала Инес приехать в Рио забрать ее, прямо сейчас. — У Бена есть паспорт, Инес. Они не могут этого делать. Скажи им.

Во время этого разговора Инес находилась в лаборатории. Вчерашняя ассистентка все слышала и сердито сказала Инес:

— Почему они это делают? Он не животное.

Инес направилась к машине; девушка считала, никто из руководства — то есть Луис — ее не заметил, и поехала в Рио, думая о том, что может потерять работу. Хотя она в это не особо верила. То, что происходит, незаконно. Она была уверена, что этого Бена — Инес не испытывала к нему никаких чувств, даже не считала его человеком — отвезут куда-нибудь подальше от института, а потом он исчезнет. Люди исчезают то и дело. Луис, то есть не Луис, а этот американец — на что-то рассчитывает, и Инес понимала, что он не ошибся: все в институте боятся потерять свою ценную работу, которую так сложно получить, так что будут помалкивать. Что касается ее самой, что за преступление она совершает? Просто уезжает на пару часов из своего институтского кабинета. Инес ехала быстро, Тереза ее ждала. Она подготовила чемодан с вещами для Бена и темные очки. Девушка не знала, что будет делать, когда найдет — когда они найдут Бена. Прямо перед тем, как приехала Инес, позвонил Альфредо: он узнал от институтского водителя, что Бена отвезли в страшное место. Альфредо велел Терезе приехать к нему, в дом неподалеку от института, в деревне. Они вместе придумают, как спасти Бена.

По горам ехали молча. Тереза рассматривала профиль Инес, повернутый к ней — холодный, строгий, неприязненный — и виноватый. Она боялась ловушки: Инес собирается похитить и ее? Не дать ей помочь Бену? Вдруг — Тереза даже сама не предполагала, что скажет это вслух, — она задала Инес именно этот вопрос, а Инес расплакалась и ответила, что она, Тереза, несправедлива и жестока — Инес ведь не похищала Бена, не так ли?

Когда они доехали, куда велел Альфредо, Инес остановила машину и услышала, что Тереза сказала, когда выходила:

— Передай им, что они поступили неправильно. Это неправильно. Полиция может их наказать. Передай им.

Инес не собиралась ничего передавать — она лишь надеялась, что ее отсутствия не заметят.

Тереза остановилась в пыльной колее на краю дороги под палящими лучами солнца и увидела, как из маленького домика вышел Альфредо. Они улыбались друг другу из другого измерения, далекого от тревоги за Бена; Альфредо обнял Терезу и привел в свою комнату.

Было уже около трех часов дня. Альфредо знал, где Бен, и рассказал об этом Терезе. Сказал, что надо ехать туда, как только хорошенько стемнеет. Ночью около «Клеток» никого не бывает — но в этот раз кто-то мог остаться, из-за Бена. Его накачали наркотиками, как сказал другой водитель. Он слышал в машине разговор Луиса и американца. Луис был в нерешительности относительно того, что происходит: его зацепило слово «паспорт». Стивен же не был намерен выпускать Бена.

— Он слегка сумасшедший, это тип, — сказал Антонио, друг Альфредо. — Как собака с костью. Схватил ее, и выпускать не собирается. — Антонио знал «Клетки» лучше, чем Альфредо. Он сказал, что понадобится пара хороших кусачек, первым делом надо будет отрезать провод от сигнализации, который идет от основного корпуса, где всю ночь сидит охранник. А что Альфредо собирается делать потом? Альфредо рассказал. Тогда Антонио предложил использовать и его в их плане похищения, поскольку он наверняка потеряет работу, которую недавно получил.

Тереза и Альфредо как раз обсуждали план. Они верили, что если сразу увезти Бена из Рио, погони не будет. Альфредо сказал Терезе, что, если их станут преследовать, нужно предупредить представителей властей Британии в Рио. Тереза с интересом слушала его рассказ о том, что граждан иностранных государств должны защищать от местных угроз. Она и представить не могла, что правительство станет заботиться об одном маленьком человечке — о

таким, как она. Но им противостоял безумец, этот американский профессор. Тереза не удивилась, когда Антонио назвал его сумасшедшим: она так и подумала. Девушка будто снова увидела этот выступающий рот, выталкивающий к ней слова, и зеленые вытаращенные глаза, не видящие ничего, потому что все внимание этого человека направлено внутрь, на его навязчивую идею.

— Это так важно? — спросила Тереза у Альфредо. — Знать, что представляет собой Бен?

— Говорят, что он может быть атавизмом — из далекого времени. Очень далекого. Тысячи лет. Исследовав его, они смогут понять, какими были древние люди.

Терезу посещала подобная мысль, но она была никак не связана с ее страстным беспокойством о Бене. Она считала, что относится к нему, как к ребенку, — по крайней мере, как к беспомощному существу. Ее не волновали древние люди. Она любила беднягу Бена.

Во время этого разговора в пустой душной комнате, пока они пили кока-колу, они напомнили друг другу, что существует еще одна пугающая проблема. Ведь Бен верил, что Альфредо знает, где найти людей, похожих на него.

— Мы должны рассказать ему, — сказала Тереза, вспоминая восторг Бена: казалось, что все его существо становится больше и трепещет от мысли о них. Но когда она думала, что все ему скажет, по телу пробегала дрожь. Сказать, что это всего лишь мираж, просто рисунки на каменной стене... это жестоко, ужасно. Но Бен должен все знать.

— А мы можем отвезти его посмотреть эти наскальные рисунки? Это ведь лучше, чем ничего.

— Когда я работал в шахте рядом с Жужуем, я поднимался в горы, высоко, Тереза. Мне нравится ходить одному по горам. Но они очень, очень, очень высокие — не то, что у нас на родине. Немногие туда поднимаются. Однажды утром я проснулся — когда я лег, было темно, — и увидел прямо перед собой наскальные рисунки. Их освещало солнце. Когда солнце светит, их видно хорошо, но когда поверхность скалы в тени, можно пройти рядом и не заметить... Но нам стоит туда сходить.

Тереза знала, сколько у Бена осталось денег. Она отложила достаточно много, но не собиралась тратить больше, чем нужно. У Альфредо были сбережения. На три дешевых места в самолете более чем достаточно.

— Не проблема, — сказал Альфредо. — Я скажу другу, чтобы он подъехал и отвез нас на машине. У меня есть друзья. Я работал в шахтах три года. Я снова найду работу. Поживу какое-то время подальше от Рио. Мне это уже приходилось, я тебе расскажу, Тереза.

Оба думали о том, что если Альфредо будет работать в шахтах, а Тереза останется с ним, все, чего она достигла в Рио, пойдет прахом.

— Там, в Жужуе, есть театр, танцевальные труппы, кинорежиссеры? — спросила она.

Альфредо ответил:

— В шахтах я буду хорошо зарабатывать. Меня знают. Я могу остаться на год, а ты можешь подождать меня в Рио. — Так впервые их взаимопонимание было выражено словами. — Мы можем пожениться в Жужуе, для уверенности, а год пролетит быстро. — Тереза оглянулась на прошлое: за три года, что она прожила в Рио, было столько людей и событий, что они показались ей очень долгими. — Обсудим это позже, — быстро сказал он, увидев сомнение на лице девушки.

Темнело. Наверху холма сквозь кроны деревьев виднелись огни института. Они взяли кусачки и отправились в жилую часть здания, где жили многие работники, но прошли мимо нее, в лес, окружающий институт. Оба выросли в дикой местности и не боялись леса. Они быстро продвигались по тропинке — казалось, что ноги сами знают о том, что она там, прошли мимо главных институтских зданий дальше, впереди, на расстоянии нескольких ярдов, горели огни обособленной группы строений. Оттуда раздавалось повизгивание, призывы, крики. Это страшное место — Тереза его узнала, а Альфредо прошептал:

— Мне туда не хочется.

Где Бен? Они стояли на краю леса, глядя на разбросанные здания, не зная, куда идти. Потом Тереза его услышала — тихий прерывающийся грохот, «бум-бум-бум», и снова грохот.

— Он там, — сказала она, — там, — и побежала через пыльную площадку к зданию. Они бежали, звуки становились громче, это грохочущее бумканье. Теперь уже стемнело. Передняя часть здания светилась, и они прокрались к задней стороне, увидели там окна. Они были открыты. Из здания шел неприятный запах. Сначала Альфредо перелез через подоконник, а за ним Тереза. На потолке горела слабая лампочка. В рядах клеток сидели обезьяны, большие и маленькие, клетки были расположены так, что экскременты из верхних клеток падали на животных, находящихся под ними. Куча кроликов с держателями на шее, в глаза им капали препараты. Огромная дворняга, которую разрезали от плеча до бедра, а потом неаккуратно

зашили, лежала на грязной соломе и скулила, у нее сзади все было забито экскрементами. (Эту собаку разрезали полгода назад, время от времени рану распарывали, чтобы посмотреть, как работают органы, давали ей различные препараты и зашивали снова, как мешок из дерюги. Края раны частично зажили, покрылись корочкой, и через них были видны пульсирующие органы.) Обезьяны протягивали руки из клеток, их человеческие глаза молили о помощи. Тереза ничего этого не замечала. Она смотрела на Бена, который сидел на коленях в своей клетке и бился головой о проволочную сетку. Его не накачали наркотиками: профессор не хотел, чтобы на него что-то повлияло. Бена раздели, а ведь он ходил одетым с самого рождения. В углу клетки лежала куча дерьма.

— Сигнализация, — сказала Тереза Альфредо, который начал искать провод; услышав ее голос, Бен сел и завыл, подняв к ней лицо.

— Сиди тихо, Бен, — прошептала Тереза. — Мы заберем тебя. — Его глаза: что с ними? При слабом свете они походили на темные дыры, застланные ужасом и горем. — Бен, Бен, потише, надо сидеть тихо. — Он затих, но его дыхание было громким, словно стон. Альфредо нашел провод от сигнализации и перерезал его. Потом его вырвало — от запаха, к тому же там было слишком душно.

Альфредо начал вырезать большую дырку в проволочной клетке Бена — это была клетка для сильного животного. Тереза смотрела на клетку, в которой, растянувшись, лежала белая кошка, кошка-мать. К ее голове были подсоединены провода от прибора, прикрепленного к проволочной стенке клетки. Четыре котенка сосали молоко: каждый с проводами на голове. Кошка посмотрела на Терезу, и этот обвиняющий взгляд заставил девушку закрыть глаза руками. В клетке Бена прорезали большую дыру.

— Тихо, Бен, тихо, — прошептала Тереза и обняла его. Он был грязен, дрожал, несчастное беспомощное сломленное создание; Бен удивил своих спасателей — он выпрыгнул из объятий Терезы, вылез из окна и скрылся в темноте. Он бежал к лесу, а Тереза и Альфредо побежали за ним. — Остановись, Бен! Там люди, не убегай, иди сюда! — Они с Альфредо осторожно двигались под деревьями и ничего не слышали. Но знали, что Бен там. — Бен, я сяду здесь. Альфредо тоже. Он друг. Иди ко мне. Мы отвезем тебя домой к Альфредо, а потом уедем.

Молчание. Еле заметные лесные звуки. Сзади, в том здании, откуда они убежали, завывали обезьяны — душераздирающий звук из маленького ада, которых становится все больше и больше, везде, где люди строят цивилизацию.

— Бен, Бен, иди ко мне, Бен.

Они поняли по запаху, что он приближается.

— Вы отведете меня к таким, как я? — услышали они.

— Да, Бен, отведем, — сказала Тереза, заразившаяся его отчаянием.

Он сидел рядом с ними, сгорбившись, дрожа.

— Теперь пойдем, тихонько, Бен, тихонько. Ни звука, Бен.

Идти по лесу было хорошо, они были надежно спрятаны, но предстояло перейти через голый пустынный участок — риск, что их увидят. К счастью, почти все институтские находились в помещении, ужинали. Слышались звуки телевизора, радио, голоса. Альфредо сказал:

— А теперь бежим.

И Тереза:

— Беги быстро, Бен.

Они втроем побежали через темноту, прорезанную светом из домов, в комнату к Альфредо.

Тереза затолкала Бена в душ, вымыла его, она лила на него воду, пока стекающая вода не стала прозрачной, вытщила его, вытерла, надела чистую одежду, которую принесла с собой. Альфредо разыскал для него апельсиновый сок и фрукты. Бен хотел пить, а есть не хотел. Он умоляюще смотрел на Терезу: глаза как у тех обезьян, подумала она, хотя тогда она их не разглядывала.

— Почему им позволяют это делать? — спросила она у Альфредо.

Он был молчалив и мрачен — она видела, что ему стыдно.

— Это наука.

Бен перестал дрожать, но ему было трудно на них смотреть; он сидел на стуле, сгорбившись, руки, сжатые в кулаки, свисали по бокам, голова выдавалась вперед, в глазах все еще отражался болезненный страх.

— Мы отвезем тебя в Рио, — сообщила Тереза, — а завтра полетим на самолете.

— К моим людям?

— Да, — беспомощно сказала Тереза — она даже не осмелилась посмотреть на Альфредо. Что им делать?

Около полуночи, когда в домах институтских рабочих выключили свет и прекратилось всякое движение, они прокрались наружу,

прислушиваясь к лаю собаки, и встретились с Антонио, который ждал их в машине. Вчетвером поехали в город. Поздно ночью добрались до квартиры. Поперек двери были прибиты дощечки — наверное, это сделал швейцар.

Они велели Бену лечь в кровать и постараться уснуть. Ему нечего бояться. А в это время Альфредо, Тереза и Антонио совещались. Антонио тоже раньше работал в шахтах. Он показал свое удостоверение личности, положил его на стол и спросил у Альфредо:

— С твоим все в порядке?

Альфредо достал свое удостоверение из кармана и положил рядом с удостоверением Антонио. Тереза поняла, что раньше у них были какие-то проблемы, но теперь все нормально. Они посмотрели на нее, и девушка достала свое удостоверение из сумочки, теперь три документа лежали рядом. Она вспомнила о паспорте Алекса и сочла эти три карточки из дешевой бумаги — удостоверения личности — унижительными.

— Я хочу когда-нибудь обзавестись настоящим паспортом, — объявила она Альфредо. Антонио удивленно рассмеялся, но Альфредо, засмеявшись было, остановился, поняв по лицу Терезы, что дня для нее это важно. — Я хочу паспорт, похожий на маленькую книжечку, как у иностранцев — как у американцев. — Альфредо кивнул и подождал продолжения. Тереза с презрением указала на удостоверение: — Этого недостаточно, — сказала она. Альфредо поразмыслил над ее словами, а потом сказал:

— Хорошо, сейчас я тебе его сделаю. — Он встал, нашел в ящике бумагу, сложил из нее маленькую книжечку, вернулся к столу, сел, строго глядя на Терезу, держа ручку. Она смеялась, Антонио тоже.

— Вы оба сошли с ума, — сказал Антонио. — *Лосо*.

— Имя, — потребовал Альфредо, словно чиновник.

— Тереза Альвес.

— Донья Тереза Альвес. У вас черные волосы?

Потом, впоследствии, они снова разыгрывали эту сцену, напоминая друг другу и рассказывая детям, как Альфредо впервые что-то узнал о Терезе, о ее жизни, о ней самой; тем временем Антонио сидел рядом, улыбался и кивал, а Бен спал в соседней комнате.

— Темно-коричневые, — ответила Тереза и протянула прядь, чтобы он посмотрел.

— Черные в тени, коричневые на солнце, — сказал Альфредо. — Я заметил. Напишу черные. — Он записал и продолжил: — Глаза у вас черные, но *они* не будут в них заглядывать. Записать, что черные?

— Да, сойдет.

— Вы... какого роста?

Тереза ответила.

— Почти как я. Хороший рост. Есть какие-либо особые приметы? Об этом всегда спрашивают.

— У меня есть маленькое родимое пятно на... нижней части спины.

Антонио рассмеялся:

— На заднице?

— Да, и еще на плече, вот тут. — Она убрала воротник с шеи, Альфредо посмотрел туда.

— Думаю, оставим родимые пятна для себя, — сказал он. — Что-нибудь еще?

— Шрам — это я упала, когда крошила тыквы для коз, упала на острый камень. — Тереза протянула руку: по запястью до верхней части ладони проходила тонкая белая линия.

— Это их не интересует, — ответил Альфредо. — Ладно. Рост, цвет волос, цвет глаз — этого им хватит. В какой деревне вы родились?

— В той же, что и вы. Пыльная деревня, пыльная провинция, пыльная страна. Но называлась она Альжеко.

— Запишем. Дата рождения?

Она помедлила, ибо не была уверена, что хочет выдавать, насколько она младше, чем говорила. Альфредо заметил ее замешательство и сказал:

— Запишу так же, как и у себя. Теперь нужна фотография.

Потом он с поклоном вручил Терезе небольшую пачку свернутых листов.

— Ваш паспорт, донья Тереза.

Она встала со стула, взяла его, и сделала реверанс.

Так они проводили время, болтая. Антонио сказал, что поедет с ними в Жужуй, в шахты. Ему будет лучше пожить какое-то время подальше от Рио. Когда рассвело, они выпили кофе, и мужчины отправились за билетами на самолет.

Тереза вошла в комнату к Бену, увидела, что он не спит, и сказала ему, что надо быть смелым и терпеливым. Если кто-то придет в квартиру, она обещает, что к нему не подойдут. Она собирается его запереть, и Бен не должен этого бояться. Тереза сказала все это,

поскольку была уверена, что «они» придут за Беном, а поскольку дверь выбита, их ничто не удержит. Она принесла Бену сока, сказала, что ему лучше поспать и что если кто-то придет, нельзя издавать ни звука.

Вскоре Тереза слышала снаружи мужские голоса. Она открыла дверь со словами:

— Видите, что ваши ворюги сделали с дверью? — сваливая всю вину на них, хотя они больше напоминали полицейских, преследующих жертву, подумала она. — Садитесь, пожалуйста, — предложила Тереза, села сама, заметив, что они оба уставились на дверь Бена.

Луис сел во главе стола, по привычке заняв председательское место. Американец расположился напротив Терезы, выпуклые холодные глаза держали гнев наготове.

Тереза сразу заговорила:

— Вы плохо поступили. Выкрали его отсюда. Он не ваша собственность. — Она обращалась к Луису, и тот ответил:

— Не меня стоит обвинять. Я не имею к этому отношения. Та часть института никак не связана с Бразилией: она находится под особым международным управлением. — Он ждал, что Стивен Гомлах что-нибудь добавит. Но тот молчал: он изогнулся и таращился на дверь в комнату Бена.

— Но вы оба здесь, — ответила Тереза, ухватив суть дела, как она ее понимала.

— Я старый друг профессора Гомлаха, — сказал Луис.

— Но вы же знали, что эти люди собираются схватить Бена.

— Я прошу прощения... от имени профессора Гомлаха. — И он снова посмотрел на своего коллегу. Безрезультатно. — Наши указания поняли превратно. Дверь не должны были ломать.

— Если вы ожидали, что мы просто так отдадим Бена, зачем прислали за ним бандитов? Это ведь обычные уличные бандиты. — И прежде чем кто-то из них успел что-либо сказать — хотя, похоже, американец не видел в этом необходимости, — она добавила: — И заперли Бена в клетку, как животное, без одежды.

— Я уже говорил, — сказал Луис Мачадо, — что это не имеет к нашему институту никакого отношения. Это, очевидно, недоразумение.

Тереза ответила:

— Думаю, недоразумение заключается в следующем: вы не ожидали, что мы найдем его в таком виде.

Тут Луис кивнул, признавая правоту Терезы, и то, что он поражен тем, как она защищается: она знала — должна была знать от Инес, — насколько он влиятельный человек.

Теперь заговорил Стивен Гомлах, словно не слышал их спора:

— Вы не можете оставить его у себя. Вы же понимаете, правда?

— Я понимаю, что он вам нужен для экспериментов. Понимаю. Своими глазами видела... — и направила на глаза указательные пальцы.

Он наклонился к ней через стол, сжав кулаки, побагровев от ярости.

— Этот... представитель помог бы ответить на вопросы, на важные вопросы, важные для науки — для мировой науки. Это могло бы изменить наше представление о развитии человечества.

То был удар по огромному уважению Терезы к знаниям и образованию, которые она воспринимала как окно в неизвестное небо, которому можно поклоняться и которое можно боготворить — и она разрыдалась. Тереза гневно уверяла себя, что плачет, потому что устала, но ей была понятна истинная причина. А Луис считал, что эта невежественная девица испугалась, потому что вступила в спор с влиятельным человеком и попадет из-за этого в беду. Насколько он знал профессора Гомлаха — а тот ему не особо нравился, — он рассматривал Терезу скорее как мышь, которая решила встать на задние лапки, чтобы испугать кошку.

Что касается профессора, его раздражали слезы Терезы.

Мужчины сочли, что победили ее: Тереза многое могла бы сказать в обвинение, но не сказала — был нарушен закон, и это должно повлечь серьезные последствия. Но когда Тереза говорила, она думала не о юридических вопросах, а о ненавистном угрожающем лице, которое видела перед собой, об этих холодных недовольных глазах, а перед внутренним взором представал Бен, голый, в клетке, он выл, а еще — белая кошка, и испражнения, падающие из верхних клеток ей на шерсть. Тереза сказала по-португальски:

— *Voce e gente ruim.*[4] — Противник услышал ненависть в ее голосе, если и не разобрал слова. И тогда она добавила по-английски: — Вы плохие люди. Вы плохой человек.

Тереза обращалась не к Луису, но не потому, что он отвел все обвинения от своего института, не думала она и о политике — американец был представителем самой сильной нации в мире и всякое такое: ее не интересовала политика. Нет, Терезе не нравился

Стивен, она его ненавидела, это было на уровне инстинктов, как и то, что она считала Алекса Бейла добрым, но слабым человеком, который хорошо относился к ней, пока был рядом, но забывал о ней, стоило только ему уехать. Тереза понимала, что для этого знаменитого профессора простое дело — вставить провода в голову кошке с котятами и измерять ее чувства, когда она пытается кормить детенышей, а на ее мех стекает грязь, мучить обезьян: Тереза живо представила себе их маленькие лапки, протянутые за помощью. Он готов сделать что угодно, не думая, какой ценой это обходится животным. Жестокое чудовище.

Девушка все еще плакала — из-за конфликта, раздиравшего ее на части.

Луис спросил:

— Вы сказали, что Бен принадлежит... как вы сказали его зовут?

— Инес — она ваша подруга, да? Она должна знать это имя. Алекс Бейл. Он американский кинорежиссер, а Бен станет звездой.

— Как я понял, фильм снимать не будут?

— Это еще не решено. Алекс в... — Тереза назвала маленькую деревеньку в горах, где Алекс и Пауло работали над сценарием, или над сценариями, понимая, что Луису она вряд ли известна. — Он сейчас там. Погода плохая. Телефон не работает. Я расскажу ему о том, что случилось, когда он позвонит, и скажу, что вы хотите поговорить с ним о Бене. — Ее голос уже успокоился. Она встала. — Извините меня, но у меня дела.

Мужчины медленно поднялись. Луис, как всегда невозмутимый, улыбался. Его спутник таращился на дверь Бена, он походил на красного муравья — теперь Тереза уловила сходство, которое беспокоило ее все время.

Она сказала:

— Бен спит. Он плохо себя чувствует после того, что вы с ним сделали. — И встала перед его дверью.

— Вы не должны увозить Бена из страны, — сказал Стивен, угрожая; казалось, что он увеличился в размерах.

— Он может ехать, куда захочет. У него есть паспорт, — ответила она.

Луис сказал Стивену:

— Нам надо идти. — По его голосу и Стивен и Тереза поняли, что он что-то задумал.

Они ушли. Тереза заплакала от облегчения; она вся тряслась, так дорого ей обошлась эта встреча. Она знала, что эти люди — Тереза не делала между ними различий, говоря, что один виноват, а другой нет, оба они обладали властью, для нее они были одинаковы, — вскоре сделают что-нибудь, чтобы заполучить Бена законно. В этот раз обойдется уже без похищения — на их стороне будет закон, и Бена арестуют по подозрению в чем-нибудь.

Пока Альфредо и Антонио не вернулись, Тереза собрала вещи Бена, тихо заходя и выходя из его комнаты, стараясь не разбудить его — Бен стонал во сне. Она положила теплый свитер и шапку, и для себя тоже.

Когда вернулись Альфредо и Антонио, Тереза рассказала им о случившемся, и они поняли, что надо торопиться.

— Бен, быстро, мы полетим на самолете, далеко, — сообщила Тереза, когда он сел на кровати, испугавшись, но потом в нем проснулось рвение.

— К моим людям? Сейчас?

— Давай скорее, Бен, — сказал Альфредо. Взгляды, которыми обменялись Альфредо и Тереза, выдали их беспомощность: как можно уничтожать такую пылкую надежду? Но они должны это сделать, придется.

Тереза оставила Алексу на столе письмо, в котором говорилось, что они с ее хорошим другом увозят Бена в надежное место — она предусмотрительно не написала, куда именно, потому что знала, что не Алекс первый прочтет это письмо. И велела швейцару сообщить полиции о взломе, и заколотить дверь понадежнее.

И друзья уехали из квартиры Алекса, сели в машину Антонио: он отвезет их в аэропорт. Там они попрощались, но Антонио сказал, что скоро разыщет их в Хумахуаке, там Альфредо найдет себе работу; это место в двух часах езды от Жужуя.

Самолет был большой — на таких летают с континента на континент, но в Сан-Пауло они пересели на самолет поменьше, там летели совершенно другие люди, которые выглядели так, словно были озабочены мировыми проблемами. Этот самолет летел ниже, открывая взгляду пейзаж, а тень проносилась над дикой местностью, где ходили люди, вроде Терезы, смотрели вверх, чтобы увидеть пролетающий над головой самолет, на котором никто из них не мог и надеяться путешествовать. Но когда-то и Тереза думала, что никогда не попадет на самолет. Бен смотрел вниз с интересом. После того первого короткого полета над Лондоном с Джонстоном, это был первый раз, когда он не заснул в самолете и с готовностью обращал

внимание на все, что его окружает. Сначала ему было нелегко, когда Тереза говорила:

— Смотри, там, внизу, большая река, — или: — Вот холмы. — Он спрашивал:

— Река? Это река? — Или: — Это холмы? Кажется, что они плоские. — Потом он привык, начал понимать, радовался и гордился тем, что понимает. Но еле заметная ухмылка вместо широкого испуганного оскала говорила Терезе и Альфредо, о чем он думает.

— Мы сегодня найдем моих людей?

— Нет, Бен, не сегодня, они далеко в горах.

— Это те горы, внизу?

— Нет, это маленькие горы, а те большие. Сам увидишь.

Самолет сел в Парагвае, кто-то вышел, кто-то вошел, потом внизу показались зелено-желтые равнины, стада, скоро они прилетят в Хумахуаку. Антонио и Альфредо решили между собой, что будет лучше полететь туда, вместе с шахтерами, инженерами и другими работниками шахт, а не в Жужуй, где документы могут проверять более тщательно. Когда самолет снижался, можно было разглядеть потоки людей, стекающие к шахтам. Никто не суетился из-за границ, из-за того, как люди их переходят: тысячи человек — кто сосчитает? — пересекали границы, считая их лишь воображаемыми разделителями.

В маленьком аэропорту Тереза уже была готова предъявить свое удостоверение, но мужчина за стойкой узнал Альфредо: он сам когда-то работал в шахтах. Альфредо сказал, что Тереза его сестра. Чиновник еще раз взглянул на Бена, но взмахом руки пропустил этого крупного грузного мужчину, который в толпе не слишком выделялся.

Тем временем самолет, на котором они прибыли, начал короткий перелет до Жужуя: там летели в основном рабочие, которые будут трудиться на табачных плантациях. Альфредо заранее позвонил другу и попросил его приехать на машине в Хумахуаку их встретить. Тот еще не подъехал. Они уселись на стулья под деревом, довольные, что удалось найти тень. Было невыносимо жарко. Тереза сказала, что у нее болит голова — это сказалась высота. Бен сообщил, что чувствует себя отлично: казалось, он не понимает, что значит высота, пока Альфредо не показал на Анды, и сказал Бену представить у подножия горы море, а потом представить, как он карабкается вверх, считая шаги.

— И там мы найдем моих людей?

— Да, там.

Бен сидел и улыбался, издавая короткие грубые звуки: те, кто его знал, понимали, что это песня.

Они смотрели на людей, идущих мимо, к шахтам.

— В шахтах нужны рабочие, — сказал Альфредо, — и там не задают вопросов.

— А что у тебя могли бы спросить? — поинтересовалась Тереза, чувствуя себя словно на краю обрыва. — Чем тебя пугает аэропорт Жужуя?

— Когда меня брали в институт, спросили, где я раньше работал. Я сказал, что в Жужуе. Не сказал, что в Хумахуаке: никогда не стоит говорить больше, чем необходимо. Так что если они захотели бы устроить мне нелегкую жизнь за то, что я вытащил Бена из «Клеток» и отвез в Рио, они позвонили бы в Жужуй. Но я не думаю, что они станут с этим возиться, я уверен, что относительно Бена у них есть планы похуже.

Они разговаривали по-португальски, Бен услышал свое имя и спросил:

— Что вы говорите?

— Просто о том, что мы увезли тебя оттуда.

Словно боясь, что их подслушают — хотя в пределах слышимости никого не было, — Альфредо продолжал на португальском, на их общем местном диалекте, чужой человек почти ничего бы не понял.

— Но есть еще кое-что, Тереза. Тогда я приехал сюда, в шахты, из-за того, что у меня были проблемы. Прошло семь лет. Но они ведут записи — с тех пор у полицейских есть мое имя.

И он рассказал историю, которую Тереза, по ее ощущениям, слышала так часто, что могла бы сама продолжить ее с любого места.

Альфредо было так же сложно выбраться из фавелы, как и Терезе. Он был членом уличной банды, совершал мелкие преступления, и полицейские его знали. Однажды он подрался на ножах с главарем. Парень остался жив, но был сильно ранен, и во всем обвинил Альфредо, хотя сам начал драку.

Альфредо решил убраться из Рио. Через три года, накопив денег и научившись кое-чему в шахтах, он вернулся. Той банды не стало, она исчезла, а парень, которого он порезал, погиб — в другой драке. Альфредо повзрослел, стал ответственным и способным мужчиной: он легко нашел работу и, в конце концов, оказался в институте.

Пришло время и Терезе рассказать о себе — это было тяжело для нее, голос понизился, она начала запинаться, говорила невнятно. Она

должна рассказать человеку, которого любила, о том, что была проституткой. Альфредо растерялся. Он ерзал, казалось даже, что сейчас встанет и уйдет.

— Тереза, расскажешь в другой раз. Расскажешь, когда захочешь.

— Но я должна тебе об этом рассказать. Я обязана рассказать.

— Послушай, Тереза, ты забываешь, что я пришел в фавелу также, как и ты. Я знаю о... у меня там осталась сестра. Она не выбралась. Потом я помогу ей. — Он наклонился, улыбаясь, хотя Тереза понимала, как ему нелегко, и взял ее за руку. — Мы вместе ей поможем, Тереза.

— Вы обо мне говорите? — снова спросил Бен.

— Нет, о нас, — ответила Тереза по-английски. Наконец приехал на машине друг Альфредо, Хосе, и они поехали в Жужуй, который находился за девяносто километров. Друзья сидели впереди и разговаривали, а Тереза с Беном сзади. Она знала, что его начнет тошнить: машина была старая и сильно громыхала. Справа возвышались горы, и машина ехала в их тени.

— Мы отправимся завтра? — поинтересовался Бен.

— Нет. Нам надо собрать вещи.

— Может быть, послезавтра.

Тереза пыталась заставить себя сказать:

— Послушай, Бен, ты не совсем понял, мы толком тебе не объяснили... — Но она не могла произнести этого. «Что же делать? — спрашивала она себя. — Как мы ему скажем?»

Хосе работал с Альфредо в Хумахуаке. Когда Альфредо и Антонио уехали, он стал учиться на горного инженера, что позволило ему подняться выше уровня обычного шахтера. В Жужуе у него имелся маленький домик. И жена, она там работала. Почти на каждые выходные он ездил к ней. Сейчас ее не было: уехала к родственникам.

Это был маленький опрятный домик, три комнаты, кухня и душ. Были также телевизор и радио. Домик был похож на тот, в котором Альфредо жил с другом около института: похож на множество домов, в которых живут похожие люди во всем мире.

Они поужинали, телевизор был включен, но никто его не смотрел. Бен мечтал, мужчины беседовали, а Тереза наблюдала и слушала. Она была рада, что у Альфредо есть такой хороший друг — два хороших друга, благодаря этому она сама ощущала поддержку. Мужчина с надежными друзьями — девушка понимала, насколько это ценно для жены. У ее отца были друзья в те далекие времена, в

деревне, но после переезда на юг друзей не осталось, только жена. В фавеле не было людей, с которыми можно посидеть, поговорить. Он пил один. Напивался.

Тереза ощущала, что с тех пор, как она встретила Альфредо, половина тяжестей и жизненных забот свалилась с ее плеч. И вскоре после знакомства ей было сложно представить, как она жила одна и не на кого было положиться.

Когда пришло время расходиться по комнатам, не возникло никаких сомнений, что Альфредо пойдет с Хосе, и не только потому, что их разговор еще не закончился. Сейчас, если бы Тереза оказалась в доме с Альфредо одна... но он помахал рукой, улыбнувшись, желая *спокойной ночи*, и ушел с Хосе. И Терезе пришлось остаться с Беном, потому что он ей доверял. Она думала над тем, что в квартире Алекса у Бена была своя комната, а теперь у них две кровати на расстоянии вытянутой руки. Девушка надела ночную рубашку в душевой, а когда вернулась, увидела, что Бен лежит на своей кровати в одежде. Тереза знала: это значит, что в своем воображении он уже начал путешествие в горы. Улыбаясь в потолок, он спросил:

— Мы выйдем рано?

— Не завтра, Бен. Я тебе говорила.

Она нажала выключатель у двери и вернулась к своей кровати, думая, что все время, сколько она знает Бена, он всегда — больной, испуганный, забитый, она никогда не видела его настоящего, счастливого и уверенного. Даже в полутьме комнаты Тереза различала его улыбающееся лицо. Вот сейчас она может сказать:

— Послушай, Бен, это ошибка... — Но шли секунды, за ними минуты, а она молчала.

Я обговорю это с Альфредо и Хосе, и мы придумаем, как ему объяснить; но что за чушь, подумала Тереза. Бен ожидал встречи с себе подобными, и он не собирается расставаться с этой мечтой. Если они скажут: «Бен, тебе лучше их не видеть, это бедные и жалкие люди», ему захочется с ними встретиться. Если они сделают вид, что нашли в горах место, где эти люди были раньше, и скажут: «Похоже, они куда-то ушли», Бен будет продолжать их искать, потому что его желание слишком велико. Тереза пыталась представить, каково жить с мыслью, что таких, как ты, в мире нет, что ты одинок и зависишь от случайных проявлений доброты, тебя используют, а потом бросают — но не могла, ее лишь охватила ужасная пустота и одиночество, стало холодно, тошно. *Но мы должны ему сказать, должны,* повторяла она про себя, засыпая, а проснулась оттого, что рядом стоял Бен. На улице сияла яркая желтая луна, и в комнате было довольно светло.

Бен снял пиджак и брюки, и то, что она увидела в его руке, заставило ее вскочить и резко сказать:

— Нет, Бен, прекрати. — Бен склонился над ней, и Тереза не могла понять, собирался ли он лишь посмотреть на нее, или... Бен разогнулся, выпустив из руки сжимающийся член.

— Ты должен вернуться в кровать, Бен, — сказала Тереза.

Он так и сделал — молча, послушно лег, но не уснул. Она тоже. Бен сердито сказал:

— Рита меня любила. Она любила меня. А ты не любишь.

— Люблю, Бен, ты же знаешь, что люблю.

Тереза слышала его дыхание: похоже на ребенка, который вот-вот заплачет. Она думала, что этот... мужчина, кем бы он ни был — силен и полон энергии, когда ему хорошо — у него же есть инстинкты; как у него с сексом, с женщинами? Рита была давно — несколько месяцев назад. Тереза понимала, что он лежит там, сопит и думает, что когда встретит своих, для него найдется женщина. Скоро его дыхание изменилось, он уснул. Тереза не спала. Как только встало солнце, она оделась и пошла на кухню сделать кофе. Этот запах разбудил мужчин.

Дверь между комнатами была закрыта, но Тереза все равно говорила вполголоса, убеждая мужчин в том, что они должны все объяснить Бену — должны, потому что жестоко продолжать этот обман.

— Он узнает, — ответил Альфредо, — сам все увидит.

— Я боюсь, — сказала Тереза, она имела в виду — не за себя и не за них, но Альфредо, а за ним и Хосе, убедили ее, что они будут вместе, и если Бен разозлится, они защитят и ее, и себя. Альфредо заметил, что это ее не ободрило, и объяснил Хосе, что Тереза любит Бена.

— И я тоже. Он не просто... животное.

— Он чувствует так же, как и мы, — добавила Тереза.

И вот вошел Бен, улыбаясь, радуясь новому дню, как ребенок, и прежде чем он успел спросить: «Мы можем пойти сегодня?», Тереза сказала, что на этот день запланированы покупки.

Все вместе поехали на машине Хосе купить побольше теплой одежды для путешествия в горы, пластиковые емкости для воды, всем по одеялу, а также продукты. На это ушло все утро.

Потом Тереза снова пожаловалась на головную боль: ей было плохо из-за высоты.

Хосе сварил чай из коки и заставил всех его пить — этот напиток помогал от горной болезни. Тереза проспала до вечера, мужчины тем временем пошли к кому-то в гости, а Бен нервно ждал в гостиной.

За ужином Альфредо и Хосе сообщили Терезе, что придумали для нее план. Она может оставаться в этом доме с женой Хосе, которая работает в Жужуе, освобождая выходные на тот случай, если Хосе приедет из Хумахуаки. Утром они сходили к другу, который работает на местной телестанции — маленькой, не имеющей ничего общего с роскошными студиями в Рио, но если Тереза наберется терпения, для нее наверняка что-нибудь найдется. Еще есть археологический музей, пока можно начать там. В Жужуй на табачные плантации и в шахты приезжали рабочие и разные специалисты, и всем им нужно, чтобы за ними присматривал кто-нибудь вроде Терезы.

Что она думает? Она останется в Жужуе? — спросил Альфредо, и девушка сразу же согласилась. Бен слушал этот разговор, как слушает ребенок, когда дело его не касается, и Тереза впервые подумала: «Что мы будем делать с Беном?» Если отправить его назад к Алексу, этот профессор Гомлах до него доберется. Я не могу просить жену Хосе поселить тут еще и Бена. Они почти не подумали о будущем Бена: пришлось срочно увезти его из Рио, подальше от опасности. Теперь все выглядело так, словно она, — а значит, и Альфредо (но почему он должен на это соглашаться?) — несут за Бена ответственность. Или, может, стоит отправить его назад в Лондон, к этой Рите, о которой он говорил.

— А завтра во сколько мы поедем? — поинтересовался Бен.

— Когда погрузим все вещи в машину, — объяснил Хосе.

— Мы отвезем их людям?

— Нет, они понадобятся нам самим, — сказал Хосе, — будет холодно.

— Почему они живут там, где холодно?

— Сам поймешь, — ответил Альфредо после паузы, во время которой три взгляда встретились и сразу разошлись, чтобы Бен не заметил их тревоги. Но он увидел, да. Бен понимал куда больше, чем люди себе представляли.

— Почему ты так сказал? — пытался понять Бен. — С ними что-то не так?

— Нет, — ответила Тереза, а Хосе напомнил, что нет еще восьми: не отправиться ли им в один отель познакомиться с ночной жизнью Жужуя.

Бен ответил, что ему не хочется, но Тереза заметила, что ему ведь нравилось сидеть на улицах Рио и смотреть, как течет жизнь, не так ли?

Отель оказался низкосортным заведением, нисколько не похожим на величественные здания, стоящие вдоль знаменитых набережных Рио. Снаружи горели цветные огни, выделяющие его среди всего остального, в главном зале было светло и шумно, толпился народ. Почти никто не заметил, как вошли эти четверо, а что до Бена — там было полно сильных крупных мужчин. На столы подавали еду, но люди пришли скорее в бар, расположенный вдоль стены. У стойки стояли мужчины, в основном — с табачных плантаций, глаза на бесстыдных крикливых девиц, развлекающих публику. Четверо друзей нашли столик и протиснулись к нему; Бен выглядел несчастным — его раздражал шум. Терезе, с ее головной болью и тошнотой, обстановка тоже не нравилась. Она смотрела на девочек, убеждая себя, что никогда не вела себя так нахально и криливо, она была просто уверена в этом; говорила себе, что у этих девушек, как и у нее, наверняка есть семьи, которые надо прокормить, — она жалела, что сюда пришла. Потом Тереза заметила молодую женщину, которую в последний раз видела за столиком в кафе у того, первого отеля, в котором работала в новом платье. Она испугалась, что женщина ее узнает и поздоровается, и Хосе догадается о ее прошлом. Это будет некрасиво по отношению к Альфредо. Она сжалась и спряталась за ним, он это заметил, попытался найти причину и, поняв ее, сказал, что им не обязательно оставаться надолго. Тем временем с Хосе у бара поздоровалась девушка, которую он, по всей видимости, очень хорошо знал: они обменивались любезностями.

— Хосе давно женился? — спросила Тереза, и когда Альфредо рассмеялся, она сказала: — Если бы мне пришлось ждать тебя в Рио, я бы ревновала.

Она думала, что Бен не поймет, но тот спросил:

— Почему, Тереза? Почему ты ревнуешь Альфредо?

— Мы шутим, — объяснила Тереза, наблюдая за Хосе и той женщиной. А потом шепнула Альфредо: — Нет, на самом деле я не шутила.

— Но ты же убережешь меня от беды, — сказал он.

В этот момент вернулся Хосе — он принес себе и Альфредо пива, Бену сока, а Терезе чай из коки.

— Завтра будет трудно, — предупредил он ее. — Мы поднимемся намного выше, ты будешь чувствовать себя плохо, если не выпьешь этот чай.

— А мои люди пьют такой чай? — поинтересовался Бен.

— Судя по тебе, он им не нужен, — сказал Хосе. — Откуда у тебя такие легкие? — Он заговорщически рассмеялся: — Я имею в виду, если бы они существовали. — Это он сказал на португальском, чтобы Тереза и Альфредо оценили его жестокую шутку. На португальском, но Бен понял, кое-что понял.

— Почему ты смеешься? — спросил он у Хосе. Его сразу переполнили подозрения.

— Мы грубо шутим, — объяснил Хосе по-английски, а потом добавил по-португальски: — А этот Бен шустрый парень.

— Почему ты это сказал? Почему ты назвал мое имя — «Бен»? Что ты про меня говоришь?

— Ничего, — сказала Тереза, думая, что Хосе не понимает чужих чувств, в отличие от Альфредо. Потом она подумала, что Бен не должен узнать правду так, таким жестоким образом.

— В чем дело? — настаивал Бен, заглядывая в глаза им по очереди.

В этот момент можно было бы сказать: «Бен, ты не так понял...» — но Тереза не могла себя заставить. Она промолчала. Альфредо выглядел смущенным, словно извинялся — перед ней, будто эта неловкая ситуация причиняла боль ей, а не Бену. Хосе вернулся к бару, чтобы что-то сказать той женщине — знакомой или даже больше того, — и Тереза порадовалась, что Хосе — не Альфредо.

Альфредо сказал другу, что пора идти. Он понимал, что Терезе там не нравится. Хосе бы этого не заметил. Тем временем несчастный Бен печально сидел, подозрительно осматривался, как будто не только эти трое, а все вокруг ополчились против него. Тереза проскользнула мимо девицы из Рио, ощущая, что прошлое выпустило щупальце и пыталось затащить ее назад. Они с Альфредо направились к машине, Бен следовал сзади, глядя на них с подозрением, Альфредо обнял Терезу и сказал:

— Ты же останешься со мной, Тереза? Согласна? А когда вернемся с гор, мы поженимся. — Он сказал это на португальском, а потом добавил на английском, для Бена: — Мы с Терезой собираемся пожениться.

Бен не ответил. Тереза подумала: «А как же Бен? Я не буду нужна Альфредо, если он подумает, что я должна присматривать за Беном».

Когда они добрались к Хосе домой, Бен сказал, что пойдет спать, и Тереза, боясь за него, тоже ушла в комнату и улеглась в темноте. Бен не спал. Она видела беспокойный блеск его глаз. Он молчал.

Тереза прислушивалась к разговору в соседней комнате, представляя себе этих людей. Они такие разные. Хосе худой и подтянутый, у него острые черты лица, настороженные глаза. Без загара его кожа бледная, а загар не такой, как у них с Альфредо, равномерно коричневый с медным отливом. Тереза мечтала: «У нас будут красивые дети. Похожие на меня с Альфредо. Мы симпатичные. Хосе некрасивый, потому что в свое время плохо ел». Она поняла, что это так, поскольку в его глазах просматривалась некая незавершенность. Мы-то ели, я и Альфредо, хорошо ели, до начала страшных засух. И у нас будут здоровые дети. Она представила лицо Альфредо, когда он увидит их первенца. Одновременно с этими мыслями, придающими уверенность и самоуважение, в ее сердце стучало беспокойство за Бена.

Утром Бен молчал и ничего не спрашивал. Пока укладывали вещи в машину, он стоял и смотрел на горы, однажды перевел мрачный взгляд на товарищей, по глазам было видно, что он озадачен и насторожен. Бен начал агрессивный танец, топая ногой, яростно выкрикивая, и это продолжалось, пока вещи не погрузили в машину и не закрыли дом. Тогда он остановился и стал смотреть на горные вершины, безжалостные, высокие, темные. Выражение его лица заставило Терезу подойти к нему, положить руку на плечо, осторожно, так как она боялась его рассердить. Но он не отреагировал на это проявление сочувствия, не шевельнулся, просто смотрел, глаза его помутнели от боли утраты.

Тереза подумала, похоже, он понял. Должен был догадаться. Каким-то образом Бен все понял.

Тереза села на переднее сиденье — она боялась, что ей станет плохо, понимая, что Бена тоже будет тошнить: с Беном сел Альфредо, и по его позе Тереза догадалась, что Альфредо готов к тому, что Бен снова может разъяриться.

Дорога, по которой они ехали, поначалу была широкой, вдоль нее располагались селения и одинокий отель, потом она стала уже и пошла вверх. Воздух был тонкий и блестящий, и Тереза уже не могла думать о чем-либо, кроме вызванных высотой тошноты и головной боли, которые накатывали и отступали холодными волнами. Дорога, извиваясь, поднималась по склонам, потом снова спускалась, потому что они ехали у подножия гор, там все еще росли деревья, но они встречались все реже, и вот уже вдоль дороги не осталось затененных участков. Они ехали выше линии лесов. Похолодало, и они остановились, чтобы надеть поверх свитеров куртки. Бен стоял у машины и пристально смотрел вверх, вверх, потом осмотрелся вокруг,

холмы, гребни, каменистые впадины, вокруг никого, ни одного дома. Поздно вечером, наконец, доехали до придорожной гостиницы, после которой дорога превращалась в грубую колею. Гостиницей этой пользовались исследователи, скалолазы, топографы. Но на этот раз они были единственными постояльцами. Терезу заботило только одно: движение прекратилось, и можно посидеть с закрытыми глазами. Бен молчал. Он выглядывал то в одно окно, то в другое. Альфредо пошел заказать подходящей еды — чего-нибудь легкого, потому что всем им было плохо из-за высоты. Вернулся с подносом чая из коки, который все с благодарностью выпили. Высота перевалила за 16 000 футов, напряжения не ощущал лишь Бен.

— Это потому, что у тебя такая грудь, — сказал Хосе. — У всех, кто живет в этой местности, грудь, как у тебя, потому что воздух разрежен, и человеку нужны большие легкие.

— У кого у всех? Где они? — спросил Бен. — Тут никого нет.

Ночь была холодная, мимо окон проплывали облака: ничего не видно. Они легли рано, Хосе с Альфредо, Тереза с Беном. Тереза не могла заснуть из-за головной боли, Бен тоже не спал. В комнате было темно и душно, а на улице в белом тумане рассеивался тусклый бледный свет лампы, висящей над входом в гостиницу. Тереза думала: если сказать Бену сейчас о том, что его вида, его людей не существует, это будет именно то, о чем он думает.

Встали рано, разреженный воздух бодрил и завораживал. От тумана не осталось ни следа, ни облачка. Во время завтрака приехали два человека, которые планировали отправиться наверх, но вернуться до темноты.

— Там лучше не теряться, когда темно, — сказали они. Пришло время перекладывать вещи, пожитки. Альфредо и его спутники оставили за собой одну комнату и сложили туда все, что им не понадобится, потому что теперь придется идти пешком. А машину закрыли и оставили под присмотром хозяев отеля. Каждый нес рюкзак с теплыми вещами, водой, едой; а Хосе взял еще маленькую плиту и сковородку.

Выше они не поднимались, оставались приблизительно на том же уровне. По крайней мере, добавил осторожно Хосе, поглядывая на Бена, не сегодня. Новость о том, что сегодня они не достигнут цели путешествия, Бен воспринял молча: по его лицу можно было понять не много, потому что он рассматривал окружающие громады. От грустных мыслей у Терезы на глазах выступили слезы, и она отвернулась. Собравшись, они заметили, что те двое, что недавно прибыли, уже отправились вверх по крутому утесу, отбрасывающему тень на гостиницу.

На ночь надеялись найти хижину, которую использовали скалолазы, а на следующее утро — пойти искать ту стену, которую вспоминал Альфредо. К этому времени все оделись в самые толстые свитера и дутые куртки, надели темные очки. Сначала они шли по тропе, по которой мог бы проехать осел или мул, но потом тропинки стали уже и оказывались то в тени, то на солнце. Альфредо каждый раз останавливался на развилке, чтобы убедиться, что выбирает правильный маршрут: они с Хосе спорили. Хосе говорил, что надо идти более протоптанными дорожками, потому что «по ним ходят люди гор». Он имел в виду археологов, палеонтологов, которые делали в горах открытия и пополняли музей Жужуя. И спросил Альфредо, почему эту скалу (он называл ее «твоя картинная галерея») не обнаружили.

— Сам увидишь, — сказал Альфредо. Они сказали это при Бене по-английски, но тот ничего не спросил, он просто шел за Хосе, который шел за Альфредо. Тереза двигалась сзади, так она могла следить за Беном. Она была уверена, что Бен знает правду, но потом на этом бородатом лице появилось выражение такого стремления, такого изумления, что она почувствовала, словно смотрит на ребенка, ждущего чудес, обещанных назавтра, а потом это выражение исчезло, и осталась только грусть.

День выдался тяжелый, хотя они забрались не намного выше. Иногда шли по тропинкам в глубокой тени, между высокими утесами, иногда по краю обрыва. Их мучила боль в груди — но Бена, похоже, нет, — болела голова, несмотря на целебный чай Хосе, который он наливал из термоса. Они остановились днем, потому что дошли до хижины — примитивного укрытия из бревен, которые сюда наверняка привезли на животных, потому что поблизости деревья не росли. Альфредо сказал, что помнит эту хижину, тогда она была в плачевном состоянии: кое-где не хватало бревен, некоторые куски шифера с крыши соскочили. Ею давно никто не пользовался, кроме мелких зверей, от которых остались испражнения. Они все вычистили и сложили вещи у стены. Альфредо собрал веточки и лишайник для костра, но набралось так мало, что решили поберечь топливо до темноты. Ночь настала рано, потому что место окружали высокие хребты, но времени хватило, чтобы Альфредо выбрал завтрашний маршрут: он карабкался по камням, останавливаясь у крутых каменных стен или у края обрыва. Когда похолодало и солнце скрылось, они с одеялами уселись вокруг костерка. От высоты в голове звенело, есть не хотелось. Все трое напряженно ждали, когда Бен спросит: «Где мои люди? Когда мы их найдем?»

У Альфредо было крошечное радио, но работало оно плохо. Еле слышная колоритная музыка обрывками доносилась снизу, с

расстояния в тысячи футов; голоса, мужские и женские, перекрывающиеся отрывками новостей, строкой из песни, фразой из какого-то разговора, — радио решили выключить.

Костер был маленький — крошечный отблеск на бревенчатых стенах. Сквозь щели в бревнах виднелся холодный свет. Все вышли наружу и замерли. Там, в горах, воздух был чистым, и звезды сияли холодным блеском, синие, красные, желтые вспышки давили на них, через небо простирался Млечный путь, словно дорога. Такие звезды, чистые и яркие, ничем не скрытые, были похожи на воспоминания. Все заворуженно молчали, а потом услышали, как Бен затынул резкую лишнюю мелодичности песню, начал двигаться — он танцевал и пел звездам.

— Они разговаривают! — орал он. — Они поют нам.

Они пытались разобрать, что Бен мог услышать, и им показалось, что они слышат в высоте хрустальный шепот, легкий звон, а Бен ликовал:

— Звезды поют, они поют!

Он все танцевал, изгибаясь и кланяясь, протягивая руки к звездам, топая и махая ногами, кружась и кружась, а зрители дрожали и кутались в одеяла.

Бен все танцевал, они уже подумали, что сейчас он упадет в изнеможении около этой маленькой хижины, среди камней и утесов, которые своим вершинами пронзали звездное небо.

Им казалось, что это продолжалось часами, они замерзли до бесчувствия, Тереза первая, а за ней и мужчины, ушли в хижину греться, и оттуда смотрели, как Бен танцует в звездном свете, огибая препятствия, и слышали его гимн небу.

Потом Бен замолк, они вышли и увидели, что он стоит, вытянув руки и запрокинув голову, и молча смотрит ввысь. Яркие блестящие узоры неба сдвинулись, и звездные тени дошли через пустое пространство до места, где стоял Бен. Он был в трансе, или в экстазе, а потом наконец руки его упали — он стоял на месте и дрожал. Тереза отвела его внутрь и укутала одеялами. Бен сидел там, куда она его посадила, смотрел на угасающий огонь и снова тянул свою тихую грубую песню. Он был далек от них, от их понимания. Друзья говорили шепотом, чтобы не спугнуть то состояние, в котором он находился. Они не спали, несли караул вместе с ним.

Утром, когда открыли дверь, хижина все еще находилась в тени, а небо разливалось золотым и розовым светом среди горных вершин.

Они согрелись горячим чаем и походили вокруг хижины, чтобы размяться. Все, кроме Бена, — он затерялся где-то в мечтах, о чем — никто не знал. Вещи оставили в хижине и пошли рядом по узкой тропинке, с одной стороны которой высился черный утес, а с другой падал черный каменный обрыв, идущий до скалистой долины далеко внизу. В небе над ними парил кондор, благодаря которому было заметно, насколько они продвинулись по опасной тропе. Через пару часов Альфредо сказал:

— Здесь. Я помню это место. — Он резко свернул направо через щель в скале, пришлось ползти, карабкаться, держась за крохотные выступы и бугорки, и вот они попали на просторную пустую площадку, а перед ними оказалась высокая каменная стена. Было около десяти утра. Солнце находилось по другую сторону каменного препятствия, через которое они перебрались, а над ними — яркое залитое солнцем небо. Альфредо ходил туда-сюда у основания каменной стены, подходил ближе... отодвигался подальше... снова подходил, качая головой... шагал в одну сторону, в другую, повторяя:

— Нет, не здесь, а там, — отходил, возвращался, а потом вдруг слабый луч света пробился через пик, сразу же стал сильнее, и упал на край стены.

И сразу же из черной блестящей глубины камня показалась фигура, а там, глубоко в этом блеске, скрывались еще фигуры — нужен был свет, чтобы они показались. Луч света превратился в поток, и перед ними предстала картинная галерея: народ Бена. Он сделал шаг вперед, еще один, встал перед камнем, все остальные остались позади, позволяя ему все осознать. Прямой солнечный свет уже полностью осветил каменную стену, испещренную рисунками — их было не меньше сорока, некоторые нарисованные люди походили на Бена, только одеты иначе. Что это за полосы коры? Кожа? Шкуры? Это была настоящая одежда, из мягкой ткани, спадающей складками, люди были подпоясаны и носили на плечах металлические пряжки. Одежда была раскрашена — не просто серая и коричневая, а красноватая, синяя, зеленая. Волосы спадали до плеч, сейчас у Бена они короче, и у них были огромные грудные клетки. Бородатые, но не все, нет, безбородые, должно быть, женщины; ростом пониже, более хрупкого сложения, хотя прочно стоят на ногах. Оружия у них не было, хотя некоторые держали в руках нечто похожее на музыкальные инструменты. Бен пристально смотрел. Никто из остальных не знал, о чем он думает, но их сердца учащенно бились, словно не только от высоты, но и от страха за чувства Бена. Он подошел, погладил силуэт женщины — казалось, она ему улыбается. Потом наклонился и уткнулся в нее носом, потерся бородой, издавая короткие приветственные крики.

ишина была ужасной, просто ужасной. Дыхание, резкое и тяжелое, подчеркивало ее.

Бен все еще стоял спиной к остальным. И гладил себе подобную, а она улыбалась ему в ответ из глубины черного камня. Солнечный свет начал угасать, ускользать поверх камней, и фигуры исчезали одна за другой. Вскоре осталось лишь несколько рисунков с краю, а Бен стоял, трогал и гладил женщину. Потом солнце ушло и оттуда, и раздался вой Бена — он бросился на стену и скрючился возле нее.

Солнце покинуло их. Рисунки исчезли. Если приглядеться, за сгорбившейся фигурой Бена можно было заметить слабые очертания того, что так недавно казалось живым и ярким. Легко понять, как люди проходили мимо этой стены, ничего не замечая — ничего, если им не повезет попасть сюда в тот миг, когда солнце светит под нужным углом.

Бен выпрямился, но не повернулся: он не спешил смотреть им в лицо. Эти трое, которые называли себя друзьями, так страшно его предали — должно быть, так он чувствует; и они боялись того, что могут увидеть. Но он не поворачивался, он словно прилип к этой скале, опустив на нее кулак. Наконец Бен с усилием развернулся: стало ясно, как это для него тяжело. Он казался меньше, чем был, несчастное животное. Он не обвинял их взглядом, он вообще на них не смотрел.

Тереза отважилась подойти к Бену и обнять его, но он этого не почувствовал, даже не заметил, что она подошла. Спотыкаясь, прошел рядом с ней всю долгую дорогу до хижины. На тропинке, рядом с которой начинался обрыв, Бен на мгновение остановился, посмотрел вниз, но Тереза дотронулась до него, и он двинулся дальше. В хижине они положили в огонь побольше топлива, заварили чай и предложили Бену. Он никого не замечал. Потом — это произошло так внезапно, что они сперва даже шелохнуться не могли, — он выбежал и вприпрыжку помчался назад по тропинке, по которой они только что пришли. Тишина. Потом Тереза все поняла и хотела броситься за ним, но Альфредо обнял ее и сказал:

— Тереза, оставь его.

Раздался крик, звук падающих камней, и все стихло.

Они медленно поднялись, медленно пошли за ним. Добрались до места, где у тропы начинался обрыв. Бен лежал там, внизу, словно куча цветной одежды. Его желтые волосы походили на пучок горной травы.

Все трое стояли на краю, глядя вниз и держась друг за друга вытянутыми руками, чтобы сохранять равновесие. С голубого края, спереди, оттуда, где тропинка сворачивала, подул ветер, достаточно

сильный, чтобы заставить их вернуться на дорожку, которая была лишь выступом над пропастью, и они встали спинами к скале. Теперь Бена не было видно — только другой конец долины, поднимающейся ввысь утесами и скалами.

Альфредо сказал:

— Когда доберемся до телефона в отеле, можно позвонить профессору Гомлаху и рассказать ему, что случилось.

— Я позвоню, — откликнулся Хосе. — Он меня не узнает. Я не буду упоминать тебя или Терезу.

— Он разозлится на тебя, — ответил Альфредо — Можешь сказать ему, что даже у животного есть право на самоубийство.

— До лощины они доберутся через день-другой — и им понадобятся мулы, — сказал Хосе.

Альфредо добавил:

— Кондоры от него немного оставят.

И как раз появился кондор. Он прилетел из-за горы, которая находилась сзади, пролетел мимо, кружа над лощиной. Было видно, как его спина блестит на солнце.

— Не важно, — ответил Хосе, — чтобы понять о человеке все, им достаточно небольшой части от фаланги его пальца.

— Они захотят узнать, что он делал здесь, наверху, — сказал Альфредо.

Еще один кондор сорвался с горной вершины на другой стороне лощины. Тереза не участвовала в обсуждении. Хосе сказал:

— Тереза, плакать глупо. Бен сделал правильно.

Альфредо заметил:

— Тереза это знает.

— Да — ответила Тереза. И добавила: — И я знаю, что все мы рады тому, что он умер, и нам не придется больше о нем думать.

